

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 6 2018 г.

НОВАЯ КАРТА СИБИРИ

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф.; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юэцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, д.э.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мирносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фридьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зав. отделом ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, и.о. губернатора Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глуценко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, к.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

6 (528) 2018

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

International Advisory Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev L.M.**, PhD, Higher School of Economics;
Jae Young Lee, PhD, Korean Institute for International Economic Policy;
Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute;
Kolmogorov V.V., PhD; Prof. Dr. **Kuleshov V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe A.**, FhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov V.A.**, Technopark of Novosibirsk Akademgorodok;
Dr. **Psarev V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»;
Prof. Dr. **Shvetsov A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Veber Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Dr. **Yutszyun Ma**, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies;
Prof. Dr. **Zorkaltsev V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Editorial Board:

Dr. **Alekseev A.V.**; Dr. **Barsukova S.Yu.**; PhD **Fadeeva O.P.**; Dr. **Gluschenko K.P.**, PhD **Goosen E.V.**; Dr. **Kapoguzov E.A.**; Dr. **Klistorin V.I.**; Dr. **Litvintzeva G.P.**; PhD **Melnikov V.V.**; PhD **Melnikova L.V.**; PhD **Shcherbakova L.N.**; PhD **Shmat V.V.**, **Veselova E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Дороги/пути реинтеграции

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Тема номера: Новая карта Сибири

- 7 ВЕСЕЛОВА Э.Ш.
Россию «разрежут» по-новому
- 20 ВЕСЕЛОВА Э.Ш.
«Енисейская Сибирь» -
первый макрорегион России
- 38 БУХАРОВА Е.Б.
Нужны новые механизмы
государственной региональной
политики
- 50 МАЛОВ В.Ю.,
ТАРАСОВА О.В.,
ИОНОВА В.Д.
Нижнее Приангарье как
«связующее звено» между
севером и югом Сибири
- 72, 135 «ЭКО»-информ

ИЗОПП СО РАН – 60 лет

- 75 КРЮКОВ В.А.
Наше будущее – сетевые структуры

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 86 АВРААМОВА Е.М.,
ЛОГИНОВ Д.М.
Адаптация населения к «новой
экономической реальности»

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И АРКТИКИ

- 103 ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Е.
Оценка эффективности политики
и перспективные направления
инвестиционного развития
в муниципалитетах Севера и Арктики

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

- 118 ГАВРИЛЬЕВА Т.Н.,
ПЕТРОВ Н.А.,
НОГОВИЦЫН А.В.,
ПАВЛОВ Н.В.
Эмиссия парниковых газов в Якутии:
ретроспективный анализ на основе
топливно-энергетического баланса

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 136 КОЧЕРГИН Д.А.,
ЯНГИРОВА А.И.
Развитие национальной системы
платежных карт в России в условиях
экономических санкций

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

- 153 КРАСИЛЬНИКОВ С.А.
Инсценирующая диктатура.
90 лет Шахтинскому процессу 1928 г.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 175 ТЕСЛЯ П.Н.
Архаические рассуждения об
иерархии и власти (о книге
А.П. Ермилова «Власть и
экономические отношения:
деятельностный подход»)

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 The Ways of Reintegration

REGIONAL DEVELOPMENT ISSUES

Cover story: A NEW MAP OF SIBERIA

- 7 VESELOVA E.SH.
Russia Would be Divided in
a New Way
- 20 VESELOVA E.SH.
«Yenisei Siberia» – the First
Macroregion of Russia
- 38 BUHAROVA E.B.
We Need to Update the Mechanisms
of State Regional Policy
- 50 MALOV V.YU.,
TARASOVA O.V.,
IONOVA V.D.
Lower Angara Region as a Link
between the North and South
of Siberia

72, 135 **ECO-inform**

60TH ANNIVERSARY OF IEIE SB RAS

- 75 KRYUKOV V. A.
Networks are Our Future

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 86 AVRAAMOVA E.M.,
LOGINOV D.M.
The Population's Adaptation
to the New Economic Reality

DEVELOPMENT OF THE NORTH AND ARCTIC

- 103 EMELIANOVA E.E.
Evaluation of the Effectiveness of the
Policies and Promising Areas of Invest-
ment Development in the Municipalities
of the North and Arctic

ECOLOGY AND ECONOMY

- 118 GAVRILYEVA T.N.,
PETROV N.A.,
NOGOVITCYN A.V.,
PAVLOV N.V.
Greenhouse Gas Emissions in Yakutia:
a Retrospective Analysis Based on Fuel
and Energy Balance

FINANCIAL ECONOMY

- 136 KOCHERGIN D.A.,
IANGIROVA A.I.
Development of the National Payment
Card System in Russia in the Condi-
tions of Economic Sanctions

THE ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 153 KRASILNIKOV S.A.
Staged by Dictatorship. 90 Years Since
the Shakhty Trial, 1928

BOOKSHELF

- 175 TESLIA P.N.
Archaic Reasoning about
Hierarchy and Power

Дороги/пути реинтеграции

Понемногу и вполне закономерно спадает ажиотаж вокруг обсуждения проблем социально-экономического развития страны. Это связано не столько с завершением предвыборной кампании, утверждением нового состава Правительства, сколько с нарастающим пониманием сложности задач, которые предстоит решать (во всех сферах и областях жизни Отечества) в предстоящие годы, в том числе – далеко за горизонтом срока полномочий избранного главы государства.

Становится все очевиднее, что только за счет приватизации, регулирования спроса и предложения и мер кредитно-денежной политики стоящие перед экономикой и обществом проблемы решить не удастся. Об этом красноречиво свидетельствуют и результаты опросов делового сообщества. Более половины руководителей предприятий отмечают близкий к катастрофическому характер тех процессов, которые происходят в экономике – зарегулированность бизнеса, отсутствие доступных кредитов, низкий внутренний спрос, изношенность основных активов во многих отраслях, нарастающее технологическое отставание и т.д.

На этом фоне резко нарастает потребность в ясной и целенаправленной научно-технической политике, а также (прежде всего!) в формировании эффективных подходов к реинтеграции одного из самых важных факторов развития нашей страны – пространства. Как показала практика последних лет, точечные решения не дают желаемого результата. Да, путем разовых льгот и преференций можно обеспечить рост и процветание в отдельно взятом проекте (зоне развития). И это делается весьма и весьма активно. Но ни масштаб этих проектов и зон, ни их количество не дают системного эффекта и не обеспечивают целевых темпов роста всей экономики.

Ключевой вопрос современной экономической политики России – переход от отдельных проектов к их взаимосвязанным и взаимодействующим друг с другом сочетаниям. Примером такого подхода, по сути, является инициатива Красноярского края, Тывы и Хакасии, смещающая акценты от выявления конкурентных преимуществ регионов в борьбе за инвестиции к поиску проектов, связывающих их экономику в единое целое. «...Очень своевременной представляется инициатива администрации Красноярского края по активизации исследований всей “Енисейской Сибири”, в которой Нижнее Приангарье играет связующую роль между Севером и Югом, включая и республики Тыва и Хакасия» (статья В. Ю. Малова, О. В. Тарасовой, В. Д. Ионовой).

Нельзя не отметить, что в рамках советской системы централизованного планирования значительное внимание уделялось интеграции проектов, их взаимосвязи и взаимодействию. Подход к выстраиванию подобных связей имел в большей степени производственно-технологический характер – в рамках либо энергопроизводственных циклов (Н. Н. Колосовский¹), либо – межотраслевых комплексов и систем (М. Я. Лемешев²).

Если в первом случае основной акцент делался на процессе создания локальных комплексов взаимосвязанных объектов (производств или процессов), то во втором случае – на управлении формированием синергетических эффектов (необязательно технологически тесно связанных подсистем).

Неявно предполагалось, что по мере развития подобных локализованных комплексов взаимосвязанных систем будет происходить и трансформация экономического пространства – будут развиваться и расширяться экономические связи, формироваться новые отрасли и сферы деятельности и т.д.

Увы, значительная часть созданных в рамках подобных подходов комплексов – территориально-производственных (ТПК) и межотраслевых научно-технических (МНТК) – до нынешних времен не дожила. С началом радикальных экономических преобразований время для них остановилось, а в некоторых случаях – даже пошло вспять. Усилилась монопродуктовая направленность созданных взаимосвязей, выпали целые звенья квалифицированных переделов. В результате от большинства прежних сложных комплексов остались, выражаясь современным языком, якорные производства – донельзя усеченные производственно-технологические цепочки, как правило, ориентированные на экспорт сырья или продуктов начальной переработки (таких, например, как полипропилен и полиэтилен).

Невидимая рука рынка с неизбежностью сделала свое дело: отсутствие перспективы, частая смена условий и правил ведения бизнеса, ориентация на сиюминутную доходность и возврат средств (как правило, относительно небольших по объему) привели к разрыву экономических связей, и в конечном счете – к дезинтеграции экономического пространства.

¹ Колосовский Н. Н. Проблема Ангары // Конференция по изучению производительных сил Иркутской области 4–11 августа 1947 г. Тезисы докладов. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947 – С. 101–106.

² Михаил Яковлевич Лемешев возглавлял сектор эффективности общественного производства в ИЭОПП СО АН СССР в 1969–1972 гг. Основная деятельность была связана с исследованием проблем системного анализа и программно-целевого планирования и управления.

Лемешев М. Я., Панченко А. И. Комплексные программы в планировании народного хозяйства. М.: Экономика, 1973. – 167 с.

Можно ли исправить ситуацию и реализовать давно задуманное – сделать пространство фактором функционирования и развития экономики? Опыт современного Китая показывает, что это осуществимо. При одном условии. Структурная и пространственная политики государства должны быть последовательны и тесно взаимосвязаны. Государство должно активно участвовать в освоении территории в качестве соинвестора и гаранта стабильности принимаемых решений.

Вполне очевидно, что не все проекты территориального развития могут (и обязаны) быть окупаемы в рамках тех сроков, которыми оперируют, например, финансовый сектор или сфера услуг. Точно также не вызывает сомнений, что создание инфраструктурного каркаса, без которого невозможно формирование экономических связей и взаимодействия, требует совершенно иных подходов к финансированию и реализации, чем, скажем, проекты освоения месторождений стратегических полезных ископаемых.

Не менее чем инвестиции важны устанавливаемые государством ясные и непротиворечивые принципы и правила взаимодействия всех участников пространственного развития. В годы плановой экономики данная задача сводилась к синхронизации и обеспечению оптимальной динамики процессов сооружения и развития производственных и социальных объектов. В рыночной экономике «хозяйственные связи устанавливаются совершенно по-другому, и нужно искать какие-то новые механизмы согласования интересов и выстраивания кооперационных цепочек в ходе реализации крупных проектов. Но очевидно, что ответственности с государства никто не снимал, и именно ему необходимо разрабатывать и запускать новые механизмы управления такими территориальными комплексами» (интервью Е. Б. Бухаровой).

Определяющая роль государства, продуманные правила взаимодействия участников комплексных проектов, грамотная тарифная политика – вот, пожалуй, те главные опоры, которые формируют основу экономической реинтеграции пространства.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Россию «разрежут» по-новому¹

Утвержденная в мае 2017 г. Концепция пространственного развития Российской Федерации до 2025 года предполагает разделение России (пока не административное, но функциональное) на макрорегионы, для которых будут выделены отдельные направления экономического развития и отраслевой специализации, определяющие их стратегическое место в российском и мировом распределении труда. В статье рассмотрен один из предложенных подходов к выделению макрорегионов – на основе социально-экономических критериев, приводятся экспертные мнения участников Красноярского экономического форума-2018 о проекте Стратегии пространственного развития.

Ключевые слова: региональная политика, пространственное развитие, макрорегион, Сибирь, агломерации

То, что исторически сложившаяся система расселения и размещения предприятий по территории России перестала отвечать потребностям устойчивого развития страны, давно стало притчей во языцех. Притом, что определенное территориальное неравенство, концентрация экономической деятельности и населения в некоторых ареалах характерно для всех стран и всех экономических эпох, Россия получила в наследство от СССР структуру расселения и размещения производительных сил, очень мало отвечающую принципам рыночной экономики. Ее стихийная трансформация, начавшаяся в годы реформ, едва не привела к угрожающим для страны последствиям. Но лишь в 2000-х гг. государство попыталось формализовать процесс управления территориальным развитием, приняв Концепцию социально-экономического развития РФ до 2020 г.², и законодательно обязав все федеральные округа, регионы и даже муниципальные образования разработать и принять свои документы стратегического планирования³.

В 2014 г. было принято решение и о разработке Стратегии пространственного развития страны. Работа эта еще не завершена,

¹ Статья написана по итогам экспертного обсуждения проекта Стратегии пространственного развития на Красноярском экономическом форуме.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р. № 17, 2008.

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

но ее концепция уже утверждена⁴ и широко обсуждается экспертным сообществом.

В СССР территориальные диспропорции сглаживались за счет централизованного перераспределения ресурсов. Так, если в 1990 г. разница в объемах инвестиций в основной капитал составляла 30 раз, то по уровню среднедушевых доходов населения «бедные» и «богатые» регионы различались менее чем втрое. В переходный период асимметрия многократно возросла. В 2000 г. она по ВРП на душу населения составляла 26,5 раза, по душевым показателям инвестиций в основной капитал – 180 раз, по среднедушевым доходам населения – 13,5 раза, по уровню безработицы – 21 раз [Миронова, Холина, 2011]. Лишь к концу первого десятилетия XXI в. рост региональных диспропорций удалось остановить, а к 2015 г. – даже компенсировать за счет политики выравнивания бюджетной обеспеченности регионов, увеличения зарплат в бюджетном секторе, реализации национальных проектов, прямых бюджетных инвестиций. В 2013 г. разрыв между максимальным и минимальным годовым объемом инвестиций в основной капитал составил 21 раз, асимметрия по денежным доходам населения – 5,5 раза, по уровню безработицы – восемь раз [Путинцева, 2016].

Тем не менее в стране сохраняется неблагоприятная для ее социально-экономического благополучия региональная дифференциация. В 2015 г. 10 ведущих регионов обеспечивали более 55% суммарного ВРП России, а 10 наименее развитых – всего 1%. По данным Центра экономики инфраструктуры (ЦЭИ), в последние 15 лет около 50% экономического роста страны концентрировались всего в семи регионах, тогда как около 25% населения проживают в поселениях с отрицательной динамикой качества основных социальных услуг (образование, здравоохранение, транспортное обслуживание, наличие рабочих мест).

До сих пор не удается решить проблему узкой специализации большинства регионов страны, равной доступности социальных благ и услуг, депопуляции депрессивных территорий, многие из которых являются приграничными, а значит – стратегически для геополитического положения России. Более того, рост

⁴ Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Утв. зам. Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Козаком 22 мая 2017 г.

зарплата в бюджетном секторе привел к росту долговой нагрузки на территориальные бюджеты: соотношение регионального долга к доходам выросло за 10 лет с 16,8 до 30%, то есть регионы чем дальше, тем больше лишаются собственных ресурсов для развития и впадают в зависимость от федерального центра.

При этом относительно низкая пространственная мобильность населения (по оценке «Центра экономики инфраструктуры»), она в два раза ниже, чем в странах ОЭСР) и сохраняющиеся инфраструктурные разрывы между территориями страны консервируют названные диспропорции.

Довольно подробный анализ Концепции пространственного развития дан Н. Н. Михеевой в предыдущем номере «ЭКО» [Михеева, 2018]. В общих чертах новая концептуальная модель региональной политики, по замыслу Минэкономразвития, должна обеспечить переход от прямых мер государственного регулирования и поддержки к стимулированию потенциала саморазвития регионов и городов, от конкуренции регионов за федеральные ресурсы к обеспечению их бюджетной самостоятельности, от точечной поддержки имиджевых проектов и стратегически важных территорий (Дальний Восток, Северный Кавказ, Республика Крым) к снижению централизации и усилению федерализма, укреплению межрегиональной и межмуниципальной кооперации⁵ [Чугуевская, 2016].

В основу же нового подхода к региональному развитию МЭР закладывает выделение крупных зон – макрорегионов. «Общий залог – повышение связности территорий в основной зоне расселения. В зоне очагового расселения, к которой относится практически вся северо-восточная часть России, надо вернуться к подходу формирования опорных центров, который был выработан в Советском Союзе на основе вахтовой и экспедиционной форм освоения этих сложных территорий», – утверждает директор Департамента стратегического и территориального планирования Минэкономразвития Елена Чугуевская [Чугуевская, 2017].

⁵ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. Министерство экономического развития РФ. Москва, 2016 [Эл. ресурс]. URL: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

Как поделить?

О том, как именно предполагается «нарезать» макрорегионы, участникам Красноярского форума рассказал один из разработчиков проекта Стратегии, вице-президент «Центра экономики инфраструктуры» **Павел Чистяков**.

«Учитывая, что в новой модели пространственного развития ставятся довольно жесткие рамки – добиться к 2025 г. роста ВВП на 30%, мы видим своей задачей обеспечить опережающий рост в первую очередь наиболее масштабных экономических центров. Иначе нам просто не достичь целевых темпов, указанных в послании Президента РФ. Чтобы этот рост был достаточно устойчивым, таких центров должно быть не менее десятка. Концентрация 50% экономического роста всего в семи регионах – это довольно ненадежная конструкция, которая может очень быстро обрушиться при неблагоприятной конъюнктуре. Поэтому мы предлагаем помимо базовых центров поддерживать также центры регионального уровня – не очень крупные по масштабам, но перспективные в плане развития потенциала – небольшие города, сельскую местность, стратегически приоритетные и приграничные территории и т.п.». По замыслу ЦЭИ, если макрорегиональные центры первого уровня нуждаются в поддержке индивидуальных программ, направленных прежде всего на достижение макроэкономических эффектов, то для межрегиональных центров должны быть разработаны типовые модели господдержки, спектр которых должен соответствовать спектру проблем и задач, выявленных для разных типов таких центров.

«Вторая суперцель, которую ставит перед нами Концепция пространственного развития, – это в некотором смысле “смерть пространства” с точки зрения доступности социальных услуг, – продолжает Павел Чистяков. – Необходимо, чтобы каждый человек, независимо от того, где он родился или проживает, мог получить максимальное количество услуг в разумной территориальной доступности... Чтобы и из-за необходимости проведения сложной операции, или для получения качественного образования не нужно было ехать в Москву». Понятно, что помимо более-менее равномерного распределения качественных базовых услуг по территории страны, определяющую роль в плане их доступности играет территориальная мобильность. Особенно – на восточных и северных окраинах России. Но тема способов и стоимости

повышения такой мобильности в докладе ЦЭИ не затрагивалась. Эксперт сразу перешел к концептуальным положениям:

«Мы решили отойти от классических принципов районирования по специализации и экономическим связям и исходить из трех базовых социально-экономических принципов. Во-первых, макрорегиональные центры (крупные города или городские агломерации) должны быть значимыми точками роста в масштабах всей российской экономики, во-вторых, в границах макрорегионов должны быть обеспечены все доступные хотя бы в одном месте страны виды социальных и рыночных услуг, в-третьих, в границах макрорегионов должны быть институционализированы механизмы экономической и инфраструктурной координации.

Как это выглядело методически? Из числа крупнейших агломераций России мы выделили двенадцать наиболее развитых экономически (являющихся национальными центрами экономического роста и концентрации деловой активности) и проанжировали их, исходя из четырех критериев: а) численность населения крупнейшей агломерации; б) численность населения в зоне 3-часовой доступности на самолете и 9-часовой на автомобиле; в) мощность федеральных учреждений социальной сферы и г) концентрация пассажиропотоков (суммарный пассажиропоток на всех видах транспорта во все регионы, кроме Москвы и Санкт-Петербурга).

Границы макрорегионов определялись по принципу равноудаленности от макрорегиональных центров (отдельные субъекты Федерации должны входить в макрорегион целиком).

На следующем этапе мы выделили межрегиональные центры экономической активности, обеспечивающие диффузию экономического роста. Это порядка двух десятков агломераций, которые в соответствии с прогнозом будут вносить вклад в экономический рост выше среднероссийского. Для того, чтобы они быстрее росли и расширяли зону своего экономического влияния, их необходимо связать транспортным каркасом и обеспечить первоочередное вложение средств в человеческий капитал». В частности, на КЭФ обсуждались идеи по созданию опорной сети авиахабов, строительству новых и модернизации старых автомобильных и железнодорожных магистралей. Но, насколько можно понять, стратегическое видение нового инфраструктурного каркаса страны пока не сформировалось окончательно.

«Мы недавно обсуждали в министерстве планы по усилению каркаса инфраструктуры, в том числе множество предложений, поступивших от субъектов Федерации, – рассказал врио директора Департамента планирования территориального развития Минэкономразвития РФ **Алексей Елин**. – И увидели, что просто свод заявок от субъектов не приводит к решению такого важного вопроса, как кооперация, межрегиональное взаимодействие. Для того, чтобы сформировать внятный план, нужен определенный фильтр в виде пула комплексных проектов, которые будут иметь значимые эффекты для макрорегионов».

«Енисейская Сибирь» как пилотный макрорегион

В восточной части страны Центр экономики инфраструктуры выделил пять макрорегионов с центрами в Екатеринбурге (к которому тяготеют Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО), Новосибирске (Новосибирская, Томская, Омская, Кемеровская области, Алтайский край и Республика Алтай), Красноярске (Красноярский край, республики Тыва и Хакасия), Иркутске (Иркутская область, Забайкальский край и Республика Бурятия), Владивостоке (все регионы ДВФО).

Более подробно Павел Чистяков рассказал о «красноярском» макрорегионе, границы которого счастливо совпали с границами проекта «Енисейская Сибирь», инициированного главами Красноярского края, республик Хакасия и Тыва⁶. На этом примере можно оценить посылы и подходы, предлагаемые разработчиками проекта Стратегии пространственного развития.

По словам П. Чистякова, первая проработка концепции «Енисейской Сибири» как макрорегиона показала, что система экономических связей внутри него достаточно интенсивна. Красноярский край фактически выполняет функции грузового хаба для Хакасии и Тывы, система обеспечения которых довольно плотно завязана на взаимодействие внутри макрорегиона: Тыва ввозит более половины всех товаров и услуг из Хакасии (24,6%) и Красноярского края (32,4%); Хакасия ввозит 42% товаров и услуг из Красноярья. Красноярск в этой связке выполняет роль

⁶ Подробнее см. статью «Енисейская Сибирь» в этом же номере «ЭКО»

экспортера товаров и услуг, зато активно участвует в обмене миграционными потоками с соседями (таблица 1).

Таблица 1. Доля регионов в общем количестве выбытий мигрантов, %

Регион «Енисейской Сибири»	Регион приезда		
	Красноярский край	Республика Хакасия	Республика Тыва
Красноярский край		13	1,5
Республика Хакасия	52		3
Республика Тыва	27	18	

Источник: Центр экономики инфраструктуры.

В настоящее время Красноярск и Абакан играют роль образовательных центров для всех трех регионов «Енисейской Сибири», кроме того, существует трудовая миграция. Однако эксперты ЦЭИ после опроса жителей Красноярского края зафиксировали у значительной части населения (в основном у молодых) явные миграционные настроения и усматривают в этом угрозу для целостности региона.

«Красноярский край имеет положительное сальдо миграции, но это никого не радует. Потому что эта миграция по своей структуре крайне неблагоприятна для региона, – признает директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета **Евгения Бухарова**. – Выезжают из края высококвалифицированные специалисты, приезжают низкоквалифицированные. Причем в последнее время молодежь стала уезжать сразу после окончания учебных заведений. Основной мотив при этом – отсутствие ясно видимых социальных лифтов. Молодые и образованные не видят для себя карьерных перспектив в родном городе».

«Главная задача по сбережению населения – управление оттоком, – полагает Павел Чистяков. – На это работают и улучшение среды проживания (создание зеленого каркаса, ликвидация транспортных пробок, например, за счет неиспользуемых промзон), и главное – повышение уровня и разнообразия сферы услуг, включая бизнес-услуги и услуги в сфере досуга. Это увеличит долю малого бизнеса, создаст новую занятость, приведет к повышению общего уровня жизни. Вообще, все три региона «Енисейской Сибири» очень недоразвиты с точки зрения услуг. Душевая добавленная стоимость платных услуг здесь в 1,5 раза

ниже, чем в Новосибирской области, существенно ниже, чем в Свердловской».

Эксперты ЦЭИ оценили вклад макрорегиона в российское и мировое разделение труда. С 2004 г. по 2016 г. его доля в экономике России колебалась от 2,4 до 3,1% общенационального ВРП. Заметен макрорегион и на мировом рынке. В 2017 г. суммарный экспорт из «Енисейской Сибири» составил 8,1 млрд долл. (суммарный импорт – 1,5 млрд долл.). В основном вывозится алюминий (3,2 млрд долл., или 8% мирового рынка), медь (1,8 млрд долл., или 1% мирового рынка), минеральное топливо (1,1 млрд долл., или 0,05%) и древесина (680 млн долл., или 0,3%). За последние 12 лет сырьевая специализация заметно усилилась. По виду деятельности Добыча полезных ископаемых доля макрорегиона в общем объеме производства в РФ выросла с 1,1 до 4,9%.

К ключевым преимуществам макрорегиона эксперты ЦЭИ отнесли высокий ресурсный потенциал практически по всем видам ресурсов; наличие Красноярской агломерации; наличие достаточного количества трудовых ресурсов востребованного профиля с адекватными зарплатными ожиданиями. К ключевым ограничениям – удаленное положение относительно внешних рынков; низкую плотность населения; недостаточную инфраструктурную обеспеченность и недостаточность человеческого капитала. Некоторые показатели развития человеческого капитала представлены в таблице 2. Очевидно, что по ряду позиций регионы «Енисейской Сибири» выглядят хуже среднероссийского уровня.

На основе проведенного анализа ЦЭИ сформулировал для региона стратегические цели: а) опережающий экономический рост по сравнению с другими регионами России, б) сбережение населения и рост качества человеческого капитала и в) сбалансированное пространственное развитие внутри макрорегиона. «По мере ускорения экономического роста нужно стараться, чтобы социальное неравенство хотя бы не увеличивалось», – говорит П. Чистяков.

Первоочередные задачи, которые способствуют достижению этих целей, включают комплексное развитие всех элементов транспортной инфраструктуры макрорегиона, скоординированное развитие социальной сферы и отраслей приоритетной специализации.

Таблица 2. Некоторые показатели развития человеческого капитала в регионах «Енисейской Сибири»

Индикатор	РФ	Красноярский край	Республика Хакасия	Республика Тыва
Численность населения на 1 января 2017 г., тыс. чел.	146804	2875	538	319
Индекс развития человеческого потенциала, 2015	0,875	0,878	0,839	0,776
ВРП на душу населения, 2016, тыс. руб./чел. в год	472	616	340	165
Средняя номинальная начисленная заработная плата тыс. руб./мес.	36,7	38,4	32,5	29,8
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2016, лет	71,9	70,0	69,3	64,2
Младенческая смертность	6,0	5,9	8,8	11,2
Суммарный коэффициент рождаемости	1,62	1,67	1,78	3,19
Средняя продолжительность обучения	12,4	12,2	12,1	11,9
Число исследователей с ученой степенью канд. и докт. наук, чел./10 тыс. жителей	7,4	3,2	2,8	2,7

Источник: ЦЭИ.

В качестве примера координации развития социальных услуг ЦЭИ привел проект развития профессионального образования, в ходе которого планы подготовки специалистов местными вузами синхронизируются на основе единой образовательной платформы, формируется специализация регионов по тем или иным программам подготовки. Например, образовательная база Хакасии и Тывы уже сегодня в избытке для себя производит специалистов среднетехнического уровня, дефицит которых наблюдается в Красноярске, очевидно, что эту специализацию стоит развивать далее.

Для управления макрорегионом ЦЭИ предлагает создать совещательный орган в виде наблюдательного совета из трех губернаторов, который бы «занимался вопросами координации инфраструктурного и социального развития, и согласования программ инфраструктурных компаний». Кроме того, нужна некая структура (может быть, внебюджетный фонд, учрежденный крупными банками), который бы обеспечил информационное сопровождение всей деятельности, осуществлял экспертизу и финансировал предпроектные разработки.

Под огнем конструктивной критики

Хотя представленная концепция выделения макрорегионов – это всего лишь проект (не исключено, что другие коллективы разработчиков выступят с альтернативными предложениями), участники КЭФ высказали в ее адрес ряд критических замечаний.

«Стратегия пространственного развития, как нам представляется, должна определять направления трансформации пространственных пропорций в разрезе макрорегионов и крупных территорий. Это не просто обозначение существующих возможностей, а прежде всего поиск тех направлений, которые обеспечивают синергию экономических связей и углубление взаимодействия экономики и социальной сферы регионов, – полагает директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН **Валерий Крюков**. – Поэтому мы должны рассматривать в первую очередь те производственно-технологические связи и возможности, которые существуют на территории по созданию цепочек создания добавленной стоимости. Природно-ресурсный потенциал Сибири на нынешнем и будущем этапе освоения требует принципиально других технологических, управленческих и организационных подходов. В частности, мы считаем, что региональный и муниципальный уровни управления городов и районов должны получить полномочия и финансовые ресурсы, достаточные для управления и стимулирования экономической активности...».

«То, что мы услышали в докладе – это просто констатация факта, без глубокого анализа причин, а предлагаемые решения приведут лишь к консервации негативных тенденций, – комментирует **Евгения Бухарова**. – Хочу обратить внимание, что все последние годы, несмотря на растущий вклад Красноярского края в экономику страны, все ключевые индикаторы экономической безопасности – бюджетные показатели, кредитная нагрузка, зависимость от трансфертов, – ухудшаются. Если в нашей стране всего десять регионов-доноров, если всего 10% муниципальных образований имеют бездефицитные или малодефицитные бюджеты, о каком развитии можно говорить? Можно сколько угодно строить розовые планы, но если мы возьмем восточные регионы – это ресурсные отрасли с существующей системой изъятия природной ренты и налогов. Да, регионы пытаются договариваться с корпорациями, и некоторым это удается. Но мы говорим о стратегии,

которая создает системные условия. В основе всего – фундаментальные принципы управления и распределения ресурсов. Если говорить о стратегическом развитии как основе безопасности российской экономики, нам эти вопросы не обойти».

«Если смотреть статистически, то чем глубже деградирует пространство вне городов, тем сильнее возрастает их роль, это очевидно, – комментирует советник директора Института Внешнеэкономбанка **Сергей Юрпалов**, – Поэтому точки роста надо искать не в городах, как таковых, а в компетенциях, отраслевых специализациях. Тогда мы получим гораздо больший эффект. Не надо создавать макрорегионы “сверху”. Они уже существуют и функционируют как территориальные системы со сложившимися внутренними связями».

«Агломерации – это один из типов территории, которые мы должны включать в план. Они должны быть точками роста. Но агломерационные условия в стране сильно различаются, – рассуждает руководитель направления Пространственное развитие Фонда стратегических разработок **Наталья Трунова**. – В Сибири большинство сателлитов и вообще малых городов, как правило, формировались под задачи массовой индустриализации, и в новых условиях им очень сложно создать специализацию, которая бы продолжала удерживать старую численность населения. При этом уровень развития высокотехнологичных производств и малого бизнеса в старых индустриальных городах гораздо ниже, чем в среднем по стране. Они неизбежно будут терять население, и нам нужно понимать, что делать с этими людьми, какие механизмы и способы поддержки для этих территорий будут адекватны. С моей точки зрения, важно выделять не просто агломерации, а межрегиональные, межмуниципальные специализации новой формации (например, для Томска, Новосибирска, Барнаула, Бийска это могут быть медицинские и биотехнологии, для Томска и Новосибирска – атомные технологии), и на них формировать концентрацию и плотность экономической активности малого бизнеса. Но нужно понимать, что это предполагает другие правила администрирования, другое качество государственного и муниципального управления, другую систему налогообложения и совершенно другую плотность коммуникаций. Мне предприниматели говорят, что для них не проблема доехать из Новосибирска до Томска за пять часов. Но как только вы начинаете считать

стоимость своего времени, это становится проблемой. Нам даже современные представления о коммуникации еще предстоит сформировать».

В целом же сложилось представление, что от проекта Стратегии пространственного развития и экспертное, и бизнес-сообщество ждет гораздо больше, чем может дать тот документ, проект которого обсуждался на форуме. В обществе сложился запрос на изменение коренных подходов и принципов управления экономическим, социальным, пространственным развитием страны. Окажется ли государство способно ответить на этот запрос, покажет время.

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, зам. главного редактора «ЭКО», Новосибирск

Литература

Миронова М. Н., Холина В. Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период. Вестник РУДН. Серия Экономика, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-rossii-dinamika-v-postsovetskiy-period>.

Михеева Н. Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. № 5. 2018.

Путинцева Н. А. Диспропорции регионального развития современной России: анализ проблем и перспективы сглаживания // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii-analiz-problem-i-perspektivy-sglazhivaniya>

Чугуевская Е. С. Стратегия пространственного развития в системе документов стратегического планирования Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

Чугуевская Е. С. Очаги, кластеры, агломерации. Стратегия пространственного развития России до 2035 года // Вольная экономика. 2017. 7 дек. URL: <http://freeconomy.ru/intervyu/ochagi-klastery-aglomeratsii-strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-do-2035-goda.html> (дата обращения: 19.05.2018).

Статья поступила 10.05.2018.

Summary

Veselova E. Sh., ECO journal, Novosibirsk
Russia Would be Divided in a New Way

The concept of spatial development of the Russian Federation until 2025 (approved in May 2017) proposes a partition of national territory on some macro-region's. For the new areas will be identified priorities of economic development

and industry specialization and eventually an appropriate place in the national and global division of labor. The author examines one of the proposed approaches to the allocation of macro-regions based on social-economic principles. The views of participants of the Krasnoyarsk Economic Forum 2018 are given. They criticized the proposed concept, outlined the fundamental points that need to be addressed. The discussion continues.

Regional policy; spatial development; macro-region; Siberia; agglomerations

References

Mironova M.N., Holina V.N. (2011) Disproporcii regional'nogo razvitiya Rossii: dinamika v postsovetskij period. Vestnik RUDN. Seriya EHkonomika. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-rossii-dinamika-v-postsovetskiy-period>. (In Russ.)

Miheeva N.N. (2018) Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novyj ehtap ili povtorenie staryh oshibok? *ECO. [ECO]* No. 5. Pp. 158–178. (In Russ.)

Putinceva N.A. (2016) Disproporcii regional'nogo razvitiya sovremennoj Rossii: analiz problem i perspektivy sglazhivaniya. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo ehkonomicheskogo universiteta. (in Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-sovremennoj-rossii-analiz-problem-i-perspektivy-sglazhivaniya>. (In Russ.)

Chuguevskaya E.S. Strategiya prostranstvennogo razvitiya v sisteme dokumentov strategicheskogo planirovaniya Rossijskoj Federacii. Available at: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf (accessed 18.05.2018). (In Russ.)

Chuguevskaya E.S. (2017) Ochagi, klastery, aglomeracii. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii do 2035 goda. Vol'naya ehkonomika. Available at: <http://freeconomy.ru/intervyu/ochagi-klastery-aglomeratsii-strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-do-2035-goda.html> (accessed: 19.05.2018). (In Russ.)

«Енисейская Сибирь» – первый макрорегион России

Статья посвящена проекту создания макрорегиона «Енисейская Сибирь», который был представлен на Красноярском экономическом форуме 2018 г. Губернаторы Красноярского края, республики Тыва и Хакасия выступили с инициативой скоординированного развития инфраструктуры и совместного продвижения крупных инвестиционных проектов, имеющих межрегиональный характер. Автор дает характеристику регионам-участникам проекта, представляет инвестиционные проекты, включенные в пул «Енисейской Сибири», высказывает предположение о необходимости стратегической иерархизации инвестиционной программы, приводит мнение экспертов-участников КЭФ о перспективах макрорегиона.

Ключевые слова: макрорегион, пространственное развитие, инвестиции, межрегиональное сотрудничество, Сибирь, Красноярский край, Тыва, Хакасия

Не успело Правительство РФ озвучить новую концепцию управления пространственным развитием страны – через призыв макрорегионов, как три сибирских субъекта предложили использовать новые подходы на своей территории. В ходе Красноярского экономического форума 13 апреля 2018 г. губернатор Красноярского края и главы республик Тыва и Хакасия подписали соглашение о сотрудничестве в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» по совместному развитию регионов. 17 мая законодательное собрание Красноярского края утвердило законопроект о придании соглашению законного статуса. После того, как аналогичные законопроекты будут одобрены парламентами Тывы и Хакасии, соглашение сроком на пять лет вступит в силу. Проект был инициирован врио губернатора края Александром Уссом в 2017 г. и полностью вписывается в новую концепцию пространственного развития России. В феврале 2018 г. идею создания макрорегиона поддержал Президент России В. Путин.

Тройственный союз

Примечательно, что контуры «Енисейской Сибири» совпадают с границами макрорегиона, который предлагают создать в Восточной Сибири специалисты Центра экономики инфраструктуры (см. статью «Россию “разрежут” по-новому» в этом же номере). Отметим, что партнеры по проекту имеют разные весовые категории. Красноярский край, безусловно, лидер объединения.

И большинство инвестиционных проектов, включенных в пул «Енисейской Сибири», расположены именно на его территории. Но и у Тывы, и у Хакасии есть свои резоны подключиться к проекту. Уже сейчас значимая часть их товаропотока и экономических интересов ориентирована на сильного соседа. Весьма вероятно, что развитие дорожной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию крупных инвестпроектов «Енисейской Сибири», позволит активизировать это взаимодействие. К тому же в общий пул проектов макрорегиона вошли отдельные проекты на территории Хакасии и Тывы.

Красноярский край

Красноярский край – самый богатый и экономически развитый из трех регионов. Солидный бюджет (232 млн руб. на 2018 г.¹), позволяющий привлекать частные и федеральные инвестиции на условиях софинансирования, относительно диверсифицированная экономика (около 80% – доля сырьевых производств, но это производства разных отраслей – цветная металлургия нижних переделов, ТЭК, горная и лесная добыча), позитивная динамика развития промышленности, богатые недра.

Однако регион все более превращается в «общероссийскую кладовую» сырьевых ресурсов. Доля сырьевых отраслей растет год от года не только потому, что увеличивается добыча руды, угля и нефти, но и потому, что сокращается физический выпуск продукции обрабатывающих отраслей – машиностроения, химии, фармацевтики. Преобладание сырьевых отраслей приводит к дисбалансу на рынке человеческого капитала. Предлагая своей молодежи качественное образование, Красноярский край не может обеспечить высококвалифицированных специалистов адекватным количеством рабочих мест – добывающие предприятия предъявляют спрос лишь на рабочие специальности [Бухарова и др., 2016]².

Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры становится причиной слабости экономических связей между

¹ Закон Красноярского края № 4–1155 «О краевом бюджете на 2018 год». URL: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/45656> (дата обращения: 17.05.2018).

² Бухарова Е. Б., Самусенко С. А., Семенова А. Р. Комплексная оценка экономической безопасности региона ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 113–136.

разными частями огромной территории. К примеру, Норильский промышленный район гораздо прочнее связан с северо-западными территориями РФ, чем с центральными и южными районами Красноярья. Нижнее Приангарье в течение нескольких месяцев в году фактически отрезано от остальной части края и страны реками Ангара и Енисей. Это приводит к сильной дифференциации территории в социально-экономическом развитии, отвлекает массу ресурсов на выравнивание хотя бы социальной составляющей.

В крае очень остро стоят экологические проблемы. Норильский промышленный район по степени загрязненности атмосферы и почвенных вод – один из самых неблагоприятных в мире. Город Красноярск прочно обосновался в первой двадцатке самых экологически грязных городов России.

При этом у региона все меньше возможностей устранить дисбалансы собственными силами: «федеральная» доля собранных налогов выросла с 23,5% в 2008 г. до 54% в 2015-м, уровень жизни населения в последние 10 лет снижался, несмотря на рост производительности труда и физического объема производства. Бюджетно-налоговая политика центрального правительства приводит к тому, что Красноярский край чем дальше, тем больше развивается «не как регион для человека, а как регион для корпораций» [Бухарова и др., 2016].

Инициировав проект «Енисейская Сибирь», Красноярский край надеется привлечь внимание к крупным производственным и инфраструктурным инвестиционным проектам, реализуемым на его территории, и получить федеральную поддержку для их реализации.

Республика Хакасия

Республика Хакасия до 1992 г. входила в состав Красноярского края, хотя связь эта была скорее политической и административной, чем экономической (все, указанное выше о слабой инфраструктурной связанности территории Красноярского края, в полной мере относится и к Хакасии). Исторически регион развивался как ресурсный. Базовые отрасли – гидроэнергетика (Саяно-Шушенская и Майнская ГЭС вырабатывают в общей сложности 6721 МВт электроэнергии) и производство алюминия. Удельный вес цветной металлургии, добычи полезных ископаемых (уголь, руды черных и цветных металлов) и производства

металлических изделий в общем объеме промышленного производства превышают 76%³.

Ресурсный вектор развития экономики приводит к неблагоприятной динамике человеческого капитала. Спрос на рабочие профессии составляет 80% от общей потребности, что вынуждает часть занятых в экономике республики с формально более высоким уровнем образования выполнять работу, требующую меньшей квалификации и сложности труда⁴.

Из транспортных сетей наиболее развита автодорожная (особенно в центральной и юго-западной частях, где расположены крупные города), основная часть железнодорожной сети неэлектрифицирована, в пригороде Абакана действует международный аэропорт.

Доходы республиканского бюджета на 2018 г. запланированы в размере 22 млн руб., из них 18,7 млн – это собственные налоговые и неналоговые доходы⁵. Это, конечно, не те средства, которые позволили бы региону самостоятельно решать инфраструктурные проблемы.

«Мы уже сегодня чувствуем трудности в продвижении многих экономических преобразований, особенно инфраструктурных. Мы производим, приобретаем, новые мощности вводим, а инфраструктура отстает. Ее развитие должно быть нашим совместным решением. Например, как развивать Транссиб, ведь он наш общий, для нас это жизнь», – прокомментировал глава республики **Виктор Зимин** свое решение вступить в альянс «Енисейская Сибирь»⁶.

Помимо снятия наиболее острых инфраструктурных ограничений надежды республики, очевидно, связаны с планами по реализации на площадке Саянского алюминиевого завода проекта «Технологическая долина» по организации производства алюминиевых изделий с высокой добавленной стоимостью. Правда, из двух аналогичных проектов, реализуемых компанией

³ Состояние и перспективы региональных рынков труда. Республика Хакасия. URL: https://studwood.ru/1282121/geografiya/respublika_hakasiya (дата обращения: 17.05.2018).

⁴ Там же.

⁵ Законопроект Республики Хакасия «О республиканском бюджете Республики Хакасия на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: <https://rg.ru/2017/11/07/hakasiya-proekt-byudget-reg-dok.html> (дата обращения: 17.05.2018).

⁶ Виктор Зимин о сотрудничестве Хакасии с Тувой и Красноярским краем. URL: <https://r-19.ru/news/politika/57275/> (дата обращения: 17.05.2018).

«Русал» в Красноярске и Саяногорске, красноярскому явно отдаётся предпочтение – именно здесь будет обкатываться механизм реализации Технологической долины, и уже собран первоначальный пул инвесторов.

Тыва

Республика Тыва относится к депрессивным регионам со слабым экономическим развитием, что обусловлено главным образом ее удаленностью и слабой инфраструктурной обеспеченностью. Территория республики связана с остальной частью России только авиационным сообщением и двумя автомагистралями – трассами М-54 и А-162, маршрут которых местами проходит по лавиноподобной территории, так что круглогодичными их можно назвать лишь с некоторой натяжкой. Регион энергодефицитен. Существующие на территории генерирующие мощности покрывают не более 10% текущего потребления, внешнее энергоснабжение осуществляется от Красноярской и Хакасской энергосистем.

Между тем здесь имеются большие запасы лесного фонда, разведаны крупные месторождения каменного угля, цветных, редких и редкоземельных металлов, полиметаллических руд с уникальными характеристиками, позволяющими рассчитывать на высокорентабельную добычу.

Однако огромные расстояния и высокие транспортные издержки привели к тому, что в настоящее время регион производит всего семь видов промышленной продукции: уголь, пило- и стройматериалы, асбест, мясо, молоко и хлеб⁷. Даже сельскохозяйственной продукции производится недостаточно для собственных нужд. Бюджет республики (23,781 млн руб. в 2018 г. по доходам) на 80% дотируется⁸.

Тыве жизненно необходима железная дорога, которая свяжет ее с другими территориями страны, даст выход на внешние рынки, станет драйвером развития экономики. Но планы 1980-х по строительству железнодорожного выхода на Транссиб так и остались только на бумаге. Лишь в 2007 г. интерес крупного

⁷ Проблемы и перспективы развития Республики Тыва. URL: https://studwood.ru/1503385/ekonomika/problemy_perspektivy_razvitiya_respubliki_tuva (дата обращения: 15.05.2018).

⁸ Закон Республики Тыва от 04 декабря 2017 года № 338-ЗРТ «О республиканском бюджете РТ на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: <http://docs.cntd.ru/document/446604242> (дата обращения: 15.05.2018).

бизнеса к огромному Элегестскому месторождению коксующихся и энергетических углей (подогреваемый сложившимся дефицитом кокса у российских металлургов) побудил российские власти вернуться к планам строительства железнодорожного перехода через Саянский хребет.

Проект строительства дороги «Элегест-Кызыл-Курагино» уже вошел в стадию реализации, был построен первый километр пути, но разразившийся в 2012 г. экономический кризис заморозил строительство. Власти Тывы надеются, что включение проекта в пул «Енисейской Сибири» укрепит его шансы на реализацию. Финансовая поддержка федерального центра ему уже обещана: весной 2014 г. было принято решение о выделении средств из ФНБ на комплекс работ по освоению Элегестского месторождения, включая строительство ГОК и новой электростанции мощностью 135 МВт, строительство железной дороги до Курагино, и угольного терминала в порту Ванино (Хабаровский край).

По словам первого заместителя генерального директора Тувинской энергопромышленной корпорации Андрея Чурина, строительство будет вестись на условиях концессии (федеральный закон № 115-ФЗ). В заявке, которая находится на рассмотрении в Правительстве РФ, предполагается, что полная стоимость проекта составит 192,4 млрд руб., ввод дороги намечен на 3-й квартал 2023 г., выход на полную мощность – на 2025 г., срок концессии – 30 лет начиная с 2018 г.

В результате реализации проекта правительство республики рассчитывает получить более 23 тыс. новых рабочих мест, прирост налоговых отчислений в размере 3 млрд руб. и новый статус транзитной территории по выходу на Китай и Монголию (в случае, если будет принято решение о продлении магистрали до Китая)⁹.

Ключевые проекты «Енисейской Сибири»

Участникам КЭФ-2018 было представлено семь инвестиционных и инфраструктурных проектов, которые, по мнению их инициаторов, должны способствовать сбалансированному развитию территории Сибири. Их общая инвестиционная емкость – более 500 млрд руб., планируется создание более

⁹ Проект магистрали «Элегест-Кызыл-Курагино». «Инженерная защита», выпуск № 3 (июль – август 2014). URL: <http://territoryengineering.ru/infrastrukturnaya-revolutsiya/proekt-magistrali-elegest-kyzyl-kuragino/> (дата обращения: 16.05.2018).

12000 новых постоянных рабочих мест, прирост промышленного производства – около 10%, налоговых поступлений в бюджеты всех уровней – около 15%.

Многие из этих проектов, по сути, не новые. Но высокая капиталоемкость и инфраструктурные ограничения до сих пор были непреодолимым препятствием для их реализации.

Южный кластер «Норникеля»

ПАО ГМК «Норникель» уже несколько лет ищет возможности для расширения добычи руды в Южном кластере Норильского промышленного района¹⁰. Площадка включает ряд возрастных активов с падающей добычей, которые на сегодняшний день обеспечивают производство около 4% от общего годового объема продукции компании. Сюда входит северная часть месторождения Норильск-1, рудник «Заполярный», карьер «Медвежий ручей» и Норильская обогатительная фабрика с хвостохранилищем № 1. В руде с этих предприятий мало никеля и меди, зато содержание платиноидов – до 6 г/т – делает эти активы достаточно привлекательными как для акционеров компании, так и для потенциальных внешних инвесторов.

В 2013 г. первый вице-президент «Норникеля» **Павел Федоров** публично заявил о намерении выделить активы Южного кластера в отдельную компанию, с целью ее дальнейшей продажи или реструктуризации. В 2016 г. было получено разрешение ФАС о передаче лицензий и активов «Норникеля» ее дочернему ООО «Медвежий ручей».

«Непрофильное для “Норникеля” производство платиноидов обеспечит новой компании более 70% выручки... – отметил П. Федоров. – Она может стать производителем платиноидов мирового масштаба, входящего в топ-10, с привлекательными возможностями для роста»¹¹. В частности, «Норникель» видит возможность увеличения производства в Южном кластере в четыре раза – до 6 млн т руды в год, но для этого в модернизацию

¹⁰ «Норникель» ищет деньги на крупные инвестпроекты // Ведомости. 2016. 16 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/05/17/641226-nornikel> (дата обращения: 12.05.2018).

¹¹ «Норникель» может выделить Южный кластер в отдельную компанию. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/nornikel-mozhet-vydelit-yuzhny-klaster-v-otdelnuyu-kompaniyu-1000717058> (дата обращения: 14.05.2018).

мощностей необходимо вложить около 600–700 млн долл. (не менее 110 млрд руб.).

Включение проекта в перечень приоритетных направлений развития макрорегиона «Енисейская Сибирь» и поддержка государства позволят компании реализовать его своими силами. «Нам необходимо знать, что условия социально-экономического существования нашего предприятия и тех, кто работает в нашей инфраструктуре, будет неизменна с точки зрения налоговых и тарифных правил в процессе реализации проекта, – заявила вице-президент, статс-секретарь ГМК «Норникель» **Елена Безденежных**, представляя проект участникам КЭФ. – Наиболее эффективно, с нашей точки зрения, Южный кластер может быть реализован с оказанием мер господдержки в виде предоставления инвестиционного налогового вычета, использования инструмента регионального инвестиционного проекта, применения региональной налоговой льготы в виде пониженной ставки по налогу на имущество». Взамен компания обещает создать в Норильском промышленном районе около 1900 новых рабочих мест (из которых 1500 мест – в связанных сервисных секторах) и увеличить суммы налоговых отчислений в краевой бюджет более чем на 30 млрд руб. за 10 лет.

Развитие инфраструктуры и освоения ресурсной базы Ангаро-Енисейского экономического района

Ангаро-Енисейский кластер (АЕК) является продолжением программы «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», создавшей предпосылки для промышленного освоения территории Нижней Ангары и Среднего Енисея. Здесь работают крупнейшие золотодобывающие и горнорудные компании России (ЗАО ЗДК «Полюс», ООО «Соврудник», ООО ГРК «Амиркан», Горевский ГОК, ГК «Новоангарский комбинат» и др.), ведется добыча золота, угля, магнетита, лесных ресурсов. Частные компании готовы вкладывать средства в наращивание добычи и организацию переработки, но эти планы сдерживают удаленность от развитых районов страны, низкая плотность населения и чрезвычайно слабая инфраструктурная освоенность территории. Ангара и Енисей отрезают район от остальной территории края и страны в целом в период ледохода и ледостава (3–4 месяца в году), что препятствует его экономическому развитию, создает социальные проблемы.

Красноярский край уже несколько лет пытается привлечь федеральные средства в развитие инфраструктуры района. В частности, в 2012 г. была подана заявка на софинансирование инфраструктурного строительства из средств Инвестфонда РФ¹², но тогда получить господдержку не удалось. Одним из ключевых инфраструктурных объектов АЕК является мост через Енисей в районе пос. Высокогорский. «Мост свяжет правобережье Енисея с автомагистралью Красноярск – Лесосибирск, где есть выход к железной дороге, – отмечает вице-президент по работе с госорганами компании «Полюс» **Сергей Журавлев**. – Только за счет этого мы получим сокращение логистических издержек на 1 млрд руб. в год, которые можно инвестировать в модернизацию действующих производств».

На втором этапе планируется построить более 640 км новых автодорог и развернуть электросетевое хозяйство. В перспективные планы входит также строительство Нижнеангарской (ранее – Мотыгинской) ГЭС, которая является элементом разработанного еще в советские годы Ангарского каскада ГЭС. Инфраструктура даст толчок развитию действующих и новых производств в районе, росту налогооблагаемой базы, появлению новых рабочих мест (около 20 тыс. – на этапе строительства, и 6,5 тыс. – эксплуатации). Расчетный объем инвестиций на реализацию объектов Ангаро-Енисейского кластера составляет 272,5 млрд руб., включая 216,8 млрд руб. частных и 55,7 млрд – бюджетных средств.

Строительство железной дороги Элегест-Кызыл-Курагино

Из всех проектов «Енисейской Сибири» строительство железной дороги Элегест-Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва больше всех на слуху. Поначалу его развитие шло довольно быстро. В 2007 г. проект дороги длиной 410 км получил одобрение Правительства РФ, в 2010-м утверждена проектно-сметная документация, в 2011-м начато строительство... Но за прошедшие семь лет был построен всего лишь 1 км путей, оператор проекта (Енисейская промышленная компания) обанкротился, количество участников увеличилось втрое, сам

¹² Заявка по проекту «Ангаро-Енисейский кластер» передана в Минрегионразвития России. Официальный портал Красноярского края. URL: <http://www.krskstate.ru/press/news/eko/0/news/68471> (дата обращения: 14.05.2018).

проект морально устарел. Если первоначально предполагалось строительство однопутной неэлектрифицированной железной дороги 3-го класса с пропускной способностью до 15 млн т грузов в год, то сегодня инвесторы, раскупившие лицензии на разработку тувинских месторождений, заявляют о потенциальной потребности грузоперевозки в 55–60 млн т в год, а это предполагает изменение класса дороги, и вполне вероятно – необходимость разработки нового проекта, тем более что в последние годы появились идеи по возложению на дорогу новых функций – перехвата части грузопотока с перегруженной Южносибирской магистрали и железнодорожного выхода на Монголию и Китай.

Тем не менее на КЭФ-2018 проект дороги был презентован в своем первоначальном виде.

Технологические долины в Красноярске и Саяногорске

Это относительно новый проект ОК «Русал», продукцию которого в последние годы стали активно теснить на мировых рынках китайские конкуренты¹³. Его цель – увеличить потребление первичного алюминия внутри России за счет углубления его переработки.

По данным Ассоциации алюминия, потребление алюминия и изделий из него в России в 2017 г. составило около 1,5 млн т. При этом почти 30% – импортные поставки (74% из них – конечные изделия: бытовые товары, строительные конструкции и профили, трубы, резервуары и т.д.). «Проблема высокой доли импорта в российском производстве не ограничивается ценовым преимуществом или конкурентным качеством иностранных поставщиков, – говорит директор «Русала» по сбыту в России и странах СНГ **Роман Андриюшин**. – Достаточно широкая номенклатура алюминиевых продуктов, которая поступает к нам из-за рубежа, просто не имеет аналогов во внутреннем производстве или выпускается в недостаточном количестве»¹⁴.

¹³ «РУСАЛ» в проигрыше: почему китайские производители конкурентнее российской компании «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/economics/36456190/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.05.2018).

¹⁴ Российский алюминий теснит конкурентов с внутреннего рынка. Сайт Ассоциации алюминия России URL: http://www.aluminas.ru/media/media-publications/russian_aluminium_is_crowding_out_competitors_from_the_domestic_market/?sphrase_id=1329 (дата обращения: 15.05.2018).

«Русал» готов предоставить под размещение новых производств свободные обустроенные участки на площадках своих предприятий – Красноярского алюминиевого (КрАЗ), Красноярского металлургического (КраМЗ) и Саянского алюминиевого завода (СаАЗ) и гарантировать прямые поставки жидкого алюминия. В свою очередь администрация Красноярского края хлопочет о предоставлении Технологической долины статуса особой экономической зоны со всеми ее преференциями и льготными режимами. По ее данным, на сегодняшний день в стадии проработки находятся 17 проектов потенциальных инвесторов (в том числе с участием иностранных компаний) по выпуску алюминиевого проката и профилей, автокомпонентов и упаковочных материалов, кабельно-проводниковой продукции, строительных конструкций и товаров народного потребления.

По словам руководителя проекта компании «Русал» **Игоря Марчева**, первоначальный пул инвесторов позволяет ожидать, что капитальные инвестиции могут составить около 26 млрд руб. (420 млн долл.), привести к созданию до 1200 новых рабочих мест и увеличению потребления и переработки алюминия на территории России от 140 тыс. т в год.

Международный транспортно-логистический хаб

Бизнес-план создания на территории Красноярского аэропорта («Емельяново») международного транспортно-логистического и производственного центра был впервые представлен в Правительство России еще в 2007 г.¹⁵, но до сих пор для его реализации не удалось привлечь федеральные средства. В рамках проекта планируется строительство складских комплексов и сортировочных центров, запуск мультимодальных перевозок с перегрузочными мощностями, создание индустриального парка.

По словам генерального директора компании «Аэрогрупп» А. Васильченко, проект ориентирован в первую очередь на компании-перевозчики, импортирующие грузы из стран Юго-Восточной Азии в Россию, Западную Европу и Северную Америку, а также на производства, существенно зависящие от логистики

¹⁵ Аэропорт «Красноярск»: международный хаб в центре России. URL: <http://www.ruwings.ru/news/2007/02/16/32965> (дата обращения: 15.05.2018).

комплектующих и готовых изделий (например, сборочные). Расчетный объем инвестиций – около 65 млрд руб. От федеральных властей операторы проекта ожидают предоставления преференций в режиме ОЭЗ и снятия существующих инфраструктурных ограничений (требуется модернизация и увеличение рулежной дорожки в аэропорту, постройка грузопассажирской железной дороги до Красноярска).

Агропромышленный парк «Сибирь»

В отличие от всех других проектов «Енисейской Сибири», Агропромпарк, расположенный в Шарыповском районе Красноярского края, уже обеспечен необходимой транспортной и инженерной инфраструктурой, созданной в ходе строительства и эксплуатации Березовской ГРЭС (одна из самых молодых и эффективных теплостанций России). Основная проблема, стоящая перед собственником ГРЭС – ПАО «Юнипро» – повышение эффективности использования этих активов и обеспечение стабильного сбыта невостребованной тепловой энергии. В этих целях компания решила развернуть в непосредственной близости от ГРЭС агропромышленный парк с тепличным, рыбным хозяйствами и зернопереработкой. «Красноярский край – один из мощнейших регионов нашей страны, но его географическое положение не позволяет организовать эффективные поставки овощей и фруктов с юга России и средней полосы – прибыль съедают тарифы на транспортировку. В регионе развито земледелие, но при этом не хватает теплиц – на 5 млн человек только 3 га. Эта ниша абсолютно пустая. При этом для нового агрокластера мы как инфраструктурный поставщик... можем стать катализатором развития, предложив гибкий тариф на тепловую энергию», – заявил генеральный директор «Юнипро» **Максим Широков** в одном из своих интервью¹⁶.

Помимо других районов Красноярского края, Шарыповский район имеет прямую железнодорожную и автомобильную связь с Новосибирском, Томском, Барнаулом, Кемерово, Абаканом. Дешевая энергия (1638 руб./МВт·ч, против средней по СФО 1754,8 руб.) и имеющаяся инфраструктура ГРЭС (жилье, склады,

¹⁶ Третий энергоблок Березовской ГРЭС восстановим, его ждут в энергосистеме – глава «Юнипро». URL: <http://www.finmarket.ru/interview/?id=4492214> (дата обращения: 12.05.2018).

тепло-, водоснабжение и канализация, железнодорожные подъезды) дают преимущество в себестоимости. По словам генерального директора Агропромпарка **Александра Токарева**, единственный элемент инфраструктуры, по которому нужна господдержка проекта – это расширение и модернизация очистных сооружений г. Шарьпова. Кроме того, компания рассчитывает на государственную поддержку резидентов площадки (субсидирование капитальных затрат и льготное кредитование).

Модернизация энергосистемы г. Красноярск

Как объяснил генеральный директор компании **Михаил Кузнецов**, представляя проект участникам форума, «комплексная программа позволит одним ударом решить ряд проблем» – от снижения экологической нагрузки до обеспечения новых городских кварталов теплом и электричеством. Программа стоимостью 30 млрд руб. предусматривает обновление оборудования и увеличение мощностей ТЭЦ-1 и ТЭЦ-3, а также серьезные вложения в систему очистки выбросов.

По словам врио губернатора Красноярского края **А. Усса**, основанием для объединения названных инвестпроектов под эгидой «Енисейской Сибири» стали их масштаб и межрегиональный характер. Действительно, значимость и эффекты большинства проектов выходят далеко за рамки одного региона, а в отдельных случаях (Южный кластер, способный вывести страну в целом на новые позиции на мировом рынке палладия, строительство железной дороги «Элегест-Кызыл-Курагино», направленное на усиление экспортных позиций России на азиатском рынке топливно-энергетических ресурсов, «Технологическая долина», призванная увеличить внутреннее производство алюминиевой продукции высоких переделов) имеют общегосударственное значение. Но представлять все проекты в одном пакете без какой-либо иерархизации все же кажется не совсем правильным.

Например, вызывает недоумение включение в общий пул программы модернизации энерго мощностей г. Красноярск. Проект, безусловно, нужный, социально значимый и, очевидно, чрезвычайно капиталоемкий. Но причем здесь межрегиональное взаимодействие и эффекты?

Или модернизация красноярского аэропорта. Амбициозные планы по созданию на его базе международного хаба, «конкурирующего с Анкориджем и Дубаи», с планируемым грузооборотом в 800 тыс. т ежегодно – это прекрасно. Но достаточно ли хорошо этот проект просчитан и потенциально реализуем? В 2017 г. аэропорт «Емельяново» обслужил 13,2 тыс. самолетовылетов. Суммарный пассажиропоток составил 2,3 млн чел. (в 2014 г. – 2 млн чел.), грузовой поток – 15,4 тыс. т¹⁷. При этом из-за небольшой протяженности и плохо продуманной конфигурации рулежных дорожек пропускная способность аэропорта не превышает 12 взлетно-посадочных операций в час (для сравнения: во «Внуково» – 42, в новосибирском «Толмачево» – 40), самолеты часто выстраиваются в длинные очереди на вылет и вынуждены подолгу кружить над городом, ожидая посадки¹⁸.

Но даже если благодаря федеральной поддержке пропускная способность аэропорта вырастет втрое, заявленные планы по увеличению грузопотока в 53 раза от нынешних значений выглядят, мягко говоря, утопичными.

Ближайший конкурент «Емельяново» – аэропорт «Толмачево» – провел масштабную модернизацию еще в 2000-х годах, в 2010-м запустил в эксплуатацию вторую взлетно-посадочную полосу, увеличив пропускную способность вдвое. На территории аэропорта построен мощный грузовой терминал, в непосредственной близости к нему – логистический комплекс. Но за восемь лет (с 2009 по 2017 гг.) пассажиропоток вырос всего лишь с 1,8 млн до 5 млн человек, грузооборот – с 16 тыс. до 29,4 тыс. т¹⁹.

Может быть, красноярскому аэропорту в своих планах развития стоит больше внимания уделять местным перевозкам? Когда-то «Емельяново» был предназначен в первую очередь для обслуживания местных грузопотоков – нынешний терминал внутренних линий изначально был спроектирован как грузовой, а терминал международных линий – как почтовый сортировочный

¹⁷ В аэропорту «Емельяново» завершен капитальный ремонт рулежной дорожки Bravo. URL: <http://www.yemelyanovo.ru/doc.php?id=3621> (дата обращения: 16.05.2018).

¹⁸ Пилот назвал Красноярский аэропорт одним из самых странных в стране. URL: <https://prmira.ru/news/rossijskij-pilot-nazval-krasnoyarskij-aeroport-odnim-iz-samyh-strannyh-v-strane/> (дата обращения: 16.05.2018).

¹⁹ Официальный сайт аэропорта «Толмачево». URL: <https://tolmachevo.ru/mediacenter>

пункт²⁰. Кажется, активизация экономической жизни в Арктике прямо подталкивает аэропорт к тому, чтобы стать базой по авиасообщению восточной части арктических территорий. При этом регионы «Енисейской Сибири», помимо нормального авиасообщения, могли бы получить дополнительный бонус в виде наращивания своего участия в северном завозе.

«Местное авиасообщение – это очень узкое место не только в Красноярском крае, но и во всей Сибири. Вся местную авиацию, созданную и активно функционировавшую при СССР, за годы реформ просто-напросто разрушили, – комментирует директор Института экономики, управления и природопользования СФУ **Евгения Бухарова**. – В советское время в Туруханске стоял отдельный летный отряд, а недавно возникла потребность организовать научную экспедицию по Енисею – обратиться не к кому, даже взлетную полосу убрали. Из Игарки до Туруханска один раз в неделю ходит почтовый вертолетный рейс, и через него идут все авиапоставки на Ванкор. Корпоративная авиация, конечно, не отказывается взять посылку, но это же не регулярное авиасообщение. Если организовать местную авиасеть с центром в Красноярске, это дало бы большой социально-экономический эффект. Понятно, что себестоимость таких полетов поначалу будет высокая, но по мере развития сформируется спрос, а за счет масштаба и единого управления можно добиться сокращения издержек.

Сейчас на малозагруженные направления в соседние регионы красноярцам приходится летать либо через Москву, либо через Новосибирск».

Но почему-то о развитии местных перевозок, малой, в том числе полярной, авиации, идеологи международного вектора развития аэропорта не упоминают.

Сумма или уравнение

Пока пул проектов «Енисейской Сибири» даже в отдаленном приближении нельзя считать ни стратегией, ни программой развития макрорегиона. Очевидно, региональные власти просто собрали все масштабные инфраструктурные и бизнес-проекты, имеющие сильного частного инвестора и в потенциале – межрегиональный

²⁰ Красноярский аэропорт «Емельяново» взлетел до потолка. URL: <http://www.dela.ru/articles/planu-emel/> (дата обращения: 15.05.2018).

эффект, и пытаются на волне федерального интереса к развитию макрорегионов повысить их статус для привлечения федерального внимания и финансирования.

Это косвенно признал и Александр Усс: «Когда речь шла о “Енисейской Сибири”, мы ставили во главу угла не столько задачи развития территории, сколько продвижение абсолютно конкретных проектов».

Федеральные власти поддержку проектам обещали, но как показывает опыт реализации мега-проектов последних лет («Урал Промышленный-Урал Полярный», освоение Ванкорского месторождения, да и «Комплексное развитие Нижнего Приангарья»), для того чтобы получить системный эффект в конце, его нужно заложить уже на этапе планирования. Иначе мы рискуем в очередной раз получить набор плохо связанных друг с другом производственных активов, которые не дадут той синергии, какая могла бы получиться при грамотном управлении.

О важности этого этапа говорит директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН **Валерий Крюков**. «Формирование цепочек создания добавленной стоимости в рамках интеграционного взаимодействия, и распределение эффектов вдоль этих цепочек – сложная задача, которая не может быть решена вне социально-экономически ориентированного управления природно-ресурсным потенциалом, без соуправления со стороны государства и регионов, без продуманной тарифной, налоговой, промышленной, социальной политики. Мы пока не овладели этим механизмом. Министерство природных ресурсов этим не занимается, Минфин интересуется финансовой составляющей, Минэкономики – макроэкономическими показателями. Но нигде в мире так не происходит. Все северные страны: Канада, Норвегия, США в Аляске при формировании программ развития новых и малоосвоенных территорий исходят в первую очередь из социального эффекта. Social Value – это их главный драйвер и главное направление при формировании подходов к пространству. Это должно быть закреплено во всем процессе обсуждения, представления, планирования, продвижения и реализации проектов, включая мониторинг. Нам предстоит огромная работа для того, чтобы приблизиться к пониманию и разработке таких подходов, и со временем интегрировать их в систему управления недрами и вообще пространственного развития».

От первого лица

Александр Усс, врио губернатора Красноярского края:

– «Енисейская Сибирь» для меня – это своеобразная инвестиционная корпорация, портфель проектов. Обсуждение «Енисейской Сибири» именно в таком ключе преследует три цели: а) обеспечить ускоренное продвижение каждого из проектов; б) обеспечить их большую связанность друг с другом и с) обеспечить максимальное вовлечение в орбиту этих проектов менее масштабных предприятий, которые будут выполнять сервисные, вспомогательные функции, что и даст в конце концов возможность говорить о пространственном развитии. Для этого, вероятно, нам потребуется отработка новых стимулов, которые будут двигать сырьевые корпорации навстречу друг другу и обеспечивать локализацию вспомогательных работ. В этом нам нужна поддержка экспертного сообщества. Как управлять такими корпорациями, как усадить наших акционеров за один стол. Сейчас это делается с помощью морально-политического убеждения и личного обаяния, но нам необходимы соответствующие действенные рычаги.

Борис Жихаревич, директор ресурсного центра по стратегическому планированию ЗАО МЦСЭИ «Леонтьевский центр»:

– «Любой подобный проект – изменение системы взглядов из центра на территорию России. То, что макрорегионы обозначены в рамках стратегии пространственного развития, уже меняет представления федерального центра о перспективах, о том, в каких именно зонах должно идти развитие, и о тех инфраструктурных проектах, которые должны связать макрорегионы внутри себя и обеспечить общую связанность территории. Для Федерации важно, чтобы в сердце России возник более мощный регион, и чтобы он работал на федеральные интересы.

«Енисейская Сибирь» сейчас существует пока как идея, некий шанс. Для его реализации, безусловно, нужны более глубокие проработки. Но, как известно, успех любой стратегии определяет прежде всего воля лидера. У нас этот лидер есть. Как есть и хорошо упакованная идея, которая получила вполне продаваемый бренд. Все это в значительной мере перевешивает объективные экономико-географические предпосылки и ограничения...

Андрей Иванов, зам. министра финансов Российской Федерации:

– Минфин смотрит на «Енисейскую Сибирь» как на портфель проектов. Более того, мы по этому поводу уже подписались перед Президентом РФ, который поручил нам дать возможность заняться конкретной инвестиционной деятельностью. Мы видим огромный потенциал в проекте «Норникеля», в продолжении «Нижнего Приангарья», в алюминиевой «Технологической долине». Если понадобится их ручная донастройка, не дожидаясь системной институциональной настройки, мы к этому готовы. Мы должны гарантировать инвестору, что те условия, на которых он войдет в проект, будут действовать до момента простой окупаемости, и будут юридически обеспечены. Более того, мы впервые в современной истории Минфина предложили вновь возникающие налоги от этих проектов использовать для создания их обеспечивающей инфраструктуры (дорожной, энергетической, социальной и т.д.) и подготовили проект соответствующего постановления Правительства. Единственное: мы просим инвесторов быть поактивнее. Нам бы хотелось начать обсуждать конкретные цифры, а не просто идеи.

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, зам. главного редактора «ЭКО», Новосибирск

Статья поступила 20.05.2018.

Summary

Veselova E. Sh., journal ECO

«Yenisei Siberia» – the First Macroregion of Russia

The article highlights the project of creation of the macro-region “Yenisei Siberia”, which was presented at the Krasnoyarsk economic forum of 2018. The leaders of the Krasnoyarsk region, the republics of Tuva and Khakassia have initiated the coordinated development of infrastructure and joint promotion of large investment projects of interregional character. The author briefly introduces the three regions-participants, presents investment projects included in the pool of “Yenisei Siberia”, suggests that a strategic hierarchy of the investment program would be useful, cites the opinion of experts-participants of the KEF on the macroregion’s prospects.

Macroregion, spatial development; investments; interregional cooperation; Siberia; Krasnoyarsk region; Tuva, Khakassia

Нужны новые механизмы государственной региональной политики

Е.Б. БУХАРОВА, кандидат экономических наук, директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета, Красноярск. E-mail: buharova@lan.krasu.ru

Автор поднимает вопросы государственной политики в сфере пространственного развития, рассматривает достоинства и недостатки советско-административного и рыночно-ориентированного подходов к развитию территорий, анализирует перспективы проекта создания макрорегиона «Енисейская Сибирь», комментирует положения новой стратегии пространственного развития России.

Ключевые слова: Сибирь, пространственное развитие, территориально-производственный комплекс, ТПК, Нижнее Приангарье, комплексное развитие территории

Формирование новой парадигмы регионального развития России на основе специализации макрорегионов, объединяющих несколько субъектов Федерации, не является, по сути, чем-то новым. Такой опыт в истории страны уже был, когда крупные опорные зоны экономического развития создавались вне официально существующих административно-территориальных границ – в рамках территориально-производственных комплексов (ТПК). Именно так шло освоение Сибири в советские годы, когда формировалась ее хозяйственная специализация, инфраструктурный каркас. О том, как использовать советское наследие в дальнейшем развитии Сибири, какие новые подходы и механизмы приемлемы на ее огромных просторах, насколько адекватно новая Стратегия пространственного развития России отражает специфику ее проблем, рассказывает заслуженный экономист РФ **Евгения Бухарова**, посвятившая много лет изучению пространственной экономики.

– Евгения Борисовна, Сибирь получила в наследство от СССР несколько мощных, но слабо связанных между собой территориально-производственных комплексов. Большинство промышленных предприятий имеют аналоги в европейской части России и проигрывают им при выходе на внешние рынки и выстраивании кооперации. Сырьевые производства по разным причинам изолированы и друг от друга, и от местной промышленности.

Можно ли и нужно ли те остатки советских ТПК как-то друг с другом связать, чтобы получить синергетический эффект для региона?

– ТПК были примером эффективного точечного освоения больших территорий Сибири. Связывать их между собой нужно, но делать это искусственно вряд ли целесообразно – из-за их большой удаленности друг от друга и инфраструктурной необустроенности территории. Все-таки протяженность сибирских регионов очень большая... Даже автомагистрали между ними проложить, не говоря уже о железнодорожном сообщении – это значительные временные и инвестиционные затраты. Возникает вопрос: как они будут окупаться? Для этого необходима определенная плотность центров экономического роста на территории. Думаю, время постепенно все расставит на свои места...

В чем была идея и основное достоинство ТПК? Это был эффективный системный подход к проектному освоению территории. При этом административными единицами они не являлись. Место географической локализации ТПК, отраслевые приоритеты, процессы управления их проектированием и формированием осуществлялись на национальном уровне и ориентированы были на решение общегосударственных задач. Это были примеры грамотного комплексного территориального планирования, когда тщательно и обоснованно выстраивалось на конкретной территории межотраслевое взаимодействие. В основе этого взаимодействия лежали базовые виды экономической деятельности, востребованные народным хозяйством страны, и дополняющие их отрасли, обеспечивающие синергию и комплексность развития территории.

Лучший пример – Саянский ТПК¹. Базовыми отраслями здесь были электроэнергетика и цветная металлургия, а на них были

¹ Саянский ТПК был сформирован в 1971–1985 гг. в Ангаро-Енисейском районе на базе 150 месторождений полезных ископаемых, гидроресурсов рек Енисей и Абакан. В его состав вошли 11 административных районов Красноярского края и Хакасии. Были построены и введены в эксплуатацию Абаканский вагоностроительный, Саянский алюминиевый заводы, Минусинский завод нестандартизированного оборудования, завод высоковольтных вакуумных выключателей, Абаканский комбинат панельного домостроения, Черногорский и Изыхский разрезы, Абаканский, Тейский, Краснокаменский и Ирбинский железные рудники, Туимский завод по обработке цветных металлов, комбинаты «Саянмрамор», Сорский молибденовый, Саянский комбинат сборно-разборных конструкций, Черногорский камвольно-суконный комбинат, фабрика первичной обработки шерсти, Абаканский свиноплекс и др.

завязаны транспортно-инженерная инфраструктура, вспомогательные, комплексирующие производства (соответствующие виды машиностроения), и дальше – сельское хозяйство, социально-бытовая инфраструктура. Город Саяногорск именно так был построен. В ТПК мы имеем дело не просто с перечнем проектов. По сути это комплексная, очень тщательно проработанная схема размещения производительных сил для достижения вполне определенных целей. И, кстати, ряд объектов Саянского ТПК достраивались уже в наши дни: запущена Майнская ГЭС – для регулирования стока с водохранилища, а после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС достроили обводной канал. Все это было предусмотрено и спроектировано давным-давно, просто руки не доходили.

– *Очевидно, такие проекты возможны только в плановой экономике...*

– Конечно. В советское время все проблемы решались достаточно оперативно и эффективно, потому что система планирования и управления была централизована, включая вопросы снабжения, распределения продукции, систему оргнаборов и т.д. В рыночной экономике хозяйственные связи устанавливаются совершенно по-другому, и нужно искать какие-то новые механизмы согласования интересов и выстраивания кооперационных цепочек в ходе реализации крупных проектов. Но очевидно, что ответственности с государства никто не снимал, и именно ему необходимо разрабатывать и запускать новые механизмы управления такими территориальными комплексами.

– *Можно ли считать реализацию проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» современным примером реализации идеи ТПК?*

– Это так и есть. Основой для реализации проекта стали многолетние исследовательские и проектные работы по формированию Нижнеангарского ТПК, которые берут начало еще в 1960-х годах. Экономическое развитие Нижнего Приангарья и создание ТПК рассматривались в Постановлении Правительства СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Красноярского края на 1971–1980 гг.». Уже в 1974 г. было начато строительство Богучанской ГЭС. Значительный вклад в обоснование стратегии и продвижение проекта развития Нижнеангарского региона внес Институт экономики и организации

промышленного производства СО РАН и лично М.К. Бандман как идейный вдохновитель и руководитель основной части проводимых исследований.

Но до начала перестройки проект не успели реализовать, и он был заморожен. Реанимировать его долго не удавалось, так как требовались слишком большие капитальные вложения (хотя в 1995 г. Правительством РФ и было принято Постановление «О Федеральной программе освоения Нижнего Приангарья в Красноярском крае»).

В реалиях новой рыночной ситуации основой возрождения работ в рамках инвестиционного проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» стала проектно-сметная документация, подготовленная еще в советские годы (отраслевая специализация, предполагаемая мощность предприятий, конфигурация инфраструктуры, были проведены даже проектно-изыскательские работы для строительства дорог и линий электропередач). Поэтому, когда в 2006 г. появилась возможность получить финансирование проекта через федеральный Инвестиционный фонд при участии частных компаний, Красноярский край смог оперативно внести коррективы в ранее подготовленные документы, подать заявку на конкурс и выиграть его.

Проект был сдвинут с мертвой точки, хотя и не в полном объеме. Рынок внес определенные коррективы, часть элементов проекта себя не оправдала, от некоторых пришлось отказаться. Тем не менее Нижнее Приангарье продолжает развиваться: достроена Богучанская ГЭС; в 2016 г. введена в действие первая очередь алюминиевого завода; развиваются предприятия в лесном секторе и других видах экономической деятельности; активно формируется новый экономический центр края².

– *Каковы, на ваш взгляд, предпосылки успешной реализации проекта «Енисейская Сибирь», который был представлен на Красноярском экономическом форуме? До полноценного ТПК он не дотягивает, но и просто набором отдельных инвест-проектов его не назовешь...*

– Идея проекта макрорегиона «Енисейская Сибирь» очень продуктивна с позиции формирования новых механизмов пространственного развития ресурсных регионов востока страны.

² О развитии проекта в наши дни см. статью Малова В.Ю. и др. в этом же номере.

Но для того, чтобы проект был успешен, необходимо наличие нескольких базовых компонент.

Во-первых, нужны политическая воля регионов к развитию процессов интеграции и формирование новых механизмов экономической интеграции и межрегионального взаимодействия. Подписанное на форуме соглашение глав трех регионов – это только первый шаг, который подтверждает серьезность их намерений.

Во-вторых, регионам необходимы институциональные полномочия, которые дадут им возможность в полной мере задействовать свои ресурсы для интеграции. Те принципы регионального управления, которые сложились сегодня в России, к сожалению, очень жестко увязывают управление экономическим развитием с административно-территориальным делением. Это поддерживается сложившейся системой межбюджетных отношений и всем комплексом административных инструментов, регулирующих взаимодействие федерального центра и регионов.

Для того чтобы проект макрорегиона состоялся в полной мере, на мой взгляд, необходимо сформировать новые подходы к территориальной организации управления социально-экономическим развитием, пересмотреть базовые принципы территориального управления всеми процессами, особенно теми, которые не укладываются в рамки границ субъектов Российской Федерации, а таких довольно много.

В-третьих, нужны экономические агенты, которые создают условия для экономического роста в регионах. В сегодняшней России эта роль под силу лишь крупным бизнес-компаниям. Только они способны реализовать масштабные межрегиональные проекты, которые позволят повысить инфраструктурную обустроенность и связанность регионов макрзоны, дадут новый импульс развития уже действующим ТПК, станут основой формирования новых территориальных кластеров.

Презентованные на форуме проекты, на мой взгляд, отражают заинтересованность бизнеса в создании новых региональных центров экономического роста и локализации в них экономической активности и налогово-бюджетных эффектов. Представленный спектр проектов включает и базовые отрасли, и отрасли конечного потребления, и инфраструктурный сектор. Их реализация может привести к значительному росту финансового и налогового потенциала территорий за счет локализации комплексных

социально-экономических эффектов, создания новых точек экономического роста, формирования территориальных кластеров.

Методологические отличия между кластером и ТПК я не берусь комментировать, но диалектическая связь между ними, конечно, просматривается – и те, и другие ориентированы на комплексное развитие. При этом кластерный подход, безусловно, больше соответствует идее либерального рынка со всеми его рисками – и на этапе реализации инвестпроектов, и на этапе деятельности созданных предприятий при реализации готовой продукции.

Но мне кажется, что для таких больших регионов, как Сибирь, пусть и богатых природными ресурсами, но негусто населенных и инфраструктурно необустроенных, нельзя ориентироваться на получение комплексных социально-экономических эффектов для территории, опираясь только на концепцию кластерного развития и принципы либерального рынка.

– На форуме несколько раз упоминался Ванкор как пример несбывшихся ожиданий масштабного комплексного влияния на развитие экономики края. Мультипликатором межотраслевой экономической активности в регионе проект так и не стал.

– К сожалению, хотя при его запуске прогнозировались значительные мультипликативные межотраслевые эффекты для внутреннего рынка Красноярского края. При высоких показателях эффективности и прибыльности проекта за все годы освоения Ванкорского месторождения доля предприятий Красноярского края в обеспечении поставок технического назначения на Ванкор не превысила 10%, комплексное воздействие проекта на развитие прилегающих территорий можно оценить как очень скромное. Причина – отсутствие четких национальных приоритетов в части пространственного развития и институциональных условий, обеспечивающих равные выгоды и бизнесу, и государству, и региону.

Нам жизненно необходимы механизмы консолидации усилий бизнеса и государства как в лице федеральных органов власти, так и регионов, в решении проблем экономического развития и инфраструктурного обустройства территорий.

В-четвертых, важная компонента успешности «Енисейской Сибири» связана с наличием реальных механизмов социальной ответственности компаний перед местным населением при реализации крупных инвестиционных проектов на принципах

частно-государственного партнерства. Особенно это актуально для ресурсных сибирских регионов, так как при огромной территории и слабой инфраструктурной обеспеченности масштабы существующей в них рыночной инфраструктуры и кадровой обеспеченности не соответствуют масштабам заявляемых инвестиционных проектов, и у компаний возникает большой соблазн локализовать положительные эффекты от проектов на других территориях, а зачастую в юрисдикциях других стран.

Будущее «Енисейской Сибири» может оказаться далеко не радужным, если не удастся наладить эффективное взаимодействие государства и бизнеса с учетом интересов территорий. Пока рабочий настрой губернаторов вселяет надежду, и подходы регионов, и первые шаги мне кажутся верными. Даже если что-то в конкретных проектах пойдет не так, одним из основных эффектов, на мой взгляд, будет создание работающей инфраструктуры, в которой заинтересованы и государство, и регионы, и представители разных отраслей. Может быть, каждая компания по отдельности не стала бы ввязываться в такое затратное дело, но благодаря комплексному подходу, а также заинтересованности регионов, думаю, удастся разделить затраты и риски и построить инфраструктуру, на базе которой можно будет динамично развивать экономику.

– *Как показывает опыт, корпоративная инфраструктура – далеко не всегда общедоступна.*

– Это есть. Классический пример – лесная отрасль с ее дорогами, по которым может пройти только специальный транспорт. Но в нашем случае эти риски снижаются за счет того, что регионы выступают своего рода координаторами и коммуникаторами между компаниями и стимулируют развитие общедоступной инфраструктуры. К тому же, поскольку участников достаточно много, появляется возможность комплексного рассмотрения и совместного финансирования недостающих элементов инфраструктуры, в том числе с привлечением федеральных средств. Сработает это или нет в ближайшей перспективе, не берусь судить, но, на мой взгляд, идея вполне рабочая. И первые шаги по подписанию соглашений, и по совместному обсуждению инфраструктурных проектов вселяют надежду.

– *В ходе презентации проектов «Енисейской Сибири» много говорилось об экономических эффектах: о налоговых*

отчислениях, создании новых рабочих мест. Но откуда возьмутся необходимые специалисты, где будут жить они и их семьи? Вам что-то известно о таких расчетах в отношении проектов «ЕС»?

– Действительно, в отличие от нефтегазовых месторождений, которые можно осваивать вахтовым методом, ключевые проекты, заявленные на форуме, ориентированы на постоянную занятость. В этом смысле вопросы наращивания и развития человеческого капитала в регионах «Енисейской Сибири», конечно, должны быть первоочередными. Если в их рамках не будет координации решения экономических и инфраструктурных проблем с изменением социальных условий проживания и ростом качества человеческого потенциала, получим в итоге колониальную систему, ориентированную только на извлечение природных ресурсов: выкопали и оставили «выжженную пустыню». Пока я обоснованных проектных расчетов на эту тему не видела, но на некоторых «круглых столах» форума проблемы развития человеческого капитала активно обсуждались.

Так, в процессе создания концепции «Енисейской Сибири» акцентировалось внимание на необходимости решения проблемы доступности базовых социальных услуг в пределах макрорегиона, в частности, обсуждались вопросы межрегиональной координации развития социальной сферы с опорой на Красноярскую и Абакано-Минусинскую агломерации. В качестве межрегионального центра профессионального образования и инновационного развития рассматривается прежде всего научно-образовательный комплекс Красноярска, а также вузы и колледжи городов Абакана и Кызыла. В этой области еще предстоит формировать межрегиональный стратегический проект.

– Есть еще несколько вопросов о Стратегии пространственного развития России. Отношение к ней у экспертного сообщества довольно неоднозначное. Какое мнение сложилось у вас? Вы уже видели ее текст?

– Видела и конечный текст, и проекты разных лет, наблюдала, как развивалась разработка стратегии во времени. Должна признаться, я к числу поклонников последней версии документа не принадлежу. Первый вариант пространственной стратегии 2016 г. был очень масштабный. Настолько объемный и подробный, что это порой затрудняло восприятие. Но надо сказать,

это был очень продуманный текст, в котором серьезно анализировались те ошибки и проблемы, которые к нам переключались с советского времени, как они увязаны друг с другом, и как все это проявляется в рыночной экономике. По мере же того, как Стратегия двигалась к утверждению, от нее практически ничего не осталось – обозначены основные проблемы, но совершенно не выстроены приоритеты. Реально все сводится к развитию агломераций и инфраструктуры. Да, это важные вопросы, инфраструктурная необустроенность сильно тормозит развитие территорий, но это имеет отношение к пространственному планированию, тем более – стратегическому, только как констатация фактов. Нет внятной региональной политики государства, стратегического видения изменений пространственного развития. Не прописаны цели, которых мы хотим достичь, стратегические задачи, которые необходимо решить в каждом конкретном случае, и те механизмы и инструменты, с помощью которых этого будем добиваться.

– А чем это вызвано? Лоббистские усилия разных групп? Отсутствие единого координирующего центра? Как правило, по мере обсуждения документы такого рода становятся более комплексными, всеобъемлющими.

– Думаю, это в какой-то степени недоработка в части координации и утрата преемственности. В создании первого варианта участвовали мэтры территориального планирования, было очень хорошее методическое руководство и поддержка со стороны СОПСа, который тогда возглавлял А.Г. Гранберг. Использовались очень серьезные многолетние теоретические и практические наработки научных институтов, в том числе и ИЭОПП СО РАН. Да и Минрегионразвития, как бы к нему ни относились, все же играло важную консолидирующую роль. Но окончательный пакет документов формировался, когда министерство было расформировано, и, к сожалению, не стало А.Г. Гранберга, СОПС начал разваливаться. В итоге все коллективы работали разобщенно, у них не было лидера, который бы методологически консолидировал все усилия. Это о роли личности в истории.

Еще одна проблема, мне кажется, в том, что на более поздних этапах к разработке Стратегии подключились специалисты, которые не имеют практического опыта территориального управления. У них могут быть очень хорошие теоретические знания,

но в том, как на практике преломляются и модифицируются прогнозируемые взаимосвязи, как на них влияют те процессы и риски, которые порождает рыночная экономика, как долго сохраняется инерционный эффект однажды запущенных механизмов, нет четкого понимания. Они добросовестно попытались проанализировать существующие проблемы, но фактически вместо анализа, осмысления глубинных причинно-следственных связей мы получили констатацию поверхностных фактов. Это о потере преемственности.

Наконец, есть методические и концептуальные замечания. Одно время в среде управленцев бытовала мода на «дженералистский подход» к любым объектам управления – независимо от того, территория это или компания. Этот методический подход, очевидно, использован и при разработке стратегии. Но если компанию можно объявить банкротом и ликвидировать, то что делать с регионом, если население все равно останется на территории, а конституционную ответственность власти за обеспечение условий проживания населения никто не снимал. В этом случае не работают чисто рыночные отношения, однако в итоговом документе это понимание отражения не нашло.

В целом же наиболее подробно оказались выписаны отдельные элементы и факторы пространственного развития (агломерации, инфраструктура, моногорода), а системное представление потеряно. Это не значит, что названные аспекты территориального развития несущественны. Агломерации, к примеру, очень важны, спору нет. Но они сосредоточены в основном в европейской части. К востоку от Урала есть агломерации, которые располагаются вдоль Транссиба, а на оставшейся огромной территории преобладают другие типы поселений: малые города, поселки и т.д. Как они должны взаимодействовать друг с другом и с теми же агломерациями, как создавать условия для их развития, как совершенствовать систему территориального управления? Что делать с периферийными территориями, особенно в условиях наших инфраструктурных ограничений? В итоговом документе ответов на эти вопросы я не увидела.

В любом случае наша большая территориальная протяженность требует специфических управленческих механизмов, которые должны гармонично сочетать государственно-административные и рыночные принципы.

– Мне кажется, от неравномерности в экономическом развитии нам все равно не уйти. В любой стране, даже самой благополучной, есть, условно, дотационные территории и доноры, густонаселенные и малонаселенные районы, экономические центры и периферия...

– Это не значит, что территориальными процессами не нужно управлять. В нашей стране уровень территориальной асимметрии социально-экономического положения регионов – субъектов Федерации, муниципальных образований сложился колоссальный. Система межбюджетного изъятия финансовых средств привела к тому, что у регионов нет внутренних ресурсов для сокращения этого разрыва. В ситуации, когда только 15–20% регионов являются донорами и не имеют дефицитных бюджетов, можно уверенно утверждать, что это общесистемные изъяны и необходимо совершенствовать государственную региональную политику, включая межбюджетные отношения, механизмы регулирования социальной ответственности бизнеса, стратегию развития инфраструктурной обустроенности территории страны и регионов.

Я недавно пережила легкий шок, проехав на поезде из Пекина до порта Циндао. Это около трех часов пути и почти половина – мягко говоря, по не густо заселенной территории (и это при том количестве населения, которое существует в Китае!). Так вот, благодаря государственной программе строительства инфраструктуры, в которую вложилось государство, там идет активное освоение пространства. Строятся предприятия, города. Государство это все стимулирует – заключает концессионные соглашения, формирует и контролирует очередность проектов, поддерживает перепрофилирование предприятий, которые в новых условиях оказались неконкурентоспособны (это, в частности, авиакомпании, у которых железнодорожные и автоперевозчики перехватили большую часть грузопотока). Вот пример стратегического подхода к пространственному развитию и управлению! Появилось стратегическое решение, потом – стратегический план и на его базе – конкретные проекты. Где, сколько, и в какие сроки нужно строить – все было последовательно просчитано и прописано.

– Но у нас ведь тоже многое просчитано и прописано. Еще до появления Стратегии была принята масса федеральных программ, которые реализовывались, в том числе на территории

Красноярского края. Может, дело не столько в планировании как таковом, сколько в реализации запланированного?

– Я бы уточнила – многое из того, что было прописано, зачастую опиралось на прототипы, которые не были адаптированы к реальным условиям нашей страны, по которым не были просчитаны комплексные эффекты для всех уровней территорий, а в конечном счете – для населения. К тому же значительная часть наших стратегических документов только формулирует круг проблем, которые надо решить. Когда и как – это отдельный вопрос, вынесенный за их рамки. Но очень часто, когда вы вплотную приступаете к решению конкретной проблемы, вы понимаете, что надо менять механизмы управления. Это отдельная работа, которая занимает не один и не два дня, иногда для разработки и запуска нового механизма нужны годы.

Конечно, даже просто обозначение проблемы – уже благо. Человеческая психика так устроена, что если проблема обозначена, и ты знаешь, что решать ее рано или поздно придется, ты не можешь о ней не думать. А чем раньше ты начнешь думать, тем быстрее перейдешь к действию. Так и с проектом «Енисейская Сибирь», кстати: проблемы, ключевые элементы понятны, но чтобы получить ощутимые комплексные эффекты, нужны соответствующие новые механизмы государственной региональной политики. И разработка их – первоочередная задача.

Статья поступила 10.05.2018.

Summary

Buharova E. B., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

We Need to Update the Mechanisms of State Regional Policy

Issues of state policy in the sphere of spatial development are raised in an interview with Eugenia Buharova, Siberian Federal University. Professor Buharova is engaged for a long time in a study of spatial development and regional security. She discusses the advantages and disadvantages of Soviet-administrative and market-oriented approaches to the development of territories, examines the prospects of the project for the creation of the macro-region «Yenisei Siberia» comments on the new strategy of spatial development of Russia.

Siberia; spatial development; territorial-production complex; TPK; Lower Angara; integrated development of the territory

Нижнее Приангарье как «связующее звено» между севером и югом Сибири¹

В.Ю. МАЛОВ, доктор экономических наук. E-mail: malov@ieie.nsc.ru

О.В. ТАРАСОВА, кандидат экономических наук. E-mail: tarasova@ieie.nsc.ru

В.Д. ИОНОВА, E-mail: ionova@ieie.nsc.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

В статье представлены результаты анализа реализации проектов Нижнего Приангарья, идея освоения которого обсуждалась еще с 1935 г. Выявлено, что трудности с реализацией этих проектов в течение последних десятилетий связаны с ориентацией на рыночные критерии эффективности многих проектов, отсутствием народнохозяйственного подхода к оценке инфраструктурных проектов. Показано, что сильно преувеличено значение конкурентоспособности ресурсов этого региона в отсутствие современных транспортных коммуникаций. Авторы предлагают делать акцент в новой стратегии освоения таких территорий не на поиске конкурентных преимуществ по сравнению с другими регионами, а на их взаимодействии, взаимодополняемости при обязательном встраивании их проектов в долгосрочную стратегию развития всей страны. К сожалению, сегодня больше внимания уделяется коммерческим интересам компаний-инвесторов, но не интересам России.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, территориально-производственный комплекс, стратегия развития, история освоения, согласование интересов

Статья является обобщением результатов многолетних научных исследований авторами сибирской тематики, в частности, применения теории территориально-производственных комплексов при разработке Федеральной целевой программы освоения Нижнего Приангарья. Опыт работы над Программой опубликован в монографиях, препринтах и статьях [Нижнее Приангарье..., 1996, 1997, 1998, 2007, 2014; Территориально-производственные..., 1992].

Современный этап развития азиатской части России характеризуется постепенным смещением акцентов: от выявления конкурентных преимуществ регионов в борьбе за инвестиции к поиску проектов, связывающих их экономику в единое целое. В этом контексте очень своевременной представляется инициатива администрации Красноярского края по активизации

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта по плану НИР №0325-2017-0009.

исследований всей «Енисейской Сибири», в которой Нижнее Приангарье играет связующую роль между Севером и Югом, включая и республики Тыва и Хакасия. Полезно вспомнить, что именно в таком территориальном составе всегда рассматривались долгосрочные планы развития этой части Восточной Сибири.

Прирастать будет Сибирью... Немного истории

Освоение Сибири, начиная с похода Ермака (конец XVI в.) и до конца XX в., осуществлялось при активнейшем участии государства, которое на протяжении четырех веков было главным инициатором переселений, а впоследствии – и мобилизации населения, прежде всего для решения стратегических задач. Мобилизации носили сначала принудительный, затем (с середины XIX в.) стимулирующий, а потом – смешанный (комсомольские стройки в сочетании с лагерями заключенных) характер. Акцент, конечно, был сделан на добывающих отраслях. Перерабатывающие отрасли из Центральной России и Урала начали передвигаться на восток далеко не сразу, поскольку в Сибири было эффективным только масштабное вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, которое, как показал опыт последних 25 лет, оказалось «не по зубам» отечественному частному капиталу.

Одним из первых высокоэффективных проектов, не столько в экономическом, сколько в социальном и стратегическом планах, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, имеющей общецивилизационное значение². Транссиб вначале был крайне убыточным, но уже к 1908 г. стал полностью рентабельным [Винокуров, Суходолов, 1996].

В советский период базовым проектом индустриализации восточных районов стала Урало-Сибирская программа. Подход к ней обозначился ещё в конце XIX в., когда правительство, возглавляемое С. Ю. Витте, искало пути повышения эффективности уральской металлургии. Затем в годы Первой мировой войны рассматривались проблемы создания производственной базы военно-оборонной промышленности на востоке страны. К непосредственной реализации программы приступили в годы

² Подробнее о значении Транссиба с точки зрения развития азиатской части страны см. монографии авторов (Проблемные..., 2005..., Азиатская..., 2008).

первой пятилетки: Урало-Кузнецкий комбинат как межрегиональный проект позволял модернизировать экономику всего СССР на индустриальной основе. Для этого были привлечены научные, управленческие и технико-технологические достижения более передовых в промышленном отношении стран.

Правительство СССР после острых политических обсуждений (как и в случае с Транссибом, где экономическая эффективность не являлась определяющей) сделало выбор в пользу строительства на Урале и в Сибири ряда крупных промышленных предприятий, транспортных и энергетических объектов. Урало-Кузнецкий комбинат позволил создать целую сеть индустриальных центров по всей стране: Москва – Урал – Кузбасс – Ангарстрой – Дальний Восток. Роль этого мегапроекта трудно переоценить. К его бесспорным результатам относятся следующие:

- огромная роль ресурсной базы, производственного потенциала и научно-проектного задела Сибири в победе СССР в Отечественной войне;

- значение объектов ВПК, созданных в послевоенные годы в Сибири, в обеспечении военной безопасности страны;

- активное участие во внешней торговле и формировании валютного фонда России;

- значение для России электроэнергетической системы Восточной Сибири, наиболее стабильно работающей в условиях полной обеспеченности местными ресурсами и ставшей основой крупнейшей базы энергоёмких производств.

В Сибири вторым после Кузбасса регионом интенсивного индустриального освоения стал Красноярский край: сначала его центральная и южная части, а затем – Нижнее Приангарье.

Этапы развития идеи масштабного освоения Нижнего Приангарья

Енисей и Ангара всегда привлекали к себе внимание исследователей: в дореволюционное время преимущественно как судоходные артерии, источники рыбного промысла. Ангара рассматривалась как участок большого сибирского водного пути от Урала до Байкала, а Енисей – как водная магистраль для вывоза сибирских грузов по морям Северного Ледовитого океана на запад. Золото Енисейского края и в XXI веке остается ресурсной

базой формирования доходной части бюджетов региона и страны в целом.

В 1925 г. инженер В. М. Малышев представил в Госплан СССР записку «Лено-Байкальская область и перспективы ее электрификации», в которой впервые было показано общесоюзное значение запасов гидроэнергетических ресурсов Ангары. В 1930 г. под руководством академика И. Г. Александрова был разработан «Генеральный план комплексных исследований по проблеме Ангары». Эти исследования были включены в пятилетний план развития народного хозяйства СССР, что свидетельствовало о большой народнохозяйственной значимости изучения ангарской проблемы. Предполагались два направления: использование Ангары и Енисея в качестве транспортных магистралей и гидроресурсов Ангары и ее притоков – для энергетического строительства. Последнее рассматривалось как логическое продолжение ГОЭЛРО в Восточной Сибири. Гидроэнергетические исследования на Енисее были начаты несколько позднее, чем на Ангаре, но к 1936 г. определились общие контуры путей использования ресурсов и этой реки.

В этом же году Н. Н. Колосовский успешно защитил в правительственной комиссии проект «Ангарстроя» (28 томов) – первое крупное исследование возможности комплексного хозяйственного освоения одного из регионов Сибири. Таким образом, в 1930-е годы произошла смена приоритета в освоении бассейна Ангары: развитие транспорта отошло на второй план (отказались от шлюзов), на первое место вышло создание энергетики и энергоемких производств.

Война отодвинула эти планы на 15 лет. Парадигма сдвига производительных сил на восток в 1950-е годы предполагала интенсивное развитие Сибири, включающее не только реализацию крупнейших добывающих проектов, но и создание здесь перерабатывающих производств, обеспечивающих в том числе и «атомный щит» страны.

В 1958 г. на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири в перспективе до 1970–1980 гг. обсуждалось создание Нижне-Ангарского территориально-производственного комплекса (ТПК), основу которого должны были составить огромные ресурсы дешевой электроэнергии (Енисейской, Богучанской, Средне-Енисейской и тяготеющей к этому району Осиновской

ГЭС суммарной мощностью около 20 млн кВт), местное минеральное сырье (железные руды, полиметаллы, алюминиевое сырье, магнетиты, сурьма и др.), а также колоссальные запасы древесины. Рекомендовалось создание нескольких узлов энергоемких производств вблизи будущих ГЭС, лесопромышленных центров в районе Енисейска-Абалаково (Лесосибирск), горнопромышленных узлов по добыче различных видов минерального сырья. Предполагалось, что древесина из Нижне-Ангарского района пойдет сплавом по Ангаре на Маклаково-Енисейские деревообрабатывающие предприятия и оттуда вниз по Енисею на экспорт через Игарку или по железной дороге на юг в лесодефицитные районы вплоть до Средней Азии.

В начале 1960-х годов в работе М.К. Бандмана «Красноярское Приангарье» [Бандман, 1962] была дана подробная информация о географическом положении, природных условиях, формировании населения, современном состоянии хозяйства и основных предпосылках и направлениях развития этого региона. Природные богатства и ожидаемая высокая экономическая эффективность их использования позволяли предположить, что на базе местных ресурсов уже в 1980-е годы возможно формирование одного из крупнейших в Сибири ТПК.

Препятствия на пути реализации предложенных идей

Однако этой идее в то время не суждено было воплотиться в жизнь из-за ряда объективных и субъективных причин, в том числе недостаточной научной и проектной подготовки. Так, например, доминирующий отраслевой подход к освоению новых районов, при котором отрасли заинтересованы были только в том, чтобы взять необходимое им сырье, препятствовал рациональному использованию комплексного многокомпонентного сырья Нижнего Приангарья. Проявился и недостаточный учет внешних условий, например, конкуренция с уже формируемым в то время Братско-Усть-Илимским ТПК, имеющим близкую специализацию (гидроэнергетика, производство алюминия, лесоперерабатывающий комплекс). С началом строительства Братской ГЭС стали развиваться производства в зоне ее влияния. После Братского ЛПК начал строиться Усть-Илимский ЛПК на базе ГЭС, а значимость

создания лесопромышленных комплексов Нижнего Приангарья уменьшилась.

Сказалось также отсутствие межотраслевой увязки этапов сооружения отдельных объектов отраслей специализации с инфраструктурной подготовкой территории. Открытие уникального Горевского месторождения свинца и цинка обусловило неопределенность проекта Средне-Енисейской ГЭС, времени и места ее сооружения.

В результате Нижнему Приангарью стало уделяться меньше внимания, освоение его ресурсов было отодвинуто на десятилетия. Неопределенность с количеством ГЭС, выбором их створов и сроков гидростроительства привела к тому, что вопросы строительства других производств в районе затопления и подтопления Богучанской и Средне-Енисейской ГЭС вообще не рассматривались. Кроме того, появилось новое перспективное предложение – об усилении поисковых работ на нефть и газ в районах Сибирской платформы.

Тем не менее в начале 1970–1980-х годов были разработаны две уникальные для СССР 10-летние программы комплексного развития производительных сил Красноярского края, в которые составной частью вошли и проекты Нижнего Приангарья. В 1971 г. в правительственном документе «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Красноярского края на 1971–1980 гг.» рассматривались вопросы промышленного развития этого региона. Среди намечавшихся объектов были такие крупные, как Богучанская ГЭС, Горевский ГОК и др. В перечень предприятий лесного комплекса включались как уже действующие ЛДК (с учетом их реконструкции и расширения), так и новые производства, ориентированные в первую очередь на глубокую переработку древесины (целлюлозно-бумажные и гидролизные).

В свете ужесточающихся экологических требований, чрезмерной концентрации промышленности в центральных районах страны и необходимости создания региональной продовольственной базы в южных районах Красноярского края (где уже ощущался дефицит водных и земельных ресурсов) Нижнее Приангарье стало рассматриваться в качестве конкурентоспособного региона для размещения новых производств, в том числе тепловых электростанций на углях Канско-Ачинского бассейна. В связи с открытием нефтегазовых месторождений в южных районах Эвенкии

появилась необходимость создания опорных баз для их освоения, и ближайший для этих целей регион – Нижнее Приангарье. Завершение строительства БАМа и понимание ограниченности провозных способностей Транссиба диктовали необходимость сооружения Северо-Сибирской магистрали – основы нового северного широтного экономического пояса в пределах всей Сибири.

Таким образом, постепенно обозначилось следующее представление о месте Нижнего Приангарья в народном хозяйстве страны:

- формирование комплекса предприятий по глубокой переработке древесины;
- создание новой базы электроэнергетики путем сооружения ГЭС и (или) ТЭС (в том числе вынос некоторых мощностей из района Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса);
- создание энергоемких производств черной, цветной металлургии и химии на местном и привозном минеральном сырье;
- комплексное использование нерудных и других полезных ископаемых с извлечением и переработкой попутных продуктов и отходов производства;
- опережающее развитие производственной и социальной инфраструктуры;
- создание в рациональных пределах собственной продовольственной базы на промышленной основе;
- формирование тыловой базы для освоения природных ресурсов территории всего Ближнего Севера Красноярского края, и в первую очередь месторождений углеводородного сырья Эвенкии;
- строительство Северо-Сибирской магистрали как части Северо-Российского евразийского международного транспортного коридора;
- участие региона в возрождении и развитии транспортной системы «Енисей – Северный морской путь»;
- сервисное обслуживание международных перевозок (сухопутных, воздушных, водных).

Федеральная целевая программа освоения Нижнего Приангарья

В конце 1980-х – начале 1990-х годов начался качественно новый этап освоения Нижнего Приангарья. Появилась необхо-

димось переоценки ресурсного потенциала многих регионов и выхода «за ресурсами» на новые территории, поскольку с распадом Союза значительная часть источников сырьевых ресурсов осталась за пределами России. Сибирскому отделению Академии наук была поручена разработка проекта Государственной программы освоения Нижнего Приангарья на 2005–2010 гг. Ответственным исполнителем был назначен Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП). Существенная часть исследований была выполнена по заданию Госплана СССР и Госплана РСФСР в 1989–1992 гг. в рамках разработки соответствующих отраслевых схем с выделением Нижнего Приангарья. Проведены четыре основные группы работ:

1) прогнозы, выполненные рядом научных учреждений под руководством СОПСa при Госплане СССР и при участии ИЭОПП;

2) проекты территориальной организации хозяйства Нижнего Приангарья, осуществленные территориальными институтами Госстроя СССР и Госстроя РСФСР в виде схем районных планировок;

3) научные и проектно-изыскательские работы по освоению ресурсов Нижнего Приангарья, выполненные академическими, научными и проектными отраслевыми институтами в рамках межотраслевых комплексов;

4) научные разработки по финансовым условиям, правовому сопровождению и управлению процессом реализации программы (Институт государства и права РАН, ВНИИ советского законодательства, Московский финансовый институт).

В результате этих многолетних комплексных, межотраслевых исследований и согласований с правительственными учреждениями в 1997 г. было принято Постановление Правительства РФ «Об утверждении Федеральной целевой программы освоения Нижнего Приангарья», а в 1998 г. – Постановление Правительства РФ «О реализации Федеральной целевой программы освоения Нижнего Приангарья». В принятой программе определены и согласованы интересы участников освоения региона, в том числе населения; перечень и динамика реализации программных объектов и мероприятий представлены таким образом, чтобы не только обеспечить их быструю окупаемость, но и создать реальную базу для последующего «самофинансирования» развития региона

и решения социально-экономических проблем Красноярского края в целом. Оформлена организационная структура, ответственная за реализацию программы, утверждены «Положение об администрации Федеральной целевой программы освоения Нижнего Приангарья» в составе Межведомственной комиссии и дирекции, а также персональный состав этой комиссии.

Большую роль в работе над программой сыграло сотрудничество с иностранными учеными, в частности получение в 1992 г. гранта Нидерландского национального научного совета голландского правительства. Исследовательская группа, в состав которой с голландской стороны вошли известные профессора-регионалисты (G.A. van der Knaap, E. Wever) и доктора наук (O. Atzema, L. Paul), провела несколько тематических семинаров, осуществила ознакомительную поездку в Нижнее Приангарье, Иркутск, Братск, Усть-Илимск и Красноярск. Результатом совместной работы стало издание в 1995 г. в Нидерландах монографии [Lower., 1995].

Главным научным результатом работы над программой освоения Нижнего Приангарья стала предложенная на основе реально проведенного исследования логическая схема, которая может быть рекомендована как для подобных разработок, так и для управления процессом реализации программы [Нижнее Приангарье., 1996]:

- 1) обоснованы реально достижимые материально-вещественные пропорции всех элементов хозяйства региона;
- 2) оценены и согласованы интересы всех участников: государства, региона, населения, бизнеса;
- 3) показаны социально-экономические последствия решения предлагаемой программы освоения региона;
- 4) расставлены приоритеты и определена последовательность создания различных объектов программы: краткосрочные быстрокупаемые, среднесрочные, исследовательские.

Сложности и результаты реализации ФЦП освоения Нижнего Приангарья

Участие государства должно было осуществляться только через министерства экономики и финансов, а форма участия других заинтересованных в освоении ресурсов Нижнего Приангарья федеральных органов исполнительной власти не определялась.

Другими словами, координации действий даже внутри государственных структур добиться не удалось. Излишне говорить о неопределенности действий частных инвесторов. Дефолт 1998 г. привел к кардинальным изменениям в экономической ситуации в России. Интерес к Нижнему Приангарью опять был утрачен на неопределенное время.

Вернулись к проблеме только в 2005 г., когда «доводка» Федеральной целевой программы освоения Нижнего Приангарья была поручена Институту региональной политики (ИРП) – организации, которая обладала «пробивной силой» в только что созданном Инвестиционном фонде. Уже в 2006 г. (!) ИРП закончил инвестиционный проект «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», одобренный в этом же году комиссией, проводившей конкурс на выделение средств из Инвестиционного фонда. Инициатором проекта выступала Корпорация развития Красноярского края (акционеры – региональная администрация, ОАО «ГидроОГК», ООО «Базовый элемент» («РУСАЛ») и Внешэкономбанк).

Принципиально важным моментом для всех проектов, претендующих на деньги Инвестиционного фонда, было выполнение следующего соотношения: на каждый рубль государственных средств требовалось найти четыре рубля средств частных компаний. Поэтому затратные инфраструктурные объекты, типа Северо-Сибирской железнодорожной магистрали, в программу Нижнего Приангарья не включались. Часть производственных объектов, заявленных в проекте, осталась только в виде так называемых «протоколов о намерениях». Выяснилось, что четыре предприятия в заявленный срок не окупаются. Среди них – газоперерабатывающий завод, Тагарское металлургическое объединение, цементный завод и существующий Горевский ГОК с созданием в его составе металлургического производства. И это не случайно, так как временной горизонт в пределах 10 лет, принятый для расчета показателей эффективности функционирования промышленных предприятий, не дает возможности выявить народнохозяйственную эффективность создания того или иного производства (тем более объекта инфраструктуры) в регионе нового освоения.

Из Инвестиционного фонда проект успел получить средства для завершения строительства Богучанской ГЭС (станция вышла на проектную мощность 3000 МВт), построены запланированные линии электропередач, вошел в строй Богучанский алюминиевый

завод (производство – около 150 тыс. т первичного алюминия в 2016 г.), построена автодорога до Кодинска. Однако доходы краевого бюджета от алюминиевого завода сравнимы с доходами от нескольких гостиниц в г. Красноярске. Эффект от дешевой электроэнергии Богучанской ГЭС (построенной на бюджетные деньги) преобразуется в прибыли «РУСАЛа», которая используется этой частной компанией. Возврат средств в край (и даже в Россию) никем и ничем не гарантирован.

Анализ предлагаемых промышленных и инфраструктурных проектов с точки зрения их сбалансированности по срокам строительства, обеспечения материально-вещественными услугами, а также по срокам и объемам получения ожидаемой прибыли показал не просто сложность, но *невозможность* их реализации. Назовем самые главные причины.

1. Недостаточная транспортная обеспеченность предлагаемых производств без сооружения участка Северо-Сибирской магистрали. Доставка сырья и строительных материалов на новые предприятия с помощью только автотранспорта нереальна.

2. Отсутствие достаточной строительной базы в том районе. Общие капиталовложения по всем объектам составляют более 660 млрд руб., т.е. ежегодный объем работ в среднем – 66 млрд руб. Это потребует привлечения около 40 тыс. строительных рабочих, что вряд ли осуществимо. Еще более серьезные проблемы возникнут с необходимостью экстренного (для ввода в действие объектов) привлечения квалифицированных трудовых ресурсов и их обустройства. Этот контингент вряд ли может работать вахтовым методом, в отличие от строителей.

3. Сроки освоения газоконденсатных месторождений не увязаны с вводом мощностей по газопереработке: добыча газа планировалась в 2010 г., а ввод в эксплуатацию газохимического комбината в районе Богучан – уже в 2009 г. И это не считая трехгодичного периода строительства газопровода. Снабжение сырьем названных предприятий по газопереработке не согласовывалось с вводом мощностей по добыче газа и со строительством трубопровода.

Разработчики и лоббисты проекта Нижнего Приангарья игнорировали эти «несстыковки», вероятно, потому, что большинство объектов *и не предполагалось реализовывать в намеченные сроки*. Главная цель – «выбить» бюджетные деньги из Инвестиционного

фонда для завершения строительства Богучанской ГЭС и ЛЭП на алюминиевый завод – была достигнута. Основным бенефициаром проекта стала компания «РУСАЛ», которая продолжает «снимать сливки» с высокоэффективных гидроэнергетических объектов и вывозить продукцию за рубеж. С учетом последних санкций США в отношении наших металлургических компаний, вероятно, им вновь будет оказана поддержка за счет бюджета страны.

Ангаро-Енисейский кластер

В конце 2016 г. вице-премьер Правительства РФ А.Г. Хлопонин заявил: «Нижнее Приангарье – законченный этап. Нужно переходить к новому проекту – создавать территорию опережающего развития, в рамках которой нефтедобыча, переработка нефти, древесины. Это форпост дальнейшего развития. Сейчас необходимо решить, чтобы часть проектов реализовало государство, и чтобы сюда пришел инвестор»³. Такая инициатива была поддержана и властями Красноярского края, и рядом корпораций, намеревающихся «примкнуть» к возможным дополнительным бюджетным деньгам для создания собственных объектов.

В этой связи показательна судьба западной части Нижнего Приангарья – Мотыгинского, Енисейского и Северо-Енисейского административных районов. Частично сюда относится и территория южной части Эвенкии, где уже идет добыча углеводородов. Будучи включенными в первоначально разработанную Федеральную целевую программу и в схему районной планировки, они вошли в качестве «второго эшелона» в формат комплексного инвестиционного проекта «Ангаро-Енисейский кластер» (АЕК) (в проекте развития Нижнего Приангарья 2006 г. эти месторождения привязывались к перерабатывающим комплексам Богучанского района). АЕК – это очень «разбросанная», далеко не компактная территория. Например, такой объект, как Кингашский ГОК, намечаемый к строительству в Саянском районе Красноярского края, ни территориально (около 500 км от Нижнего Приангарья к югу), ни по экономическим связям не соответствует критериям «территориального кластера». Но в нем заинтересована компания «Норникель», готовая выделить реальные финансовые ресурсы,

³ URL: <http://npriangarie.ru/2016/1976/>

которые составляют основную часть «привлеченных средств частных инвесторов».

Заявив о создании кластера в таком составе, правительство края смогло привлечь частные инвестиции и получило основания просить о выделении «дополнительных» федеральных средств. События 2014 г. – сокращение темпов роста мировой экономики и спроса на металлы, а, следовательно, и снижение цен на них, заставили и федеральные министерства, и частные ресурсодобывающие компании пересмотреть свои планы в сфере освоения новых ресурсных баз. Это коснулось и судьбы АЕК. Под большим вопросом остается судьба проекта глубокой переработки полиметаллических руд Горевского месторождения (Мотыгинский район). Сворачиваются проекты лесохимии в г. Лесосибирске. Сохраняется интерес лишь к золотодобывающим объектам и к тому, что с ними непосредственно связано, к созданию моста через Енисей в районе Лесосибирска. Остается надеяться, что этот мост будет спроектирован и исполнен в совмещенном (авто-железнодорожном) варианте, так как он – ключевой элемент будущей Северо-Сибирской железнодорожной магистрали, заявленной в специальном разделе Транспортной стратегии РФ еще в 2003 г.

Проекты освоения ресурсов Нижнего Приангарья середины 1980-х годов уже ориентировались на возможность использования нефтегазовых месторождений юга Эвенкии как для развития газо- и нефтехимии, так и для газификации городов и поселков восточных регионов России. Однако конкуренция между регионами Сибири за будущую «прописку» предприятия, производящего продукцию с высокой добавленной стоимостью, не позволила выйти с согласованным решением на уровень федеральных органов власти. Позднее, в 2000-е годы появились варианты передачи значительных объемов газа в Китай с месторождений севера Иркутской области и Республики Саха (Якутия). Рассматривался вариант создания перерабатывающих предприятий на территории Китая. Оценка велась с позиций как РФ, так и газового монополиста – организации с государственным участием, но имеющей при этом ярко выраженный коммерческий интерес. Оказалось, что при выборе варианта развития газовой отрасли в Восточной Сибири интересы «Газпрома» и Китая совпадают: с точки зрения получения максимальной финансовой прибыли и с позиций близости конечного потребителя

наиболее выгодно создать газопереработку на территории КНР. Большая вероятность, что и газ Эвенкии также минует территорию Сибири, влившись в газопровод «Сила Сибири». Хорошо, если переработка газа сибирских месторождений все-таки будет осуществлена на строящемся заводе в Амурской области.

Проведение газопровода по южному маршруту, позволяющему газифицировать многие населенные пункты Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края, не отвечает интересам монополиста: получить «нужную» цену с жителей сибирской глубинки вряд ли возможно. Сегодня кто-то гордится началом реализации проекта «Сила Сибири», позволяющего диверсифицировать поставки газа, но он реализован именно по варианту, менее всего отвечающему интересам населения Восточной Сибири. Хорошо, если не оправдаются наши прогнозы о конечных потребителях высокотехнологичной продукции газоперерабатывающего завода (уже строящегося в Амурской области), и она найдет применение не только в Китае, но и на предприятиях России.

Желание региональных властей любым способом получить инвестиции из федерального бюджета, даже путем привлечения частных компаний в режиме «протокола о намерениях» (что не обязывает последних реально финансировать проект), понять можно. Но на федеральном уровне необходимы сопоставление интересов всех регионов, участвующих в процессе реализации проектов, учет действительных возможностей бюджета и, главное, реальной заинтересованности корпораций совместно финансировать эти проекты. Именно цели достижения связанности регионов должны выходить на первый план при формировании проектов федерального уровня значимости.

Наши предложения по обоснованию схем территориального планирования: старые задачи на новом этапе

Развитие производительных сил Красноярского края в составе СССР в течение многих лет рассматривалось в многочисленных прогнозных материалах – схемах, проектах, программах, правительственных документах. Значительная часть из них, безусловно, устарела, однако некоторые подходы к перспективам развития края и его отдельных районов остаются неизменными и в настоящее время. Главное – сохранение за Красноярским

краем роли одного из ведущих регионов России в развитии ее базовых отраслей промышленности, сохранение производственной специализации края в межрегиональном разделении труда. Поэтому не следует списывать со счетов разработанные ранее прогнозные материалы, а также наработанный методический инструментарий составления этих прогнозов. Суть последнего заключается в последовательном «спуске» с народнохозяйственного уровня до отдельного административного района. От агрегированных показателей развития отраслей – до уровня районной планировки – т.е. инженерного документа, после которого уже могут начаться проектно-строительные работы (рисунок).

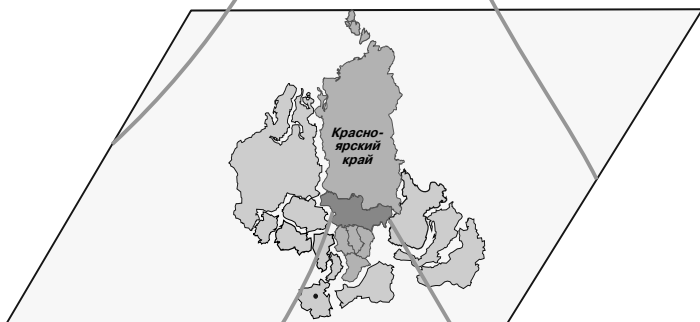
На каждом шаге расчетов последовательно определяются и уточняются контуры принимаемого варианта, который должен отвечать согласованным интересам государства, крупного бизнеса и целям социально-экономического развития региона.

На первом шаге определяются место Красноярского края в хозяйственном комплексе страны, его связи с другими регионами России. На втором – выявляются связи отдельных районов внутри Красноярского края и перспективные «опорные зоны» – территории концентрации важнейших объектов (в терминах прошлых лет – ТПК). На третьем шаге исследуются варианты пространственной структуры отдельных «опорных зон», что дает основание для разработки схем территориального планирования, т.е. инженерного документа для начала непосредственно инвестирования и собственно строительных работ. Здесь полезно вспомнить аналогичный проект, направленный на решение острой региональной проблемы – освоение ресурсов долины реки Теннесси в США (TVA)⁴. Особо отметим

⁴ Многолетний опыт TVA привлекает внимание в первую очередь как высокоэффективный механизм программного развития проблемного региона в стране с развитым рыночным механизмом хозяйствования. TVA сегодня – не просто энергосистема, но и агентство ресурсного развития (освоения природных ресурсов), созданное Конгрессом в помощь развитию региона долины реки Теннесси. Это – национальная экологическая лаборатория, испытывающая решения, способствующие устойчивому экономическому росту. TVA продолжает осуществлять свою миссию, удовлетворяя потребности людей, помогая им достичь лучшего качества жизни. Знакомство с опытом TVA и сравнение с условиями Нижнего Приангарья позволяют сделать вывод, что рациональное использование данного опыта на новом этапе освоения ресурсов этой территории поможет выработать в перспективе постоянную или, по крайней мере, надежную структуру эффективного механизма программного развития проблемного региона ресурсного типа.

Красноярский край в России

Нижнее Приангарье в Красноярском крае

Пространственная структура Нижнего Приангарья

Последовательность решений задач
разработки стратегического регионального развития

лишь то, что эта территория объединяла районы семи штатов, имеющих свои законы. Но даже в этих условиях удалось разработать программу, связывающую все семь штатов в единое экономическое целое.

Результаты и роль экспедиционных исследований

Рассмотрим результаты наших последних двух экспедиций 2011 г. и 2013 г., которые и сегодня не потеряли актуальности.

Восточная часть Нижнего Приангарья – 2011 г. Экспедиция проходила по территориям Рыбинского района и г. Бородино, Абанского, Богучанского и Кежемского районов с посещением ряда предприятий (Бородинский и Абанский угольные разрезы, стройка Богучанского ЛПК, мост через реку Ангара, Богучанский алюминиевый завод, Богучанская ГЭС).

Сокращение объемов добычи угля восточного крыла КАТЭКа связано не только с закрытием ряда предприятий-потребителей, но и конкуренцией с мелкими разрезами, которые не содержат на балансе инфраструктурные и социальные объекты, не проводят рекультивацию земель и др.

Полукокс, получаемый из бородинских углей, может найти применение в металлургии, что проверено на опытных партиях. Однако все проекты являются капиталоемкими и пока не выдерживают конкуренцию с Кузбассом, а также с другими месторождениями Восточной Сибири. С большой долей вероятности был сделан вывод о том, что в ближайшие 10 лет заказов на эти продукты не ожидается. Нижнее Приангарье также не может рассматриваться в качестве перспективного потребителя этих топливно-энергетических ресурсов. Однако поскольку сегодня как никогда остро стоит проблема очистки воздушного бассейна г. Красноярска от дыма многочисленных мелких котельных, работающих на дешевом бородинском угле, наши предложения по постепенному переходу на полукокс для топливоснабжения городов остаются актуальными.

Строящийся алюминиевый завод (п. Таежный) продолжает ориентироваться на приезжие трудовые ресурсы, в основном вахтовиков. Поселка, соответствующего современным требованиям жизни, пока не предвидится. Продукция предназначена для экспорта, вероятно, в Китай. Доходы местного бюджета

от этого проекта предполагаются минимальными (учитывая многочисленные льготы от местных властей). С учетом ситуации на других действующих алюминиевых заводах России, а также вероятного ввода в строй Тайшетского алюминиевого завода той же компании «РУСАЛ» был сделан вывод о возможном перенасыщении рынка, а следовательно, о снижении цен на алюминий. Предлагалось усилить ориентацию этого металла на внутренний рынок, в частности машиностроительные заводы Сибири. Конечно, введение санкций США предвидеть было трудно, но выводы о желательности приоритета внутреннего рынка (пусть и не такого прибыльного для отдельно взятой компании) подтвердились.

Обследование строительной площадки планируемого Богучанского лесопромышленного комплекса показало: если первичная обработка лесных ресурсов возможна, то лесохимия в данном месте появится не скоро. Для нее более предпочтителен район Лесосибирска как первой очереди создания объектов глубокой переработки древесины.

Одной из главных проблем остается транспортная доступность этого района. Доставка грузов осуществляется по железной дороге через ст. Карабула, затем идет перевалка на автотранспорт, при этом некоторые грузы доставляются напрямую автотранспортом со станций на Транссибе (около 300 км), что достаточно затратно. В итоге опоздание с созданием соответствующей транспортной инфраструктуры (не смогли вовремя найти инвестиции, как это было и при освоении нефтяных месторождений Западной Сибири) приводит к переплатам за доставку грузов. Действительно, скупой платит дважды.

Западная часть Нижнего Приангарья – 2013 г. Экспедиция по территории ряда муниципальных образований (Большемуртинский, Казачинский, Мотыгинский, Енисейский районы, пос. Новоангарск, города Лесосибирск и Енисейск) с посещением Новоангарского ГОКа, Лесосибирского порта, Лесосибирского ЛДК № 1 показала следующее.

Реализация принятого в 2006 г. Инвестиционного проекта комплексного развития Нижнего Приангарья идет с большим отставанием, в первую очередь в сфере инфраструктуры – транспортной, энергетической, социальной. По большинству проектов Программы все еще не проработаны ни размещение и состав

участников, ни технологии, хотя администрации районов считают эти проекты приоритетными для своих территорий. Продолжающиеся депопуляция и деиндустриализация территорий западной части Нижнего Приангарья снижают привлекательность указанных в Программе проектов для инвесторов с точки зрения обеспеченности инфраструктурой, рынками сбыта, условиями привлечения кадров.

В западных районах отсутствует единое мнение о необходимости создания и дислокации ГЭС в среднем течении реки Енисей. При этом отношение к проекту крупных действующих компаний лесной и металлургической (Горевский ГОК) отраслей не совпадает с социально-ориентированным подходом местных властей. Ресурсная база данных компаний может уйти под воду.

В целом для рассматриваемого района велика роль крупного ресурсоэксплуатирующего бизнеса, и его интересы, ориентированные на экспорт этих ресурсов, преобладают. Это приводит к отсутствию мультипликативного эффекта от перспективных перерабатывающих производств, которые можно было бы разместить в южных районах края или Хакасии. В этой связи также настораживает большая доля иностранного капитала во многих проектах Нижнего Приангарья. Сельское хозяйство и лесная отрасль даже на левобережье Енисея постепенно приходят в упадок, не получая должной помощи от краевого центра.

Была выявлена единодушная поддержка создания мостового перехода через Енисей (в районе старого Абалаковского створа – Высокогорского), который позволит снизить стоимость транспортировки продукции и сделать ее круглогодичной. Крайне важно, чтобы этот мост был предназначен как для автомобильного, так и железнодорожного сообщения – по примеру моста через р. Ангара в районе Богучан. Этот мост – часть будущей Северо-Сибирской магистрали, которая включена в транспортные стратегии последних лет. Однако субъектов, заинтересованных в авто-железнодорожном варианте мостового перехода, пока нет. Ни Минтранс, ни ОАО «РЖД» пока не видят в этом государственного интереса.

Проектное наполнение Ангаро-Енисейского кластера остается вопросом среднесрочной перспективы. Подготовкой месторождений к эксплуатации, созданием социальной и производственной инфраструктуры на правом берегу никто не занимается.

Перспективы развития туристической отрасли в качестве направления диверсификации экономики западной части Нижнего Приангарья оцениваются как скромные, при всем огромном энтузиазме глав муниципалитетов. Однако при высокой степени проработки брендов можно достичь определенных результатов на региональном уровне в сегментах отдыха выходного дня либо сезонного.

Представляется, что результаты наших научных разработок и экспедиционных исследований все-таки нашли понимание в недрах властных структур края. В конце 2017 г. врио губернатора Красноярского края А. Усс заявил о возможности создания Енисейской экономической зоны на территории края и республик Тыва и Хакасия. Он отметил, что в ближайшее время будет создана рабочая группа, которая сформулирует организационно-правовые предложения по формированию зоны и приданию ей статуса, сравнимого с Приморьем. При этом А. Усс подчеркнул, что речь идет не об административном объединении, а лишь о налаживании межрегионального взаимодействия на экономической основе. По его мнению, Енисейская экономическая зона способна стать стержнем восточного вектора России.

Пусть через тернии, но Нижнее Приангарье как «связующее звено» между севером и югом Восточной Сибири обязательно займет свое достойное место. Научный задел для обоснования надежд на потенциальную возможность согласования государственных и частных интересов создан и «впитывает» в себя идеи, проверенные временем. Остается соединить его с административным ресурсом, который в Красноярском крае всегда находился на острие решения задач страны.

Литература

Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны / Отв. ред. В.В. Кулешов; Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 427 с.

Бандман М. Красноярское Приангарье. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1962. 56 с.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск, 1996. 238 с.

Мартынова А.М., Безруков Л.А., Коротный Л.М., Турушина Л.А. Экологические и социально-экономические проблемы строительства Богучанской ГЭС // Проблемы комплексного использования водных ресурсов ангарских водохранилищ. М: МОНФ, 2000. С. 106–119.

Нижнее Приангарье: библиография (публикации и материалы) / Науч. ред. М. К. Бандман. Препринт. Новосибирск: ИЭОПП, 1997. 80 с.

Нижнее Приангарье: 100 лет научных исследований и попытка реализации освоения // Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого. ИЭОПП, 2014. Гл. 4. С. 156–212.

Нижнее Приангарье: от разработки Федеральной целевой программы к ее реализации / С. А. Аринчин, В. Д. ИONOVA, В. Ю. Малов. и др. Препринт. Новосибирск: ИЭОПП, 1998. 52 с.

Нижнее Приангарье на новом этапе освоения: возможности формирования промышленных кластеров / В. В. Воробьева, Т. Н. Есикова, В. Д. ИONOVA, В. Ю. Малов. Новосибирск: ИЭОПП, 2007. 82 с.

Нижнее Приангарье: логика разработки и основные положения концепции программы освоения региона / М. К. Бандман, В. Д. ИONOVA, В. Ю. Малов и др. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1996. 232 с.

Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / Отв. ред. В. А. Ламин, В. Ю. Малов; ИЭОПП, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева, Ин-т истории, СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 385 с. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 4).

Территориально-производственные комплексы: Нижнее Приангарье / Отв. ред. В. В. Кулешов, М. К. Бандман; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1992. 342 с.

Lower Angara Region: A new approach to regional development in Russia / ed. by M. K. Bandman, V. Malov; The Royal Dutch Geographical Society [et al.]. Utrecht-Rotterdam, 1995. 136 p. (Nederlandse Geografisch Studics; 198).

Статья поступила 26.04.2018.

Summary

Malov V. Yu., Tarasova O. V., Ionova V. D., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Lower Angara Region as a Link between the North and South of Siberia

The article presents the results of the analysis of the implementation of projects of the Lower Angara region, the idea of the development of which has been discussed since 1935. It is revealed that the difficulties in the implementation of many recent decades are associated with the orientation to market criteria for the effectiveness of many projects, the lack of economic approach to the evaluation of infrastructure projects. It is shown that the value of competitiveness of the resources of this region in the absence of modern transport communications is greatly exaggerated. The authors suggest that the emphasis in the new strategy of development of such territories is not on finding competitive advantages with other regions, but on their interaction, complementarity with the mandatory integration of their projects into the long-term development strategy of the whole country. Unfortunately, today more attention is paid to the commercial interests of companies – investors, but not to the interests of the country.

Lower Angara; territorial production complex; development strategy; history of development; coordination of interests

References

Aziatskaya chast' Rossii: novyj ehtap osvoeniya severnyh i vostochnyh regionov strany (2008). V.V. Kuleshov; Novosibirsk, IEHOPP SO RAN. 427 p. (In Russ.)

Bandman M. (1962). Krasnoyarskoe Priangar'e. Novosibirsk: Novosibirskoe Publ. 56 p. (In Russ.)

Vinokurov M.A., Suhodolov A. P. (1996) Ekonomika Sibiri 1900–1928. Novosibirsk. 238 p. (In Russ.)

Martynova A. M., Bezrukov L. A., Korytnyj L. M., Turushina L. A. (2000). Ehkologicheskie i social'no-ehkonomicheskie problemy stroitel'stva Boguchanskoj GEHS. In: Problemy kompleksnogo ispol'zovaniya vodnyh resursov angarskih vodohranilishch. Moscow, MONF. Pp. 106–119. (In Russ.)

Nizhnee Priangar'e: bibliografiya (publikacii i materialy) (1997). M. K. Bandman. Preprint. IEHOPP SO RAN. 80 p. (In Russ.)

Nizhnee Priangar'e: 100 let nauchnyh issledovanij i popytki realizacii osvoeniya (2014). Mark Konstantinovich Bandman. Izbrannye trudy i prodolzhenie nachatogo. IEHOPP. Glava 4. Pp.156–212. (In Russ.)

Nizhnee Priangar'e: ot razrabotki Federal'noj celevoj programmy k ee realizacii (1998). S.A. Arinchin, V.D. Ionova, V.Yu. Malov i dr. Preprint. Novosibirsk, IEHOPP. 52 p.

Nizhnee Priangar'e na novom ehtape osvoeniya: vozmozhnosti formirovaniya promyshlennyh klasterov (2007) V.V. Vorob'eva, T.N. Esikova, V.D. Ionova, V. Yu. Malov. Novosibirsk, IEHOPP. 82 p.

Nizhnee Priangar'e: logika razrabotki i osnovnye polozheniya koncepcii programmy osvoeniya regiona (1996). M. K. Bandman, V.D. Ionova, V.Yu. Malov i dr. Novosibirsk, IEHOPP SO RAN. 232 p.

Problemnye regiony resursnogo tipa: Aziatskaya chast' Rossii (2005). V.A. Lamin, V. Yu. Malov; IEHOPP, Institut sistem ehnergetiki L.A. Melent'eva, Institut istorii, SO RAN. Novosibirsk, SO RAN Publ. 385 p. (In Russ.)

Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: Nizhnee Priangar'e (1992). V.V. Kuleshov, M.K. Bandman; IEHOPP SO RAN. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)

Lower Angara Region: A new approach to regional development in Russia (1995). Ed. by M.K. Bandman, V. Malov; The Royal Dutch Geographical Society [et al.]. Utrecht-Rotterdam. 136 r. (Nederlandse Geografisch Studies; 198).

От первого лица.**Из выступлений участников Красноярского экономического форума 2018 г.**

Михаил Дмитриев, президент, «Новый экономический рост»:

– Когда мы посчитали прогнозируемую валовую добавленную стоимость по территориям и оценили возможности ее роста до 2035 г., у нас получилась очень интересная картина. В целом территории, которые могут быстро развиваться в Западной и Восточной Сибири, дают около 10,5% всего потенциально-го экономического роста РФ. Это больше, чем следовало бы из расчета среднего душевого уровня выпуска, и говорит о высоком потенциале Сибири. Но только одна треть из этих 10,5% приходится на территории ресурсного освоения, а две трети – на южные сибирские города и Тюмень. Главный вклад вносят Новосибирск, Иркутск, Красноярск и города, которые могут быть интегрированы с ними. В этих городах есть производственный потенциал, есть высококвалифицированные кадры и хорошие возможности для диверсификации. Но в масштабах всей страны города в Сибири, строго говоря, не такие уж и крупные и очень плохо связаны между собой. Для того, чтобы стимулировать в них более быстрое развитие несырьевой экономики, крайне необходимо связать все эти города средствами быстрых транспортных сообщений и сделать единую конурбационную зону от Омска до Иркутска, в которую должны быть интегрированы Новосибирск, Томск, Барнаул, Красноярск, а также города Кузбасса. Если это произойдет, мы получим одно из лучших и эффективных пространств России с численностью населения свыше 10 млн человек.

Валерий Крюков, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН:

– «Енисейская Сибирь» как проект интеграции по меридиану выглядит вполне логично. Но пока эта интеграция опирается лишь на особенности реализации очень небольшого числа проектов, она не может служить надежной гарантией устойчивости всей конструкции. Нам нужно прочнее связать макрорегион с колоссальным внутренним рынком Северной, Западной и Восточной

Сибири. Только нефтегазовый сектор на северных широтах обеспечивает ежегодный спрос на материалы, оборудование, программное обеспечение и т.д. на несколько десятков миллиардов долларов. К сожалению, обеспечивается этот спрос главным образом поставками из северо-западных регионов России и из-за рубежа. Арктическая зона как бы отрывается, уходит в отдельное плавание от индустриального пояса южной Сибири. По Енисею, Оби, Лене грузооборот уменьшился в 6–8 раз. Основные поставки на Север идут или из-за границы, или с северо-запада страны. При реализации проектов «Роснефти» на Ванкоре доля красноярских поставщиков даже в пиковые годы не достигала 10%, а сейчас составляет в среднем 4–5%, в поставках для Норильска доля Красноярского края – примерно 12–15%. О какой экономической связанности можно говорить?

Отдельная проблема в том, что индустриальный юг Сибири пока мало что может предложить для освоения природно-ресурсного потенциала. Его основу сегодня составляют оборонные предприятия, ориентированные совсем на других потребителей. Но эти вопросы решаются при грамотном подходе к управлению. Я часто привожу в пример маленькую Норвегию. При населении 5 млн человек она производит научно-технических услуг и продукции для нефтегазового комплекса на 7 млрд долл. Для этого ей понадобилось ввести и жестко отстаивать всего три требования: локализация смежных и сервисных производств, обязательное обучение и использование местной рабочей силы и обязательное развитие местной науки.

Да, «Роснефтью» создан Институт нефти и газа в Красноярске, «РУСАЛом» созданы кафедры, но это все пока не интегрировано, не инкорпорировано в систему принятия решений и в процесс реализации проектов этих компаний. Производственной, функциональной связи между этими видами деятельности не возникло...

Мне представляется, что главный акцент при реализации проектов «Енисейской Сибири» должен быть сделан на формировании новой парадигмы, нового подхода к работе с пространством, в основе которого будет лежать не только и не столько конкурентоспособность и выход на внешние рынки, сколько формирование новой связанности территории, нового качества роста.

Владимир Островский, президент ассоциации «Сибирское межрегиональное бизнес-сообщество»:

– Ассоциацией разработана программа, в которой мы сформулировали пять прорывных направлений для макрорегиона «Енисейская Сибирь» (тезисно).

1. Синхронизация стратегий социально-экономического развития каждого региона в единой системе планирования межрегиональной кооперации. Через экономические советы органов власти всех уровней до Правительства РФ, бизнес-сообщество. Алгоритмы и процедуры прописаны в федеральном законе № 172 ФЗ.

2. Ускорение развертывания технологической модернизации межрегиональной экономики. Опережающий рост – по приоритетным высокотехнологичным отраслям био-, нанотехнологий, информационно-коммуникационных технологий и др.

3. Технологическое давление. Речь идет о развитии тех отраслей, где мы близки к передовому научно-технологическому уровню, и для развития потенциала не хватает только долгосрочных инвестиций. Например, одно из направлений – полярная авиация, которая на сегодня практически уничтожена. Ее необходимо восстановить хотя бы до уровня 1998 г., иначе мы не можем говорить о возрождении Севера.

4. Приращение добавленной стоимости продукции ресурсодобывающих отраслей. Переработка должна быть внутри страны. Государство должно помочь с продвижением продуктов высоких переделов на мировые рынки.

5. Диверсификация, кумулятивный эффект импортозамещения выпадающих доходов. Если «Роснефть» попала под санкции западных стран, и ей ограничили доступ к новым технологиям, значит, нужно выводить на этот рынок малые компании – как существующие, так и совсем новые. Чем больше игроков, тем выше устойчивость.

И, по нашему мнению, нужно активнее привлекать бизнес и к разработке, и к реализации всех стратегий развития.

Наше будущее – сетевые структуры

В.А. КРЮКОВ, член-корреспондент РАН, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН в июне 2018 г. отмечает 60-летие. В своем интервью директор института В. А. Крюков рассуждает о судьбе тех научных школ, которые составили славу института в советские годы, размышляет о месте института в современной экономической науке, формулирует свое отношение к конкуренции и коллаборации с российскими и зарубежными научными организациями, рассказывает о наиболее перспективных современных разработках института.

Ключевые слова: ИЭОПП, наука, научная школа, сетевые исследования

– Валерий Анатольевич, 60-летний юбилей института – хороший повод поговорить о векторе изменений тех подходов к исследованиям, которые отличали ИЭОПП со времен создания. Те научные школы, которые когда-то принесли институту славу, формировались в совершенно иной экономической, политической реальности. Как они трансформировались в наши дни?

– Институт – живой организм, который с самого начала развивался в непростой и внешней, и внутренней среде. Он был создан в составе Сибирского отделения Академии наук в соответствии с лучшими традициями академической науки (и это – не только мое мнение) и, как мне представляется, с самого начала его исследования выходили далеко за рамки экономической системы СССР того времени и были частью мировой экономической науки. Именно поэтому многие его подходы, разработки остаются актуальными независимо от внутренних и внешних потрясений.

Так, отдел социальных проблем института имеет «генетические корни» в российской аграрной экономической науке (которая в начале XX в. была одной из передовых в мире). Лидер и основатель отдела академик Татьяна Ивановна Заславская «повела» соратников дальше – от изучения проблем неравенства в оплате труда сельских жителей к исследованию неравенства в «обществе равных и свободных строителей коммунистического светлого завтра». Был сделан шаг от, казалось бы, узких экономических и социальных вопросов сельского хозяйства к исследованию проблем развития общества в целом. В результате сформировалась

сибирская школа экономической социологии. Школа возникла как логическое и творческое развитие идей целой плеяды выдающихся отечественных ученых – А.В. Чайнова, В.Г. Венжера, А.В. Саниной и многих других.

Аналогичный путь был характерен и для школы региональных исследований, которые тоже составляют визитную карточку института благодаря трудам Александра Григорьевича Гранберга (он был директором ИЭОПП СО РАН в 1985–1991 гг.), Марка Константиновича Бандмана (он возглавлял отдел оптимизации территориальных систем в 1976–1989 гг.), Роберта Исаковича Шнипера, Бориса Павловича Орлова и их учеников. И я не могу сказать, что их работы или подходы в чем-то устарели. Да, сейчас много говорится о кластерах, в которых взаимосвязи и взаимодействия хозяйствующих субъектов формируются под влиянием «невидимой руки» – рыночных сил. Однако никто не отменял ни значения, ни роли государства в освоении и развитии пространства. Дирижистское, государственное начало в большей или меньшей степени характерно для всех стран Европы и Азии (в меньшей мере – для США), не говоря уже о дореволюционной России, где основным катализатором и двигателем процессов продвижения, например, на Восток была государственная политика (как тут не вспомнить о сооружении Великой Сибирской железной дороги). Не случайно «родоначальник» учения о ТПК М.К. Бандман в советской региональной экономической науке был также и одним из наиболее активных участников международного сотрудничества, членом ряда международных научных организаций ученых-регионалистов.

Соединение глубокого знания особенностей пространственной организации экономики (наиболее существенных ее составляющих – транспорта (Б.П. Орлов), финансов и управления (Р.И. Шнипер), организации производственных связей (М.К. Бандман)) с методами количественного анализа и прогнозирования (А.Г. Гранберг с плеядой учеников) привели к новому качеству понимания роли и места пространства в решении проблем социально-экономического развития и страны и, в особенности, ее восточных регионов. Сейчас много говорится о повороте на Восток – для наших коллег это было очевидно много лет назад.

Еще одна научная школа, созданная в ИЭОПП Абелом Гезевичем Аганбегяном, – школа системного изучения и анализа моделирования отраслевых рынков (в современной терминологии). Данное

направление выросло из возможностей применения современных математических методов к решению проблем отдельных секторов экономики и отдельных хозяйственных структур. В основе лежали также идеи выдающегося советского экономиста-математика Л. В. Канторовича – лауреата Нобелевской премии по экономике 1975 г. «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов» (совместно с американским коллегой Т. Купмансом). В рамках данного направления были найдены решения целого ряда важнейших народнохозяйственных и отраслевых проблем.

Увы, применение современных научных подходов к поиску оптимальных решений в тех или иных секторах экономики также со всей очевидностью показало, что наличие наилучшего априорного решения той или иной проблемы не гарантирует подобный результат апостериори (на практике). Велика роль стимулов, условий и всего того, что сейчас называется «транзакционным сектором экономики». Невозможно получить оптимальный план или производственную программу, устойчивую в течение сколь-нибудь реального промежутка экономического времени (т.е. периода функционирования созданных основных активов). Экономика – это динамичная и подвижная система отношений и связей, которые возникают в каждый момент времени.

Я как исследователь занимаюсь изучением проблем формирования и эволюции институциональных систем в сфере освоения и использования природных ресурсов. Думаю, что подобное направление с подобным содержанием могло возникнуть только в ИЭОПП СО РАН по той причине, что в той или иной степени оно основано на работах и на влиянии всех отмеченных выше научных школ и выдающихся предшественников.

Исследования института, несмотря на социально-экономическую направленность, никогда не были идеологически или политически ангажированными. Возможно, повышенное внимание уделялось месту государства в экономических процессах, но мне представляется, что и сейчас эта роль очень велика. В частности, никто, кроме государства, не может осуществить серьезные инвестиции для крупных инфраструктурных проектов (заметим, что М. К. Бандман высоко оценивал комплексную программу развития долины реки Теннесси в США, всецело основанную на ведущей роли государства и методах кейнсианского стимулирования экономического развития). Наша страна уже почти 30 лет строит

рыночную экономику, но события последних лет показывают, что до сих пор отсутствует среда, в которой она может развиваться. Беда в том, что мы ушли от прямого всеохватывающего присутствия государства, но к методам, представляющим гибкий симбиоз его участия и тех возможностей, которые дают свобода выбора и готовность к принятию предпринимательского риска, так по-настоящему еще и не подошли (несмотря на повышенное внимание, например, к различным формам ГЧП).

Таким образом, на мой взгляд, институт всегда был частью мировой науки (конечно, с определенным акцентом на доминирующей роли государства в освоении и развитии пространства). Но его подходы, объекты и направления исследований в целом были всегда адекватны трендам современной экономической науки.

– *Какие изменения произошли с тех пор во внешней и внутренней среде? Как поддерживаются и развиваются обозначенные направления исследований? Стала ли другой организационная структура института?*

– Сейчас меняется само представление о месте и роли научных организаций. Если раньше институт был самостоятельным учреждением со штатной численностью около 800 человек, с отделами, изучающими основные отрасли и секторы сибирской экономики, и довольно большими (по 30–50 человек в каждом) подразделениями в Тюмени, Красноярске, Кемерово, Барнауле и других городах, то сейчас в нем около 300 работников, и только половина из них – научные сотрудники. Я считаю, что это мировая тенденция – от самостоятельных организаций, ведущих полностью весь цикл исследований, наука постепенно переходит к сетевым структурам, предполагающим взаимодействие с коллегами, коллаборацию, сотрудничество, кооперацию, включение в разные альянсы. Институт становится коллективом, где сосредоточены ведущие эксперты, которые способны сотрудничать и кооперироваться с коллегами по всему миру, имеют опыт и признание, их приглашают в соответствующие организации и проекты.

Видоизменились и взаимоотношения с внешними структурами. Раньше научные институты выполняли масштабные работы и задания, связанные, например, с комплексной программой научно-технического прогресса. Сейчас, после почти 30-летних поисков, происходит возврат к той же схеме – вновь на государственном уровне разрабатывается прогноз научно-технологического

развития, в рамках направлений которого определяется роль разных организаций, в частности РАН. Но теперь эта роль не всеобъемлющая – место института определяется его компетенциями, навыками и умениями, необходимыми для участия в проекте. И если недостаточно своих специалистов, надо уметь интегрироваться, особенно в рамках междисциплинарных исследований.

– Ощущаете ли вы спрос на фундаментальные экономические исследования? Или конъюнктурные задачи его в значительной мере подавили? Как академическому институту удастся играть одновременно на этих двух досках?

– На мой взгляд, спрос на перспективные работы довольно большой. Они необходимы обществу, государству и бизнесу. Есть желание знать и понимать, что происходит и какие это открывает (или закрывает) возможности. Другое дело, что удовлетворение подобного спроса должно базироваться на многолетних исследованиях, ведь знание и понимание особенностей протекания социально-экономических процессов формируются десятилетиями. И вот здесь у нас возникают определенные противоречия. Грантовая система, ориентированная на краткосрочные работы, по сути, вступает в конфликт с требованиями фундаментального подхода. Но без фундаментальных заделов рано или поздно вы не сможете качественно выполнять эти гранты. В какой-то мере выручают комплексные программы РАН, в рамках которых финансируются переходящие из года в год темы государственного задания, что позволяет накапливать и приумножать знания. Пока эта система не отлажена и не так хорошо структурирована, как это было даже в советские годы, но мне кажется, магистральный путь где-то здесь – вычленение ядра ключевых фундаментальных направлений, которыми длительное время занимается институт, и на его основе – выполнение работ, связанных с потребностями экономики (преимущественно на так называемой внебюджетной основе).

Одна из главных проблем, возникающих при этом, – не потерять преемственность. Пока ситуация в институте более-менее удовлетворительная. Средний возраст сотрудников – около 50 лет. Но чтобы сделать систему более устойчивой, необходимо, чтобы ежегодно пять-семь, а лучше – десять молодых сотрудников приходили и закреплялись в институте. Вопрос в том, как создать мотивацию, сформировать у них видение своей траектории и жизни в науке? Раньше этапы научной карьеры были понятны

на долгие годы. Сейчас такой уверенности на годы вперед у молодых коллег, как правило, нет. При этом у выпускников появились другие возможности: после бакалавриата или магистратуры можно поехать в Москву, из Москвы – по всему белу свету. Приходится конкурировать в борьбе за талантливых, ищущих, амбициозных.

В нашей стране, к сожалению, сейчас остра проблема «потерянного поколения», не накопившего достаточный социальный опыт. Что греха таить – иждивенчество имеет место и в академической среде. Часто приходится слышать: дайте денег, дайте зарплату. При этом многие не понимают, что нигде в мире, даже в развитых странах, наука не является тихой обеспеченной гаванью.

Думаю, не за горами тот день, когда мы будем рекрутировать научных сотрудников не только из НГУ, но и из других городов, и даже стран мира. Например, около года назад некий молодой человек из Индии написал о своем желании заниматься в нашем институте ресурсной экономикой. Его не пугает наш климат, ему интересна тематика. К сожалению, пока мы не готовы предложить иностранцам достойные условия для жизни и связанные с этим социальные гарантии, но пригласить на короткий период сложившихся исследователей вполне реально, особенно, если кооперироваться с НГУ, у которого есть мегагранты, позволяющие пригласить на три года человека на приемлемых условиях.

– В какой конкурентной среде действует институт? Крупные проекты, требующие государственного финансирования, выполняют столичные исследовательские структуры, часто имеющие лоббистские возможности, а для более мелких проектов, например, по стратегическому планированию, которым сейчас обязали заниматься даже муниципальные образования, чаще обращаются в небольшие организации, которых развелось очень много. Каково место сибирского научного института на рынке коммерческих исследований?

– Да, нам очень сложно работать как, например, «на рынке» разработки региональных стратегий, так и оказания консалтинговых услуг по сопровождению текущих бизнес-процессов в компаниях различного уровня и размера. Среди причин – не только и не столько инерция академического учреждения, сколько кардинальное изменение профессиональной среды «благодаря» тому во многом, что в 1990–2000-е гг. в ту и другую сферы пришли новые «игроки». В первом случае стал важен

не столько (и не только) уровень глубины и обоснованности предложений стратегического характера, сколько умения и навыки «по продвижению» данных выводов «в жизнь» – прежде всего, в форме распоряжений и решений органов власти. Во втором случае конкуренцию составляет значительная «прослойка» «новоиспеченных ученых». Снижение требований многих ученых советов к соискателям степеней привело к тому, что появилось множество поверхностных, далеких от исследовательской деятельности «специалистов», научившихся говорить наукообразным языком, за которым мало что стоит.

Видимо, со временем нам придется, как это делается во всем мире, после научной степени через запятую указывать, каким научным советом эта степень присуждена. В США можно получить степень PhD за полгода, а в Гарварде для этого потребуется от пяти до семи лет. Но диплом Гарварда – это один статус и совсем другая оплата, диплом же третьего разряда университета (совета) не обеспечивает ни статуса, ни приемлемой оплаты.

Не менее важная для нас проблема в том, что центры выработки и принятия решений в большинстве сколь-нибудь значимых бизнес-структур, работающих на территории Сибири, находятся далеко за ее пределами. Вот и приходится иногда слушать «лекции» заезжих бизнес-коучей (тренеров), залетающих к нам на «хвосте» программ переподготовки кадров управления, которые проводятся в Москве или (в значительно меньшей степени) в Санкт-Петербурге.

Но я считаю, что создание муниципальных и региональных стратегий – это вообще не уровень академического института. Сегодня это очень сильно зарегламентированная законодательством, шаблонная, нетворческая работа. Научная организация может в ней участвовать лишь по трем соображениям – для обучения молодежи, получения дополнительных (но никак не основных!) внебюджетных доходов и актуализации контактов с органами управления на местах.

Совсем другое дело – поисковые работы стратегического характера, которые создаются не по регламентам. Это достойное приложение сил и интересный опыт, и за такие заказы действительно стоит бороться. Так, в конце 2017 г. наш институт подготовил для Правительства РФ, РАН и ФАНО отзыв на проект Стратегии пространственного развития России. Через несколько

месяцев меня пригласили на встречу с вице-премьером Д. Н. Козаком, курировавшим в Правительстве предыдущего созыва проблемы регионального развития, для обсуждения принципиальных вопросов и предложили войти в соответствующую правительственную комиссию.

Проблема не столько в конкуренции, сколько в умении вступать в продуктивные альянсы с другими организациями. Сейчас мы пытаемся переформатировать отношения с московскими, петербургскими коллегами, занимаемся подготовкой соглашения Сибирского отделения РАН с Республикой Татарстан.

Эффективные контакты с внешней средой предполагают проактивную позицию: писать хорошие научные статьи и отчеты необходимо, но надо найти баланс научных исследований с их практическим применением. Помню, в студенческие времена на популярнейших в НГУ «экономических средах» горячо обсуждался вечный для науки вопрос – должен ли ученый быть организатором? Сегодня, мне кажется, ответ очевиден, и вопрос нужно переформулировать: как создать в институте среду, которая бы стимулировала и поощряла не только приумножение научных знаний, развитие исследований, но и способность быть на острие возникающих проблем?

– Расскажите о наиболее интересных, с вашей точки зрения, проектах, направлениях исследований, которые ведет институт сегодня. Какие из них считаете наиболее перспективными?

– Основное направление исследований – роль и место пространственных факторов и условий в социально-экономическом развитии России и, в особенности, ее восточных районов. Институт занимает уникальное положение – и в центре огромной страны, и в научном экономическом сообществе. Ему просто «на роду написано» заниматься пространственными аспектами макроэкономического развития России. Здесь мы в огромном долгу и перед страной, и перед обществом. В настоящее время в «официальной экономической науке» (об этом мы не раз писали на страницах «ЭКО») приобрели популярность идеи новой урбанистики, новой экономической географии, сформулированные нашими зарубежными коллегами применительно к совершенно другим условиям.

С этим направлением исследований связано изучение таких проблем, как связанность пространства (в экономическом, финансовом, социальном измерениях). Каковы современные

особенности взаимодействия, например, сырьевых территорий Севера и Востока с обрабатывающими и обеспечивающими территориями Юга и Запада страны? Как развивается трансграничное взаимодействие территорий востока страны с Китаем и странами Юго-Восточной Азии (новое для нас направление). Или такое преломление темы: «анализ экономических взаимодействий федеральных округов РФ, проведенный в 2016 году с помощью модифицированной многорегиональной межотраслевой модели, показал существенную неоднородность российского экономического пространства. Основными регионами-донорами, потребление общественного продукта в которых заметно меньше их производства, являются Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа. При этом Центральный федеральный округ – ярко выраженный реципиент» (руководитель В. И. Суслов).

В русле исследования проблем пространственного развития изучаются и проблемы развития Арктической зоны РФ. Так, на обширном статистическом, историческом, а также межстрановом материале было показано, что ее значение и роль для экономики страны тем больше и тем весомей, чем теснее процесс реализации проектов связан с развитием, прежде всего, промышленных и научно-образовательных центров, расположенных в южной зоне востока России. В частности, с использованием разработанного подхода институтом в 2017 г. выполнена большая исследовательская работа по Якутии (совместно с коллегами из Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск). Для обоснования главных выводов и рекомендаций были применены методы когнитивного анализа.

Важная особенность отмеченных выше работ состоит в том, что они «доведены» до уровня рекомендаций и предложений практического характера. Этому во многом способствует, например, то, что под эгидой аппаратов полномочных представителей Президента РФ в Сибирском и Уральском федеральных округах создана соответствующая рабочая группа – по продвижению работ, товаров, услуг предприятий и организаций данных территорий при реализации проектов в Арктике.

Чрезвычайно интересным и многообещающим направлением исследований является изучение влияния новых технологий на изменение характера и направлений взаимодействия экономических

субъектов. К сожалению, в процессе реформирования отечественной экономики не был принят во внимание тот факт, что созданные и реализованные технические и технологические решения были ориентированы на координацию исключительно в рамках системы жесткой вертикальной иерархии не только принятия, но и реализации экономических решений. Как следствие, – страна получила наблюдаемый опережающий рост издержек и доминирование монополий в жизненно важных секторах экономики.

Тем не менее, «вследствие развития новых технологий, формы взаимодействия и взаимопроникновения, например, угольной и энергетической отраслей претерпели существенную трансформацию – от простой цепочки поставок товаров до интегрированных комплексов и кластеров... Большинство экономических задач, связанных с прогнозом развития и размещения объектов отраслевого комплекса, подчиняются иерархическому моделированию и взаимодействуют с тремя уровнями принятия решений (макро-, мезо- и микроуровни), при этом существующие оптимизационные модели “странового” или макрорегионального уровня не позволяют в полной мере учесть региональные особенности и оценить влияние небольших отраслевых проектов» (руководители Н. И. Суслов и В. Н. Чурашев).

К числу, несомненно, важных выполненных институтом работ также следует отнести разработку научных основ системы решений и мероприятий стратегического развития – как территорий – субъектов Федерации, так и отдельных территориальных образований (в статусе как агломераций, так и отдельных городов) (руководители В. В. Кулешов и В. Е. Селиверстов).

– *Вы много общаетесь с руководителями зарубежных институтов, аналогичных нашему. ИЭОПП как академическая организация движется в едином тренде со всем миром или у него свое место, свой путь?*

– У нас свое место, хотя бы потому, что существующие универсальные системы общенаучных, общетеоретических взглядов на пространственную тематику, на развитие экономики в каждом регионе мира формируются с учетом особенностей конкретной территории. В 2017 г. у меня был ряд встреч с зарубежными коллегами. Могу сказать, что на конференции на Юконе (в рамках обсуждения опыта Канады по случаю 150-летия ее государственности) на повестке дня были очень схожие с нашими проблемы – удаленность,

доминирование сырьевых корпораций, «ножницы цен», нарастание проблем охраны окружающей среды, экономические права и полномочия муниципалитетов и интересы коренного населения. То есть проблемы примерно те же. Но при этом специфика в значительной степени своя. То же самое – при посещении провинции Финнмарк в Норвегии, северных районов Скандинавии, Республики Корея, провинций Китая. То, что и как мы делаем, какой инструментарий используем, в целом соответствует современным представлениям о месте и роли экономической науки.

У нас, повторю, очень выигрышная позиция, мы просто обязаны стать центром большой сетевой структуры на востоке страны. Территория востока страны – это уникальный полигон для того, чтобы убедительно и содержательно представлять разрабатываемые нами подходы и идеи. Именно в этом качестве нас видят и зарубежные коллеги. Наше будущее как научной организации связано с тем, что Сибирь важна не только для России, это значительная часть и Азии, и мира в целом, и это определяет спрос на те проблемы, которыми мы занимаемся. Но представление этих проблем и их адекватная оценка в существенной степени зависят от наших собственных усилий. Непродуктивно и недальновидно искать проблемы и сложности в нашей экономике исключительно вовне.

За последние 30 лет стало особенно ясно, что многие интеллектуальные заделы – прежде всего, основанные или на прежнем понимании движущих сил социально-экономических процессов или на копировании чужого опыта, по большому счету исчерпаны. Это касается и науки, и практики, и именно это предопределяет спрос на будущее. А в этих условиях перспективы у института, на мой взгляд, очень неплохие.

Summary

Kryukov V.A., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Networks are Our Future

Institute of Economics and industrial Engineering SB RAS celebrates its 60th anniversary this year. Director of IEIE Prof. Dr. Valery A. Kryukov during his interview talks about the fate of scientific schools that have contributed to institute's fame around the world in the Soviet period, reflects on IEIE's place in the history of modern economic science, formulates his position with regard to competition and collaboration with national and foreign scientific organizations, tells about the most promising modern developments of the institute.

IEEP; science; scientific school; network research

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102

Адаптация населения к «новой экономической реальности»¹

Е.М. АВРААМОВА, доктор экономических наук.

E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Д.М. ЛОГИНОВ, кандидат экономических наук. Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва.

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Статья посвящена анализу адаптационного поведения населения, складывающегося в период 2015–2017 гг., получивший название «новой реальности». Исследованы представления населения о перспективах экономического развития; уровень развития ресурсов, которые могут быть использованы при формировании адаптационных стратегий; собственно адаптационные стратегии и результаты их реализации.

Информационной базой послужило мониторинговое исследование «Социальное самочувствие населения», проводимое ИНСАП РАНХиГС в виде восьми волн репрезентативных опросов населения ежегодно с выборкой 1600 респондентов в каждой волне.

Показано, что население воспринимает сложившуюся экономическую ситуацию без алармизма, но не видит и перспектив ее улучшения. Для большинства адаптация выражается не в активных действиях по восстановлению или улучшению собственного материального статуса, а в привыкании к новым условиям за счет снижения стандартов потребления.

Высоким ресурсным потенциалом, позволяющим выстраивать разнообразные адаптационные стратегии, обладает лишь пятая часть населения; у вдвое большей его части ресурсный потенциал низок.

Для представителей группы с низким ресурсным потенциалом основной стратегией адаптации стало, помимо сокращения расходов, использование личного подсобного хозяйства. Активные формы адаптации, связанные с реализацией различных ресурсов, характеризуют поведение трети населения.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация, модели поведения, социальные ресурсы, ресурсный потенциал, человеческий капитал

Постановка проблемы

Изменение макроэкономических параметров социально-экономического развития, из которых важным, с точки зрения формирования новых стратегий поведения, стало отсутствие выраженного роста доходов, вновь ставит в центр внимания проблему адаптации различных слоев и групп населения к новым условиям.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18–010–01124.

Теоретико-прикладные исследования социально-экономической адаптации активно велись в период транзита от советской к постсоветской системе [Гордон, 1994; Заславская, 1995; Тихонова, 1997; Авраимова, Логинов, 2002], когда были разработаны подходы к исследованию, описаны и количественно оценены основные показатели адаптационного поведения. В начале 2000-х годов, когда российская социально-экономическая система обрела устойчивость и сложились эффективные паттерны трудового и социального поведения, исследования в области адаптации прекратились как утратившие актуальность. Однако ситуация рецессии, из которой только начинает выходить национальная экономика, существенно меняет качество социально-экономической системы, что вынуждает население вновь прикладывать усилия по адаптации к новым условиям. Новейшие исследования адаптационного поведения лишь начинаются.

Притом, что понятие адаптации может иметь различные интерпретации, вплоть до регулярных эволюционных изменений поведения в соответствии с задачами, стоящими на каждом этапе жизненного цикла, в соответствии с целями исследования **социально-экономическую адаптацию мы будем понимать как формирование моделей поведения, отвечающих внешним вызовам.** Представляется, что надежной теоретической основой исследования адаптационного поведения в такой интерпретации может стать теория рационального выбора [Berk, 1980; Becker, 1981; Berk, Berk, 1983; Coleman, 1986; England, Farkas, 1986; Marriage., 1974 и др.], в соответствии с которой индивиды преследуют цель максимизации своего благосостояния в условиях существующих структурных ограничений. Социологический подход, в отличие от чисто экономического, в рамках которого математически рассчитывается функция полезности произведенного действия, больше уделяет внимания эмпирическому анализу данных на основе исходных предположений о рациональном выборе, совершаемом акторами. Возможности подобного рационального выбора особенно расширяются в периоды резких социально-экономических и политических переходов, когда прежние модели социально-экономического поведения теряют свою эффективность. В такие периоды индивиды и домохозяйства стремятся действовать рационально, то есть, по формулировке Т. Пиирайнена [Piirainen, 1997], получить

доступ к максимальному количеству жизненных шансов при одновременной минимизации затрат и риска.

Теория рационального выбора удачно дополняется ресурсным подходом [Авраамова, Малева, 2014; Тихонова, Каравай, 2016] к исследованию моделей поведения, поскольку, с одной стороны, в центр внимания помещаются разнообразие и степень развитости монетарных и немонетарных ресурсов, которые могут быть использованы при формировании адаптационных практик, с другой – рассматривается вопрос о востребованности тех или иных ресурсов внешней средой. В этом смысле формы адаптации зависят от количества и качества ресурсов, которыми располагают акторы.

Использование теории рационального выбора представляется целесообразным при условии включения понятия ограниченной рациональности, введенного Г. Саймоном [Simon, 1971], что предполагает возможность неполноты или нерелевантности информации, на основании которой акторы принимают решения о формировании адаптационных стратегий и использовании для их реализации тех или иных ресурсов, которые они считают наиболее подходящими. Гипотеза о полной рациональности поведения, по мнению Г. Саймона, не подтверждается эмпирическими данными, так как на практике субъекты, принимающие решения, не только оказываются неспособны оценить вероятность наступления событий в будущем, но и редко предпринимают такие попытки. Обычно прогнозы осуществляются в форме каких-либо эвристик здравого смысла на основе аналогий с прошлыми событиями. Хотя акторы и пытаются следовать принципу рациональности, однако, встречаясь с ограничениями (недостаток полной информации об условиях среды, когнитивные способности, факторы избирательного характера восприятия: привычки, стереотипы и т.п.), они довольствуются «удовлетворительным» вариантом, который может отличаться от оптимального.

Г. Саймон полагает, что рассмотрение принятия решения как процесса логического рассуждения является не более чем полезной метафорой. Тем не менее положение о максимизации полезности как движущем стремлении экономического агента, осуществляющего рациональный выбор, важно сохранить в качестве исходной предпосылки нашего исследования. Его целью являлся анализ адаптационного поведения населения, складывающегося в период

2015–2017 гг., который получил название «новой реальности». Для этого были изучены:

- представления о характере, направлениях и перспективах экономического развития, сформированные населением с учетом ограниченной рациональности и выступающие как условия формирования адаптационных стратегий;
- уровень развития ресурсов, которые могут быть использованы населением при формировании адаптационных стратегий; при этом мы предлагаем дифференцированное рассмотрение стратегий адаптации – к «активным» отнесены те, которые предполагают действия в финансовой сфере, на рынке труда, а также в отношении воспроизводства человеческого потенциала (образование и здоровье), а к «пассивной» – расширение использования личного подсобного хозяйства;
- собственно адаптационные стратегии, реализованные в обозначенный период, и результаты их реализации.

Информационной базой послужило мониторинговое исследование «Социальное самочувствие населения», проводимое Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в виде восьми волн репрезентативных опросов населения ежегодно с выборкой 1600 респондентов в каждой волне².

Представления населения о направлениях и перспективах экономического развития

За трехлетний период (наблюдение велось с начала 2015 г.) острота восприятия экономического положения в стране заметно сгладилась. Стало преобладать представление о том, что ситуация стабилизировалась, и уже не следует ждать никаких потрясений. Такого мнения к концу 2017 г. стало придерживаться около половины населения. Отметим, что большинство населения стало разделять его не сразу, а пройдя через период крайнего беспокойства начала 2015 г. и преобладания негативных оценок ситуации первой половины 2016 г. (рис. 1).

² Опросы проводятся по репрезентативной выборке городского и сельского населения России. В число респондентов включены россияне в возрасте 18 лет и старше. Общий объем выборки распределен между стратами, сформированными по восьми федеральным округам и шести типам поселений внутри них, пропорционально численности взрослого населения. Статистическая погрешность данных при использованном дизайне выборки не превышает 3,4%.

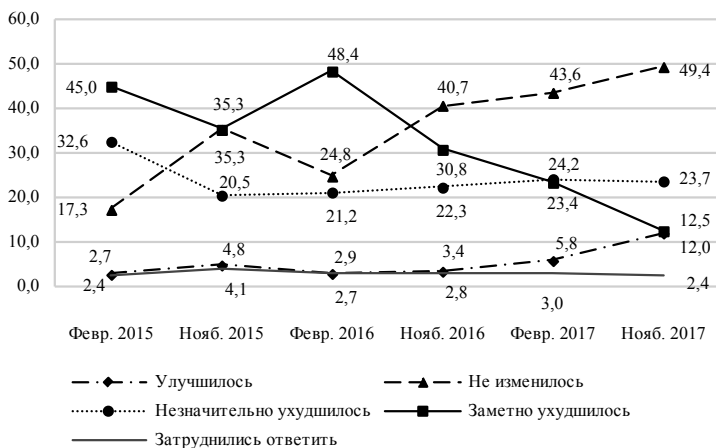

Рис. 1. Оценка изменений экономического положения страны в 2015–2017 гг.,%

В период наблюдений постоянно сокращалась, начиная со второй половины 2016 г., численность тех, кто видел значительное ухудшение ситуации, и росла доля наблюдающих признаки стабилизации. До этого соответствующая численность колебалась вокруг максимальных значений с достижением исторических максимумов в 2016 г. Между тем улучшение экономического положения пока заметно немногим, хотя в конце 2017 г. соответствующая доля населения достигла 10%.

Изменение оценок перспектив развития экономического положения не столь однозначно. Несмотря на преобладающее мнение о том, что не следует ждать особых перемен ни в какую сторону, около трети населения в конце 2017 г. полагали, что ухудшения возможны в течение одного-двух лет или дольше. В то же время численность населения, ожидающего улучшений ситуации, за 2017 г. выросла незначительно и в конце года составила 17%. По-прежнему остается высокой неопределенность в оценке перспектив – доля затруднившихся дать оценку будущего развития составляет около 15% (рис. 2).

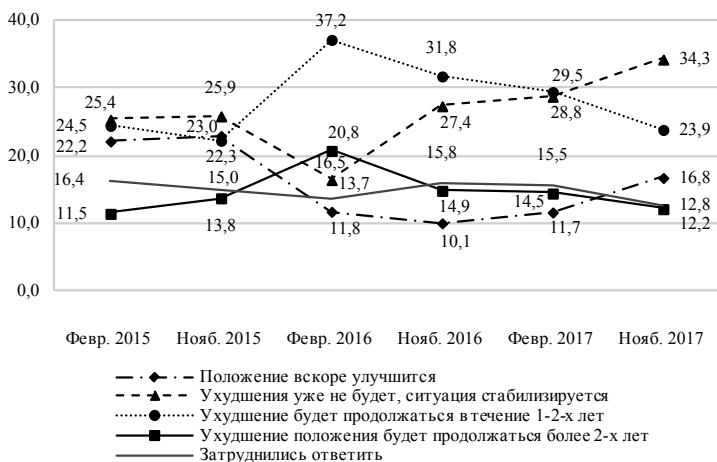

Рис. 2. Оценка перспектив развития экономики страны в 2015–2017 гг.,%

В целом данные конца 2017 г. позволяют выделить две большие группы населения: преобладают оптимисты, считающие, что кризис преодолен, а в меньшей – пессимисты, полагающие, что он продолжается. Представители этих групп заметно различаются по возрасту: чем моложе респонденты, тем более позитивные оценки они дают перспективам развития экономической ситуации (табл. 1). Другие социально-экономические факторы, такие как уровень образования или тип поселения, где проживают респонденты, не оказывают столь заметного влияния на характер представлений о перспективах экономического развития.

Таблица 1. Оценка перспектив развития экономики страны, по возрастным группам, октябрь 2017 г., % от давших значимый ответ, по строке

Возраст	Положение улучшится / Ситуация стабилизировалась	Ухудшение ситуации будет продолжаться
До 35 лет	72,6	27,4
35–60 лет	60,4	39,6
Старше 60 лет	55,4	44,6
В целом	62,8	37,2

Менее всего за период наблюдений изменились оценки того, как негативные явления в экономике затронули каждого челове-

ка. К числу позитивных изменений социального самочувствия можно отнести то, что выросла на 2% за год и вдвое по сравнению с началом 2015 г. численность тех, кого кризис никак не затронул (на конец 2017 г. доля соответствующих ответов составляет 12,8%). Одновременно снизилась доля относящих себя к пострадавшим от негативной макроэкономической динамики. При этом, несмотря на позитивный характер динамики показателя вовлеченности россиян в кризисную ситуацию, доля тех, кто считает себя в разной степени пострадавшим, остается высокой – на уровне двух третей населения.

За время наблюдения существенно снизились риски потери работы, сокращения размера зарплаты и/или задержек ее выплаты, перехода на неполную рабочую неделю, вынужденного ухода в неоплаченный отпуск. Анализ агрегирования соответствующих рисков показал, что численность занятого населения, находящегося в зоне высоких рисков, постоянно сокращалась и к концу 2017 г. не выходила за пределы 20%, в то время как к концу 2016 г. составляла 24,7%, а к соответствующему периоду 2015 г. – 27,6%.

Таким образом, динамика оценок перспектив экономического развития за весь период наблюдений движется в сторону умеренности, предполагающей стабилизацию экономической ситуации без особых признаков ее позитивного развития, но при высокой степени неопределенности.

Адаптационный потенциал населения

Представление результатов исследования адаптационного поведения предварим оценкой адаптационного потенциала, складывающегося из совокупности ресурсов, которые могли быть задействованы при реализации соответствующих практик. В качестве монетарных и немонетарных адаптационных ресурсов рассматривались:

- текущие доходы и сбережения;
- недвижимость в виде второго жилья;
- уровень образования и профессиональный статус;
- социальный капитал.

Расчеты позволили построить четыре субшкалы, количественно характеризующие имеющиеся ресурсы. Для построения интегрального индекса были суммированы полученные пока-

затели с одинаковыми весами, так как не было причин считать ту или иную компоненту более значимой. Распределение баллов по шкале интегрального индекса адаптационного потенциала показано на рисунке 3. Среднее, медианное и модальное значения совпали и составили восемь баллов.

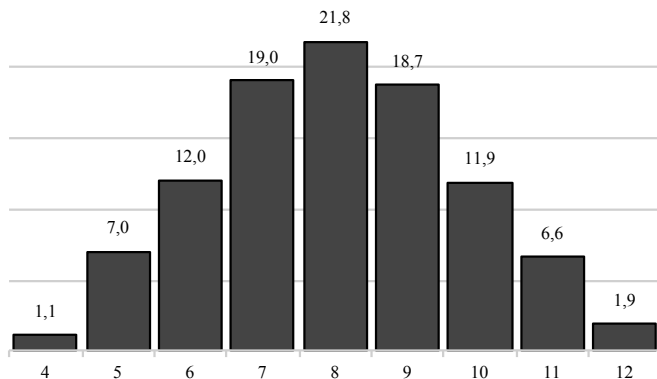

Рис. 3. Распределение баллов по шкале интегрального индекса адаптационного потенциала, 2017 г.,%

Данные, приведенные на рисунке 3, показывают, что большинство населения характеризуется балльными значениями адаптационного потенциала, приближенными к средним.

Полученная шкала была укрупнена до трех групп, при этом среднеразвитым адаптационным потенциалом мы сочли медианное значение рассчитанного распределения, а также «медианное значение + 1 балл», поскольку посчитали необходимым учесть, что условия посткризисной реальности актуализируют повышенные требования к адаптационному потенциалу:

- низкий адаптационный потенциал (4–7 баллов) – 39,2%;
- средний (8–9 баллов) – 40,4%;
- высокий (10 и более баллов) – 20,4%.

С точки зрения гендерного состава полученные группы заметно различаются: в группе с низким адаптационным потенциалом – лишь 40% мужчин, а в самой благополучной – мужчин и женщин практически поровну.

Среди населения с низким адаптационным потенциалом средний возраст составляет 49,2 года (медианный – 50 лет), в группе со средним потенциалом – 45,3 (медианный – 44 года), в группе

с высоким – 41,6 (медианный – 39 лет). Среди населения старше 60 лет свыше половины характеризуются низким адаптационным потенциалом. В то же время доля населения с высоким адаптационным потенциалом максимальна (почти треть) в возрастной когорте 36–40-летних.

Треть (33,5%) населения с низким и 26,6% россиян со средним адаптационным потенциалом проживают в сельской местности, в то время как лица с высоким адаптационным потенциалом чаще встречаются в городах-миллионниках.

Большинство (66,5%) представителей группы с высоким адаптационным потенциалом имеют высшее образование (при 27,3% среди населения в целом). При этом в группе с низким адаптационным потенциалом 45,3% получили среднее профессиональное образование, а 33,1% обучались только в школе. По мере роста уровня образования доля населения с низким адаптационным потенциалом существенно сокращается, и своеобразным «порогом» выступает среднее профессиональное образование, поскольку среди лиц с начальным профессиональным образованием и без него низкий адаптационный потенциал является нормой для подавляющего большинства. В итоге для лиц без профессионального образования закрыты многие пути для адаптации к изменениям.

Почти три четверти (73,8%) населения с высоким адаптационным потенциалом имеют работу, среди населения со средним адаптационным потенциалом таких 56,1%, с низким потенциалом – 39,4%. Половина лиц без постоянной занятости не только не имеют «запаса прочности», помогающего переждать временные трудности, но и, вследствие ограниченности квалификационных и социальных ресурсов, не могут найти работу.

Интегральный индекс показал прямую связь с тем, как фактически изменилось положение индивидов за трехлетний период. Анализ субъективных оценок прошлой динамики материального положения свидетельствует о том, что за годы кризиса у 68,4% россиян с высоким адаптационным потенциалом материальное положение, по крайней мере, не ухудшилось, в том числе 31% соответствующей группы даже отметили некоторые улучшения. При этом почти половина населения с низким адаптационным потенциалом за годы кризиса ощутили ухудшение своего мате-

риального положения, и только каждый десятый отметил хоть какое-то улучшение.

Адаптационное поведение

Первой реакцией населения на кризисные явления в экономике было сокращение расходов на товары и услуги, вплоть до отказа от потребления их части, причем в режим экономии включилось абсолютное большинство россиян, независимо от материального и социального статуса. Второй реакцией стало использование личного подсобного хозяйства (ЛПХ) – наиболее традиционной формы реакции на кризис, к которой обратились около трети населения.

Постепенно стали складываться и другие формы адаптационного поведения (табл. 2).

Таблица 2. Адаптационные действия россиян, предпринимаемые ими в течение 2015–2017 гг., % от тех, кто предпринимал какие-либо действия (допускалось несколько вариантов ответа)

Адаптационные действия	Доля населения
Стали экономить на том, на чем не экономили раньше	63,3
Пришлось тратить имевшиеся сбережения на текущие расходы	52,9
Брали кредиты, занимали деньги	52,4
Прибегли к помощи родственников, близких для поддержания материального положения	35,3
Работали сверхурочно	33,0
Начали формировать сбережения, стали откладывать на «черный день»	31,7
Искали новую работу	26,3
Была подработка или дополнительная работа	24,5
Обращались за помощью к государству	22,5
Повышали самостоятельно квалификацию	13,5
Пытались начать свое дело, организовать малый бизнес	11,0
Изменили интенсивность ЛПХ (увеличили)	9,4
Переехали или стали готовиться к переезду в другой регион или населенный пункт	7,6
Получили новую специальность	6,7
Искали дополнительную работу	6,7
Покупали недвижимость для сохранения денег или получения дохода	4,9
Начали сдавать собственность или имущество внаем (жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п.)	3,8
Начали покупать валюту, ценные бумаги, золото и т.п.	2,9
Стали готовиться к переезду за рубеж	1,5

Из приведенных данных следует, что самыми доступными способами адаптации были пассивные – экономия, наращивание долговой нагрузки, «проедание» старых запасов, использование помощи (родственников, друзей, государства и пр.). Из активных способов адаптации наиболее доступными для россиян являются связанные с увеличением нагрузки на рынке труда.

Другие активные способы адаптации предпринимали преимущественно те, кто имел для этого необходимые ресурсы, а с учетом относительно небольшой численности обладателей высокого адаптационного потенциала неудивительно, что эти способы не нашли широкого распространения.

Агрегировав различные способы адаптации, можно выделить типы адаптационного поведения, распространенные в 2017 г. Под «активной адаптацией» мы понимаем активизацию финансовых и трудовых стратегий, а также вложений в человеческий капитал (образование, здоровье). Массовый анкетный опрос не позволяет подробно рассмотреть каждый адаптационный кейс (очевидно, что некоторые случаи являются вынужденными и связаны с индивидуальными, а не институциональными проблемами), что не отменяет обоснованности выделения групп, характеризующихся активными действиями адаптационного характера (табл. 3).

Таблица 3. Адаптационное поведение, % реализующих, 2017 г. (допускалось несколько вариантов ответа)

Тип адаптационного поведения	Вид адаптационного поведения	Форма адаптационного поведения	Доля респондентов
Активная адаптация	Активизация финансовых стратегий	Формирование сбережений	21,2
		Покупка валюты	8,1
		Покупка ценных бумаг	3,7
	Активизация трудовых стратегий	Нахождение разовых приработков	15,8
		Нахождение регулярных приработков	9,8
		Нахождение второй работы	8,5
Вложения в человеческий капитал	Вложения в здоровье	24,2	
	Вложения в образование	8,9	
Пассивная адаптация	Активизация ЛПХ	Увеличение активности работы на приусадебном участке, в подсобном-хозяйстве	33,8

Хотя преобладающей оставалась пассивная стратегия, связанная с использованием ЛПХ, проявились и другие: активизация

финансовых стратегий (в одной или нескольких формах), характерная для 24,9% населения; трудовые стратегии, характеризующие поведение 24,8%; вложения в человеческий капитал (28,4%).

Обращение к различным видам адаптационных стратегий дифференцировано по образовательным и возрастным группам.

Уровень образования оказывает заметное влияние на использование финансовых стратегий: чем он выше, тем чаще используется этот вид адаптации (среди имеющих высшее образование распространённость активного финансового поведения достигает 34%). Также среди имеющих высшее образование больше тех, кто реализует трудовые адаптационные стратегии или инвестирует в развитие человеческого капитала, создающего конкурентные преимущества для его обладателей. Однако использование ЛПХ не зависит от образования – к этому виду деятельности в равной степени обращаются представители всех образовательных групп.

Различается адаптационное поведение трех укрупненных возрастных групп (табл. 4). Для молодежи в большей мере характерны вовлеченность в финансовые стратегии и вложения в человеческий капитал за счет потребления образовательных услуг; для среднего поколения – использование трудовых стратегий и ЛПХ, а для старших возрастов – ЛПХ и вложение в человеческий капитал за счет потребления медицинских услуг.

Таблица 4. Адаптационное поведение, по возрастным группам, 2017 г. (допускалось несколько вариантов), %

Возраст	Адаптационное поведение			
	финансовые стратегии	трудовые стратегии	вложения в человеческий капитал	активизация ЛПХ
До 35 лет	27,4	25,3	32,8	25,5
35–60 лет	24,8	29,9	25,5	37,3
Старше 60 лет	21,9	10,8	29,2	37,5

В целом полученные данные позволяют составить следующую классификацию:

- отсутствие адаптационного поведения – 37,0%;
- активное адаптационное поведение (одного или нескольких видов) – 29,2%;
- активное адаптационное поведение, дополненное использованием ЛПХ, – 23,0%;

• активизация ЛПХ без других видов адаптационного поведения – 10,8%.

Личные усилия адаптационного характера, как это видно из данных таблицы 5, оказывают влияние на позиционирование в период кризиса. Так, наибольшая доля тех, кто не пострадал от негативных явлений в экономике, сосредоточена среди представителей группы, демонстрирующей активное адаптационное поведение. Среди этой же группы меньше всего тех, кого кризис затронул в сильной степени. В то же время представители активных адаптантов не свободны от страхов в отношении будущего. Более того, им эти страхи свойственны в наибольшей степени, поскольку они, видимо, понимают риски, связанные с финансово-экономической деятельностью. Отсутствие же адаптационного поведения характерно для двух противоположных групп населения – для тех, кого кризис практически не затронул, и для тех, кто не имел никаких адаптационных ресурсов или имел их в минимальной степени.

Таблица 5. Влияние кризисных явлений на положение респондентов, в зависимости от их адаптационных усилий, 2017 г., % по строке

Адаптационные усилия	Затронули ли домохозяйство кризисные явления в экономике			
	не затронули и вряд ли затронут	вероятно, затронут в будущем	затронули в незначительной степени	существенно затронули
Отсутствие адаптационного поведения	9,7	14,6	49,2	26,5
Активное адаптационное поведение	18,9	21,1	43,0	17,0
Активное адаптационное поведение, дополненное развитием ЛПХ	12,7	17,7	40,9	28,7
Активизация ЛПХ без других видов адаптационного поведения	11,4	12,6	37,1	38,9

Следует также отметить, что усилия, выраженные в активных формах адаптационного поведения, существенно расширяют жизненные шансы, но не гарантируют неперменного повышения уровня жизни (табл. 6). Так, из тех, кто реализует активные адаптационные стратегии, только 18,4% рассчитывают на повышение материального статуса, а 12,4% ожидают его ухудшения.

Таблица 6. Ожидаемая динамика материальной обеспеченности, в зависимости от адаптационных усилий, 2017 г., % по строке

Адаптационные усилия	Ожидаемая динамика материальной обеспеченности			
	улучшение	стабильность	ухудшение	затруднились ответить
Отсутствие адаптационного поведения	10,9	59,5	20,5	9,1
Активное адаптационное поведение	18,4	57,4	12,4	11,8
Активное адаптационное поведение, дополненное развитием ЛПХ	17,6	55,6	14,1	12,7
Активизация ЛПХ без других видов адаптационного поведения	8,7	51,2	22,7	17,4

Выводы

В понимании большинства населения «новая экономическая реальность» – это всерьез и надолго. Лишь меньшинство россиян рассчитывают на значительные и быстрые улучшения в экономической сфере, при этом высока неопределенность в оценке перспектив развития. В этой ситуации для большинства адаптация выражается не в активных действиях по восстановлению или улучшению собственного материального статуса, а в привыкании к новым условиям за счет снижения стандартов потребления.

Отсутствие адаптационного поведения характерно для двух противоположных групп населения – для тех, кто не имел никаких адаптационных ресурсов или имел их в минимальной степени, и для тех, кого кризис практически не затронул.

Активные стратегии адаптации требуют, прежде всего, использования разнообразных ресурсов, но эти ресурсы ограничены. Высоким ресурсным потенциалом, позволяющим выстраивать разнообразные адаптационные стратегии, обладает лишь пятая часть населения, в то время как низкий ресурсный потенциал характеризует вдвое большую численность.

Для представителей группы с низким ресурсным потенциалом основной стратегией адаптации стало, помимо сокращения расходов, использование ЛПХ – архаичная форма экономического поведения, не требующая реализации человеческого капитала.

Активные формы адаптации, связанные с реализацией различных ресурсов, характеризуют поведение трети населения. Личные усилия адаптационного характера оказывают положительное влияние на позиционирование в период кризиса. Так, наибольшая доля тех, кто не пострадал от негативных явлений в экономике, сосредоточена среди представителей группы, демонстрирующей активное адаптационное поведение. Среди этой же группы меньше всего тех, кого кризис затронул в сильной степени. В то же время представители активных адаптантов не свободны от страхов в отношении будущего. Более того, им эти страхи свойственны в наибольшей степени, поскольку они, видимо, понимают риски, связанные с финансово-экономической деятельностью. К тому же усилия, выраженные в активных формах адаптационного поведения, расширяя жизненные шансы, не гарантируют непереносимого повышения уровня жизни.

В обществе, таким образом, пока не сформировались массовые конструктивные адаптационные стратегии, способные повлиять на экономический рост. Относительно низкий уровень экономической самостоятельности и самодостаточности населения усиливает его патерналистские ориентации.

Литература

- Авраамова Е. М., Логинов Д. М.* Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24–34.
- Авраамова Е. М., Малева Т. М.* О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // *Вопросы экономики*. 2014. № 7. С. 144–160.
- Гордон Л. А.* Социальная адаптация в современных условиях // *Социологические исследования*. 1994. № 8–9. С. 3–15.
- Заславская Т. И.* Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*. 1995. № 3. С. 5–21.
- Тихонова Н. Е.* Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 5–14.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В.* Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (390). С. 43–53.
- Becker G. S.* *A Treatise on the Family*. Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press. 1981.
- Berk R. A.* *The New Home Economics: An agenda for sociological research. In Women and Household Labor*, ed. Berk S. F., Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Berk S. F., Berk R. A.* Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics. *Annual Review of Sociology*. 1983. No. 9. Pp. 375–395.

Coleman J.S. Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*. 1986. No. 91 Pp.1309–1335.

England P., Farkas G. (1986) *Households, Employment, and Gender*. New York: Aldine

Marriage, Family Human Capital, and Fertility / ed. Schultz T.W. Suppl. to *J. Polit. Econ.* Chicago: Univ. Chicago Press, 1974.

Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life*. University of Helsinki, 1997.

Simon H. *Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science*. *Microeconomics: Selected Readings*, Ed. by E. Mansfield. New York, 1971.

Статья поступила 25.04.2018.

Summary

Avraamova E.M., Loginov D.M., Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration, Moscow

The Population's Adaptation to the New Economic Reality

The article is devoted to the analysis of the population's adaptation behavior appeared in the period of 2015–2017. The author studies the population's ideas about economic growth perspectives; the level of resources development; current adaptation strategies.

The informational base of the study is monitoring research "Subjective well-being", conducted annually by INSAP Ranepa in the form of 8 waves of representative surveys with a sample of 1,640 respondents. It is shown that the population perceives the current economic situation without alarmism, but does not see the prospects for its improvement. In such a situation adaptation means getting used to new conditions by reducing consumption standards for the majority of people.

Only one fifth of the population has a high resource potential, allowing to create a variety of adaptation strategies, while twice higher number of those who is characterized by the low resource potential. The main adaptation strategy for the group with low resource potential has become the use of a private subsidiary farm. Active forms of adaptation dealt with the implementation of various resources characterize the behavior of the third of the population.

Socio-economic adaptation; behavior models; social resources; resource potential; human capital

References

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) Social'no-jekonomicheskaja adaptacija: resursy i vozmozhnosti. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. No. 5. Pp. 24–34. (In Russ.)

Avraamova E.M., Maleva T.M. (2014) O prichinah vosпроизводства social'no-jekonomicheskogo neravenstva: chto pokazyvaet resursnyj podhod? *Voprosy jekonomiki [Economic Issue]*. No. 7. Pp. 144–160. (In Russ.)

Gordon L.A. (1994) Social'naja adaptacija v sovremennyh uslovijah. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Studies]*. No. 8–9. Pp. 3–15. (In Russ.)

Zaslavskaja T. I. (1995) Social'nyj mehanizm transformacii rossijskogo obshhestva. *Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*. No. 3. Pp. 5–21. (In Russ.)

Tihonova N. E. (1997) Dinamika social'noj stratifikacii v postsovetском obshhestve. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. No. 5. Pp. 5–14. (In Russ.)

Tihonova N. E., Karavaj A. V. (2016) Resursy rossijan v uslovijah krizisa: dinamika i rol' v adaptacii k novym uslovijam. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Studies]*. No. 10 (390). Pp. 43–53. (In Russ.)

Becker G. S. (1981) *A Treatise on the Family*. Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press.

Berk R. A. (1980) The New Home Economics: An agenda for sociological research. In *Women and Household Labor*, ed. Berk S. F., Beverly Hills, CA: Sage.

Berk S. F., Berk, R. A. (1983) Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics. *Annual Review of Sociology*. No. 9. Pp. 375–395.

Coleman J. S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*. No. 91. Pp. 1309–1335.

England P., Farkas G. (1986) *Households, Employment, and Gender*. New York: Aldine.

Marriage, Family Human Capital, and Fertility (1974) ed. Schultz T. W. Suppl. to *J. Polit. Econ.* Chicago: Univ. Chicago Press.

Piirainen T. (1997) *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life*. University of Helsinki.

Simon H. (1971) *Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science*. Microeconomics: Selected Readings, Ed. by E. Mansfield. New York.

Оценка эффективности политики и перспективные направления инвестиционного развития в муниципалитетах Севера и Арктики¹

Е.Е. ЕМЕЛЬЯНОВА, кандидат экономических наук, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты.
E-mail: emelya@iep.kolasc.net.ru

Статья содержит результаты анализа эффективности муниципальной инвестиционной политики Севера и Арктики. Затрагиваются вопросы бюджетной обеспеченности и инвестиционных возможностей муниципальных образований в условиях кризиса, дается оценка эффективности мер, предпринимаемых государственными и муниципальными органами власти для формирования благоприятной инвестиционной среды. В части определения перспективных направлений инвестиционного развития северных муниципалитетов сделан вывод, что рост инвестиций и активизация инвестиционной деятельности на их территории в значительной степени зависят от позиции и возможностей градообразующих предприятий. Поэтому перспективы инвестиционного развития в северных регионах связаны в первую очередь со стабильным функционированием «нефтегазовых» и монопрофильных поселений.

Ключевые слова: регионы Севера и Арктики, муниципальная политика, инвестиционный климат, органы власти, оценка эффективности, муниципальные образования, Мурманская область

Проблемам совершенствования политики по повышению инвестиционной привлекательности территорий в последнее время уделяется особое внимание на различных уровнях власти, при этом значительная роль в формировании благоприятной инвестиционной среды отводится местным органам самоуправления. Так, в 2013 г. Правительством РФ были предприняты меры по стандартизации деятельности региональных и муниципальных органов власти с целью улучшения инвестиционной среды (принят инвестиционный стандарт). Однако возможности муниципалитетов влиять на инвестиционные процессы существенно ограничены высокой дотационностью и хроническим дефицитом местных бюджетов. В муниципальных образованиях Севера и Арктики эти негативные факторы усугубляются из-за экстремальных природно-климатических условий и монопрофильной специализации экономики.

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания 0226–2018–0005_ИЭП.

Тенденции бюджетной обеспеченности и инвестиционной деятельности

В результате проведенных автором исследований [Емельянова, 2014. С. 79–83] было определено, что для северных регионов характерен высокий уровень урбанизации. А анализ показал, что согласно принятой в России классификации городов, наиболее распространенными в районах Крайнего Севера являются малые и средние города с численностью населения от 20 до 100 тыс. человек. Значительное влияние на развитие и возможности реализации инвестиционной политики оказывает тип муниципального образования, так как перечень вопросов местного значения и полномочий по их решению российским законодательством устанавливается отдельно для поселений, муниципальных районов и городских округов. Так как городские округа обладают наибольшими доходными и расходными полномочиями, развитой экономической базой для развития территории, в дальнейшем для оценки эффективности инвестиционной политики были исследованы малые и средние города с численностью населения от 20 до 100 тыс. чел., и имеющие статус городского округа (исключены административные центры субъектов РФ, так как они имеют свои особенности развития и находятся в более благоприятных условиях).

В итоге исследование проводилось по 29 городским округам, представляющим семь регионов России, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера: Республики Коми и Карелия, Архангельская, Мурманская и Сахалинская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Они были объединены в три группы:

I – моногорода, экономика которых связана с деятельностью градообразующего предприятия (девять городских округов);

II – «нефтегазовые» города, экономическая активность которых связана с добычей и переработкой углеводородного сырья (13 городских округов);

III – муниципалитеты, имеющие разнонаправленную структуру экономики (семь городских округов).

Такая классификация связана также с тем, что моногорода, как правило, более подвержены негативным кризисным явлениям, чем остальные муниципалитеты. В настоящее время все рассматриваемые моногорода Севера и Арктики либо уже находятся

в тяжелой социально-экономической ситуации, либо имеют риски ее ухудшения². Что касается городов, чья экономика связана с добычей и переработкой углеводородного сырья, считается, что они, наоборот, находятся в более благоприятном положении. Поэтому из-за новых критериев отнесения муниципальных образований (МО) к монопрофильным из перечня моногородов были исключены города с градообразующими предприятиями по добыче нефти и газа Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО, до актуализации перечня имевшие статус моногорода³.

С учетом данной специфики были определены основные направления бюджетной обеспеченности и инвестиционной деятельности для разных групп городов, которые выявили негативные тенденции в зависимости от структуры экономик муниципальных образований (рис. 1).

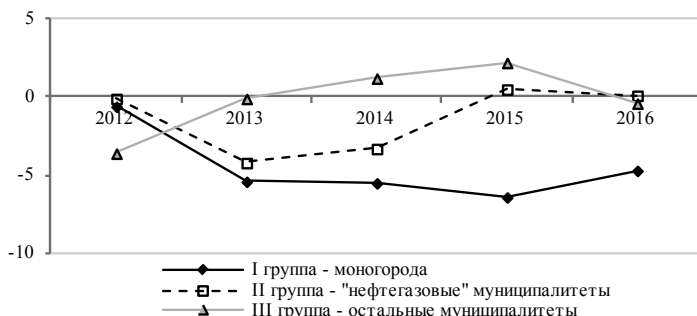

Рис. 1. Профицит (дефицит) бюджетов муниципальных образований Севера и Арктики в 2012–2016 гг., % к доходу⁴

Результаты анализа местных бюджетов за 2012–2016 гг. демонстрируют ухудшение бюджетной обеспеченности моногородов с относительно стабильным положением в муниципалитетах второй и третьей групп. Это связано, в первую очередь,

² Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) // Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р (дата обращения: 12.04.2017).

³ Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 23 декабря 2011 г. № 597 «Об актуализации перечня моногородов» (дата обращения: 12.04.2017).

⁴ База данных показателей муниципальных образований [Эл. ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.03.2017).

с неблагоприятной экономической ситуацией в стране в целом, а также падением цен на энергоресурсы и введением антироссийских санкций, что оказалось особенно чувствительным для тех городов, экономика и доходы которых тесно связаны с доходами экспортоориентированных компаний. Во всех группах муниципалитетов было отмечено увеличение объема безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов на фоне сокращения налоговых доходов.

Анализ инвестиционной деятельности северных муниципальных образований за 2012–2015 гг. также выявил негативные тенденции и значительные диспропорции между группами исследуемых городов (рис. 2). В «нефтегазовых» МО душевой объем инвестиций в основной капитал за три года снизился на 60%, в моногородах – на 7%, в «остальных» муниципалитетах – на 18,5%. При этом и «нефтегазовые», и моногорода по уровню инвестиций на душу населения (от 200 до 300 тыс. руб./чел. в 2015 г.) все равно намного превосходят городские округа III группы (47,6 тыс. руб./чел.), что объясняется в первую очередь инвестиционными возможностями градообразующих предприятий, а в случае с моногородами – еще и особенностями государственной политики, направленной на их поддержку. Разработанный Министерством экономического развития РФ «Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» включает 95 ее направлений по линиям различных ведомств⁵.

С 2014 г. реализуется новая модель господдержки развития моногородов, которая ориентирована на наиболее проблемные монопрофильные поселения. В частности, специализированная НКО «Фонд развития моногородов» (ФРМ) берет на себя до 95% финансирования инфраструктурных проектов, направленных на развитие моногородов, при условии софинансирования муниципалитетом оставшихся процентов⁶. По данной схеме

⁵ Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) от 01.04.2016 № 9154-СН/Д14и [Эл. ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415> (дата обращения: 05.05.2017).

⁶ О мониторинге социально-экономического положения моногородов [Эл. ресурс] // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/orders/22920/> (дата обращения 17.05.2017)

господдержки в 2015 г. ФРМ были отобраны восемь проектов из наиболее проблемных моногородов⁷.

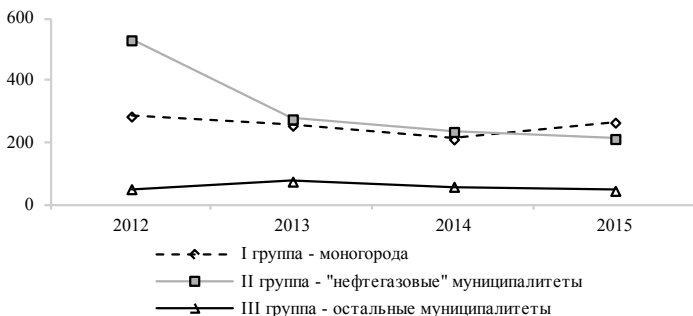

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал на душу населения в муниципальных образованиях Севера и Арктики в 2012–2015 гг., тыс. руб.⁸

Однако более широкому распространению этой схемы препятствуют бюджетные ограничения. К тому же с марта 2017 г., по рекомендации Счетной палаты РФ, ФРМ еще более ужесточил условия выделения средств на развитие моногородов – во-первых, теперь требуется наличие частных соинвесторов в проекте, а во-вторых, государственное финансирование будет выделяться только после выполнения и принятия работ на соответствующем уровне⁹.

Оценка эффективности муниципальной инвестиционной политики

Для выявления особенностей инвестиционной политики северных и арктических муниципалитетов мы изучили опыт Мурманской области, которая полностью входит в Арктическую зону РФ, а ее органы власти, по оценке независимых экспертов, ведут наиболее активную политику по улучшению инвестиционной

⁷ Моногорода: некоторые важные результаты и показатели 2015 года [Эл. ресурс] // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/info/22707/> (дата обращения: 17.05.2016).

⁸ База данных показателей муниципальных образований [Эл. ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.03.2017).

⁹ Стенограмма парламентских слушаний на тему: «Актуальные задачи развития моногородов» [Эл. ресурс.] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/aTEDPMIBciNbyFSOpjvNwS9E9TvbqITu.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).

среды среди всех регионов Севера и Арктики [Серова, Скуфьина, 2015. С. 115–120].

Региональными органами власти реализуется широкий спектр мер господдержки инвестиционной и предпринимательской активности – от снятия административных барьеров до обеспечения равного доступа к ресурсам и рынкам¹⁰. На муниципальном уровне здесь уже внедрен Стандарт 2.0 и принят необходимый пакет нормативных документов, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата. Предприятиям малого и среднего бизнеса, а также индивидуальным предпринимателям оказывается поддержка за счет оказания услуг по сопровождению бизнеса (финансовые, имущественные, консультационно-информационные, бухгалтерские, тендерные, рекламные), субсидирования и льготного кредитования.

Однако, несмотря на то, что регион и муниципалитеты активно включились в процесс стандартизации деятельности органов власти по улучшению инвестиционного климата, роста инвестиционной активности в муниципалитетах пока не наблюдается, и тому есть объективные причины.

Особенность формирования поселений в Мурманской области заключается в том, что исторически они развивались как горнодобывающие центры в местах разработки полезных ископаемых, поэтому большинство малых городов региона имеют статус монопрофильных. Крупные горнодобывающие предприятия в муниципалитетах региона являются и главными инвесторами, на их долю приходится около 97% инвестиций в основной капитал этих городов [Емельянова, Серова, 2016. С. 351–356]. Понятно, что объем этих инвестиций целиком зависит от возможностей каждого конкретного предприятия, определяемых его рыночной конкурентоспособностью и конъюнктурой цен на его продукцию.

Такое состояние дел предопределяет и большие различия в показателях уровня инвестиций как по различным категориям городов, так и внутри категории моногородов. Так, средний объем инвестиций на душу населения в моногородах Мурманской области составляет 226 тыс. руб./чел., а в Апатитах (единственное

¹⁰ Государственная поддержка инвестиционной деятельности [Эл. ресурс] // Инвестиционный портал Мурманской области. URL: http://invest.gov-murman.ru/plowadki/podderzhka_invest_deyatelnosti/ (дата обращения: 05.05.2017).

из рассматриваемых МО региона, не имеющее статуса моногорода), – всего 4,5 тыс. руб./чел., или в 50 раз меньше. Внутри категории моногородов разница показателей также может быть весьма значительной. Например, объем инвестиций в основной капитал в Кировске в два раза превышает показатели Ковдора, более чем в три раза – Мончегорска и в семь раз – Оленегорска.

Практически во всех моногородах Мурманской области отмечаются увеличение количества малых и средних предприятий, а также рост численности работников, занятых на малых предприятиях¹¹. Однако, на наш взгляд, это связано не столько с действующими региональными и муниципальными программами по улучшению предпринимательского климата, сколько с процессами, происходящими на градообразующих предприятиях (высвобождение работников, выведение ряда структурных подразделений из состава головных организаций и т.д.).

Ярким свидетельством того, что производственно-экономическая специфика «местных» предприятий оказывает гораздо большее влияние на инвестиционную среду тех или иных МО, нежели усилия местных органов власти, является пример г. Апатиты. Апатиты, не обладающие статусом моногорода, значительно отстают в инвестиционной активности от своих соседей, даже несмотря на полностью реализованные положения

¹¹ Постановление администрации г. Кировска от 25.11.2015 г. № 1743 «Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Кировск с подведомственной территорией на 2016 год и плановый период до 2018 года» [Эл. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления г. Кировска Мурманской области. URL: http://kirovsk.ru/files/npa/adm/2015/1743/prognoz_2016.pdf (дата обращения: 11.05.2017); Постановление администрации Ковдорского района Мурманской области от 20.01.2015 № 15 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Ковдорском районе» на 2015–2017 годы» [Эл. ресурс] // Официальный сайт муниципального образования Ковдорский район. URL: <http://www.kovadm.ru/Content/Default.aspx?CategoryId=2&ParentId=672> (дата обращения: 11.05.2017); Постановление администрации г. Мончегорска от 14.10.2016 № 1054 (в редакции постановления администрации г. Мончегорска от 24.11.2016 № 1276) «О прогнозе социально-экономического развития муниципального образования г. Мончегорск с подведомственной территорией на 2017 год и на период 2018 и 2019 годов» [Эл. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования г. Мончегорск. URL: <http://monchegorsk.gov-murman.ru/gorod/munitsipalnye-uchrezhdeniya-goroda/mku-uer-goroda-monchegorska/sotsialno-ekonomicheskoe-planirovanie-i-statistika/> (дата обращения: 11.05.2017); Итоги социально-экономического развития муниципального образования г. Оленегорск с подведомственной территорией за 2015 год [Эл. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования г. Оленегорск с подведомственной территорией. URL: http://olenegorsk.gov-murman.ru/upload/iblock/959/itogi_ser_2015i.pdf (дата обращения: 11.05.2017).

Стандарта 2.0 и достижение плановых показателей Инвестиционной стратегии¹² по ключевым направлениям.

Тем не менее уровень инвестиций в основной капитал в Апатитах снижался в течение всего рассматриваемого периода и, по прогнозам, продолжит падение в 2017–2018 гг.¹³

Таким образом, на примере Мурманской области можно сделать вывод, что даже успешная реализация мер по созданию благоприятного инвестиционного климата далеко не всегда приводит к росту инвестиций и активизации инвестиционной деятельности на территории муниципалитета, хотя и создает для этого институциональные условия. Реальная инвестиционная активность в муниципальных образованиях зависит главным образом от позиции региональных и федеральных властей (поддержка крупных проектов и непосредственно бюджетные инвестиции), а также от крупных предприятий, расположенных на данной территории. При этом в последнем случае основной объем инвестиций направлен на модернизацию и инновационное развитие инфраструктуры самих предприятий.

Перспективные направления развития инвестиционной деятельности

Обобщая опыт Мурманской области и данные об инвестиционной активности в муниципалитетах с разной структурой экономики, можно констатировать, что основные перспективы развития инвестиционной деятельности в муниципалитетах Севера и Арктики связаны, в первую очередь, со стабильным функционированием монопрофильных и «нефтегазовых» муниципальных образований.

В этом плане наиболее перспективными представляются в первую очередь «нефтегазовые» муниципалитеты. Несмотря на то, что значительный объем инвестиций приходится на модернизацию

¹² Постановление Администрации г. Апатиты от 10.03.2016 № 239 «Инвестиционная стратегия г. Апатиты с подведомственной территорией Мурманской области до 2020 года (1 этап)» [Эл. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления г. Апатиты. URL: <http://apatity.gov-murman.ru/invest/239.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).

¹³ Постановление Администрации г. Апатиты Мурманской области от 19.11.2015 № 1465 «Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Апатиты с подведомственной территорией Мурманской области на 2016 год и на период до 2018 года» [Эл. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления г. Апатиты. URL: http://apatity.gov-murman.ru/administration/struktura/oei/profile/soc_ecom/ (дата обращения: 15.05.2017).

предприятий нефтегазовой промышленности, положительный эффект наблюдается и в социально-экономическом положении самих городских округов – за счет создания околоотраслевых и обслуживающих производств, развития инфраструктуры.

Перспективы монопрофильных МО чем дальше, тем больше зависят от конкурентоспособности градообразующих предприятий. Потенциал мер государственной поддержки моногородов, очевидно, близок к исчерпанию. Так, при анализе их результативности на Коллегии Счетной палаты РФ с участием представителей регионов, Минэкономразвития, Внешэкономбанка и ФРМ в мае 2017 г. было отмечено, что их поддержка за 2014–2016 гг. оказалась малоэффективной¹⁴.

Как указывалось ранее, финансовая самостоятельность моногородов падает, а условия предоставления финансовой помощи ФРМ в период кризиса были ужесточены, что предсказуемо ведет к сокращению ее объемов. Так, начиная с 2014 г., на 1 января 2017 г. ФРМ заключил 18 соглашений о софинансировании проектов по строительству и реконструкции объектов инфраструктуры в моногородах с общим объемом финансирования из средств ФРМ 8,7 млрд руб. Однако в регионы было перечислено только 3,7 млрд руб. (или 43% от названной суммы). При этом лишь по трем из 18 соглашений было завершено строительство инфраструктурных объектов, а ряд соглашений был приостановлен. Например, в трех из шести строящихся с участием ФРМ промышленных парков отсутствуют резиденты (инвесторы)¹⁵.

Одним из препятствий для получения финансовой помощи из ФРМ является отсутствие в муниципальных бюджетах средств на разработку проектно-сметной документации для проектов, которые могли бы участвовать в конкурсе. Другая распространенная проблема – поиск частных инвесторов, под проекты которых можно было бы привлечь средства ФРМ на условиях софинансирования. Это обуславливает актуальность реализации в моногородах проектов государственно-частного (ГЧП) и муниципально-частного (МЧП) партнерства. Впрочем, оба

¹⁴ «В 2016 г. численность занятого населения моногородов сократилась на 288 тыс. человек, или на 5%» [Эл. ресурс.] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/30165 (дата обращения: 18.05.2017).

¹⁵ Там же.

эти механизма также требуют обязательного софинансирования из местных и региональных бюджетов, что в условиях бюджетного дефицита является затруднительным.

Механизм ГЧП в основном реализуется на уровне регионов. Как правило, наибольшую активность при этом демонстрируют динамично развивающиеся регионы с достаточно интенсивным строительством (львиная доля проектов ГЧП реализуется в части жилищного и инфраструктурного строительства). Между тем в северных и арктических регионах показатели уровня выполненных работ по виду деятельности «Строительство» и введения в действие жилых домов традиционно низки в связи с рядом объективных причин: удорожающие факторы и дополнительные затраты на ресурсы в экстремальных природно-климатических условиях, сложная демографическая ситуация и высокий уровень оттока населения.

В результате только «нефтегазовые» северные регионы смогли перешагнуть тот порог, который Минэкономразвития РФ в своем официальном рейтинге регионов называет «высоким уровнем развития ГЧП» (45–60%). Три субъекта отнесены к среднему уровню развития ГЧП (35–45%). В остальных регионах он «низкий» и «очень низкий» (таблица)¹⁶.

Положение регионов Севера и Арктики в рейтинге развития государственно-частного партнерства

Регион Севера	Уровень ГЧП, %	Место в рейтинге
Ямало-Ненецкий АО	46,2	19
Ханты-Мансийский АО	46,2	20
Республика Коми	45,4	23
Республика Саха (Якутия)	44,6	25
Сахалинская область	40,8	34
Мурманская область	36,7	38
Архангельская область	31,2	50
Камчатский край	29,1	58
Республика Карелия	26,6	63
Ненецкий АО	23,6	70
Магаданская область	17,2	79
Чукотский АО	10,6	82

¹⁶ Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства за 2014–2015 гг. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://mrpp.gov-murman.ru/activities/New%20Folder/rejting-gchp-2015.pdf> (дата обращения: 23.05.2017).

Реализация проектов на условиях МЧП в отечественной практике сталкивается с еще большими проблемами и ограничениями (и финансового, и законодательного характера). Особенно – в малых и средних городах. В рассматриваемых северных городах такой механизм может быть перспективен лишь при участии в проектах градообразующих предприятий. Однако, как показывает практика, частные инвесторы проявляют большую заинтересованность в сотрудничестве с региональными, а не муниципальными властями.

Так, строительство гондольно-кресельной дороги в г. Кировск Мурманской области при участии градообразующего АО «Апатит» было реализовано именно в рамках ГЧП (это первый проект ГЧП в Мурманской области). При этом из 12 проектов, включенных в официальный Перечень проектов, перспективных к реализации на условиях ГЧП в Мурманской области [Муслимов, 2015. С. 621–625], большая часть располагается в административном центре региона – Мурманске. То есть даже в крупном промышленном городе механизм МЧП уступает в привлекательности ГЧП.

Еще одно перспективное направление для малых МО – участие в крупных межмуниципальных проектах, реализуемых на принципах ГЧП. Такой прецедент был создан в Республике Карелия. В рамках проекта «Комплексная система водоочистки малых городов Республики Карелия» были реконструированы и построены новые муниципальные объекты водоснабжения в 37 муниципалитетах. В настоящее время в Карелии реализуется ряд крупных инвестиционных проектов с использованием механизма ГЧП социально-туристской и промышленной направленности на условиях софинансирования за счет федеральных и республиканских целевых программ, основную часть инвестиций составляют вложения частных компаний [Курило, Немкович, 2012. С. 13–20].

В условиях дефицита у муниципалитетов собственных средств для участия в проектах МЧП в мировой практике широко применяется привлечение заимствований. В России, однако, с этим проблемы. Наиболее широко в отечественной практике распространены целевые кредиты вышестоящих бюджетов бюджетной системы РФ. Однако такие кредиты даются не более чем на три года и потому не могут использоваться в качестве

финансирования крупных проектов с длительным сроком реализации. Ряд авторов [например, Саак, Колчина, 2006. С. 53–64; Швецов, 2004] в качестве возможного источника финансирования инвестиционных проектов на муниципальном уровне указывают на облигационные займы. Но если в мировой практике они широко распространены на региональном и местном уровне власти [Кирсанов, 2010. С. 18–24], то в России рынок муниципальных облигаций пока не развит.

При этом в ст. 107 Бюджетного кодекса РФ¹⁷ и ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг»¹⁸ закреплён целый комплекс различных ограничений, практически сводящих на нет возможности выпуска муниципальных ценных бумаг местными органами власти. Даже для ряда субъектов РФ данное направление является неосвоенным. Например, министерство финансов Мурманской области только в мае 2017 г. впервые поставило задачу по обеспечению возможности выпуска облигационного займа¹⁹.

Таким образом, исходя из выявленных особенностей бюджетной обеспеченности муниципалитетов Севера и Арктики, их экономической специализации, возможностей привлечения дополнительных финансовых ресурсов, а также оценки эффективности их деятельности по развитию инвестиционной среды мы считаем, что основные перспективы инвестиционного и экономического развития в северных регионах связаны в первую очередь со стабильным функционированием «нефтегазовых» и монопрофильных поселений.

Поэтому необходимо, во-первых, усиление работы государственных и муниципальных органов власти в направлении дальнейшей поддержки и развития моногородов. Для этого требуются разработка и реализация комплексной долгосрочной программы развития моногородов с указанием конкретных мероприятий

¹⁷Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 30.09.2017).

¹⁸Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» (ред. от 14.06.2012).

¹⁹Заседание Правительства Мурманской области 19.05.2017 [Эл. ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Мурманской области. URL: <http://minfin.gov-murman.ru/news/213505/> (дата обращения: 19.05.2017).

и форм финансирования, а также способов поддержки градообразующих предприятий.

Во-вторых, для более эффективного решения проблем монопрофильных поселений необходимо усовершенствовать систему оценки их социально-экономического развития с целью получения объективной и реальной информации об их положении и разработки эффективных программ развития. Такой системы до сих пор не существует, что снижает возможность принятия эффективных управленческих решений и определения целесообразности выделения бюджетных средств. На сегодняшний день проблемами моногородов занимается значительное количество всевозможных ведомств и структур: Минэкономразвития, Внешэкономбанк, Фонд развития моногородов и др. Зачастую они дублируют функции по поддержке, в то же время ни один из федеральных органов исполнительной власти и институтов развития не обладает полной и достоверной информацией об объемах, эффективности и результативности поддержки моногородов. В итоге многие данные Росстата, Минтруда и Минпромторга не соответствуют тем показателям, которые предоставляют региональные и муниципальные органы власти в государственную информационную систему «Управление»²⁰.

В-третьих, одним из перспективных направлений наращивания потенциала моногородов и деятельности муниципальных органов власти является поиск и развитие новых видов экономической деятельности. Например, город Кировск получил дополнительные возможности роста за счет развития туристического кластера при сохранении горнодобывающей промышленности. Правда, этот рецепт подходит только для тех городов, в которых имеются достаточно успешные предприятия, в том числе промышленные.

Дальнейшее развитие инвестиционной деятельности и предпринимательской активности в МО связано с активизацией работы государственных и муниципальных органов власти по развитию различных форм ГЧП и МЧП. Данное направление актуально для всех городских округов Севера и Арктики, а в особенности для «нефтегазовых» и монопрофильных поселений. Для этого потребуются дальнейшее развитие нормативно-правовой базы

²⁰Кризис охватил моногорода [Эл. ресурс.] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/publications-in-mass-media/30169 (дата обращения: 18.05.2017).

регионального и муниципального уровней, усиление регулирующей и стимулирующей роли региона в привлечении ресурсов, кропотливая работа с потенциальными инвесторами.

Перспективы развития предпринимательского сектора связаны, в первую очередь, с уже функционирующими малыми и средними предприятиями, поэтому целесообразно подготовить и реализовать ряд программ, нацеленных именно на поддержку и развитие последних. На сегодняшний день в большинстве муниципалитетов действуют программы по поддержке в основном начинающих предпринимателей. Им выделяются субсидии и оказывается методическая помощь. На наш взгляд, необходимо проработать и внедрить дополнительные меры поддержки для уже действующих малых предприятий, например, в части льготного кредитования, предоставления материально-технической базы, уменьшения административных барьеров и т.д.

Литература

Емельянова Е.Е. Влияние региональных особенностей Севера на цели, задачи и возможности реализации муниципальной инвестиционной политики // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 5(35). С. 79–83.

Емельянова Е.Е., Серова Н.А. Современное состояние и экономические проблемы моногородов Севера и Арктики / Научно-аналитический доклад «Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы»; под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с. п. 7.1. С. 351–356.

Кирсанов А.А. Осуществление муниципальных заимствований // Финансы и межбюджетные отношения. 2010. № 8. С. 18–24.

Курило А.Е., Немкович Е.Г. Формирование института государственно-частного партнерства в Республике Карелия // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 13–20.

Муслимов Ф.А. Развитие муниципально-частного партнерства в управлении муниципальной собственностью // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 621–625.

Саак А., Колчина О. Оценка инвестиционной привлекательности муниципального образования // Муниципальная власть. 2006. № 4. С. 53–64.

Серова Н.А., Скуфья Т.П. Перспективы развития Мурманской области в условиях антироссийских санкций // Вестник Кольского научного центра РАН. 2015. № 3(22). С. 115–120.

Швецов А.Н. Экономические ресурсы муниципального развития: финансы, имущество, земля / Изд. 3-е, испр. и существ. доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.

Summary

Emelianova E. E., G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Apatity

Evaluation of the Effectiveness of the Policies and Promising Areas of Investment Development in the Municipalities of the North and the Arctic

The article is devoted to the problem of evaluation of efficiency of municipal investment policies and perspectives of investment development of the municipalities in the North and the Arctic. Objectives of the study included issues of budget security and investment opportunities of municipalities in crisis, as well as assessment of effectiveness of measures undertaken by state and municipal authorities in creating an enabling investment environment. It is concluded that the growth of investments and the intensification of investment activities on the territory of the municipality largely depends on the commitment of the Federal and regional authorities, as well as the position of core enterprises, so the main prospects for development and investment in the Northern regions are connected, primarily, with the stable operation of oil-and-gas and single-industry settlements.

The Northern regions and the Arctic; municipal policy; investment climate; government; performance evaluation; municipality; Murmansk region

References

Emel'janova E.E. (2014). The influence of regional features of the North on the goals, objectives and opportunities for the implementation of municipal investment policy. *Nauka i biznes: puti razvitiya [Science and business: ways of development]*. Vol. 35. No. 5. Pp.79–83. (In Russ.)

Emel'janova E.E., Serova N.A. (2016). Current state and economic problems of single-industry towns of the North and the Arctic. In: *Sever i Arktika v novoy paradigme mirovogo razvitiya: aktual'nye problemy, tendencii, perspektivy [The North and the Arctic v new paradigm mirovogo razvitiya: aktual'nye problems, tendencii, perspektivy]*; eds. Selin V.S. et al. Apatity, KSC RAS. 420 p. Pp.351–356.

Kirsanov A. A. (2010). Implementation of municipal borrowing. *Finansy i mezhhjuzhnetnye otnosheniya [Finance and inter-budgetary relations]*. No. 8. Pp.18–24. (In Russ.)

Kurilo A. E., Nemkovich E. G. (2012). Formation of the Institute of public-private partnership in the Republic of Karelia. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika [Regional Economics: theory and practice]*. No. 25. Pp. 13–20. (In Russ.)

Muslimov F.A. (2015). Development of municipal-private partnership in municipal property management. *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. No. 23. Pp. 621–625. (In Russ.)

Saak A., Kolchina O. (2006). Evaluation of the investment attractiveness of the municipality. *Municipal'naja vlast' [Municipal authority]*. No. 4. Pp.53–64. (In Russ.)

Serova N.A., Skuf'ina T.P. (2015). Prospects of development of Murmansk region in the conditions of anti-Russian sanctions. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the Kola science centre of RAS]*. Vol. 22. No. 3. Pp.115–120. (In Russ.)

Shvecov A.N. eds. (2004). *Jekonomicheskie resursy municipal'nogo razvitiya: finansy, imushhestvo, zemlja*. Moscow, Editorial URSS Rubl. 224 p. (In Russ.)

Эмиссия парниковых газов в Якутии: ретроспективный анализ на основе топливно-энергетического баланса¹

Т.Н. ГАВРИЛЬЕВА, доктор экономических наук, Инженерно-технический институт СВФУ, ОРЭСИ ЯНЦ СО РАН, Якутск. E-mail: tuyara@list.ru

Н.А. ПЕТРОВ, доктор технических наук, Институт физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова СО РАН, Якутск.

E-mail: n.a.petrov@iptpn.ysn.ru

А.В. НОГОВИЦЫН, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония.

E-mail: alnogovitsyn@mail.ru

Н.В. ПАВЛОВ, Институт физико-технических проблем Севера

им. В.П. Ларионова СО РАН, Якутск. E-mail: pavlov_nv@iptpn.ysn.ru

Топливо-энергетические балансы, опыт разработки которых достаточно широко апробирован на уровне субъектов РФ, могут стать базой для получения ретроспективных оценок эмиссии парниковых газов. Динамика выбросов в значительной степени определяется структурой конечного внутреннего потребления топливно-энергетических ресурсов. Агрегированные данные позволяют оценить динамику показателей энергоёмкости и углеродоёмкости ВРП и являются предпосылкой для формирования региональных кадастров в рамках национальной системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов. На основе корреляционно-регрессионного анализа данных за 1990–2015 гг. была установлена прямая взаимосвязь между антропогенными выбросами и экономическим ростом, а также качеством и уровнем жизни населения.

Ключевые слова: мониторинг, региональный кадастр, эмиссия парниковых газов, топливно-энергетический баланс, углеродоёмкость, энергоёмкость, валовый региональный продукт, антропогенные факторы, Якутия

JEL: Q56, R11

Достижение Россией целевых показателей, принимаемых в рамках присоединения к Парижскому климатическому соглашению, требует реализации ряда институциональных решений, одним из которых является создание национальной системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов. Помимо мониторинга крупных предприятий, предполагается

¹ Статья написана в рамках проекта РФФИ (Бельмонт форум) № 15–54–71003. Авторы выражают благодарность научному сотруднику Арктического Исследовательского Центра Университета Хоккайдо Хорхе Гарсиа Молиносу, ведущим инженерам ИФТПС СО РАН Ивановой А. Е. и Петровой Т. Н. за помощь в подготовке публикации.

позапное формирование региональных кадастров, в первую очередь, на основе добровольной инвентаризации выбросов².

Если динамика и структура эмиссии парниковых газов в России в целом достаточно хорошо исследованы благодаря системе оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой (1987)³, то в регионах аналогичные институты отсутствуют, отмечается нехватка статистической и аналитической информации. Доступ к некоторым данным (в частности, о продажах топлива компаниями) зачастую затруднен из-за конфиденциальности. А сама национальная система «оперирует в основном агрегированными данными и характеризуется двухлетним запаздыванием отчетности, что не отвечает целям и задачам климатической политики на современном этапе»⁴. Поэтому разработка региональных кадастров является довольно трудоемкой задачей. Данная статья посвящена исследованию возможности получения агрегированной оценки эмиссии парниковых газов в регионе на основе топливно-энергетических балансов (далее – ТЭБ).

«Топливо-энергетический баланс субъекта РФ содержит взаимосвязанные показатели количественного соответствия поставок энергетических ресурсов на территорию субъекта РФ и их потребления, устанавливает распределение энергетических ресурсов между системами электро- и теплоснабжения, потребителями, группами потребителей и определяет эффективность использования энергетических ресурсов»⁵.

² Методические рекомендации по проведению добровольной инвентаризации объема выбросов парниковых газов в субъектах РФ // Сайт Министерства природных ресурсов и экологии РФ. URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/foto/mnr/1-1.docx> (дата обращения: 04.01.2018).

³ Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2006 г. № 278-р «О мерах по созданию российской системы оценки антропогенных выбросов в целях реализации Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата» // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12145365/#ixzz53GOX0H88> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22.04.2015 г. № 716-р «О Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в РФ» // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70990594/#ixzz53GRKURlg> (дата обращения: 05.01.2018).

⁵ Приказ Министерства энергетики РФ от 14.12.2011 г. № 600 «Об утверждении Порядка составления топливно-энергетических балансов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» (не вступил в силу) [Эл. ресурс] ГАРАНТ. РУ. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70035702/#ixzz56wnqfczp>

Балансы активно используются в качестве инструментов анализа и стратегического прогнозирования развития топливно-энергетических комплексов на субнациональном уровне [Санеев и др., 2011]. В частности, «...анализ ретроспективных балансов позволяет в том числе выявить тенденции во взаимосвязях между самими секторами топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и между ними и конечными потребителями их продукции» [Любимова, 2014. С. 2].

Особенности разработки топливно-энергетического баланса Якутии

Якутия, благодаря наличию широкого спектра собственных топливно-энергетических ресурсов (далее – ТЭР) и значительным инвестициям в развитие ТЭК, как в советский, так и в постсоветский периоды, обладает достаточно развитой и диверсифицированной энергетической базой. ТЭК региона включает практически все отрасли топливной промышленности и энергетики, за исключением атомной. Из-за обширной территории, наличия различных источников электро- и теплогенерации, а также межрегионального обмена он представляет собой сложную многоотраслевую территориально распределенную открытую систему.

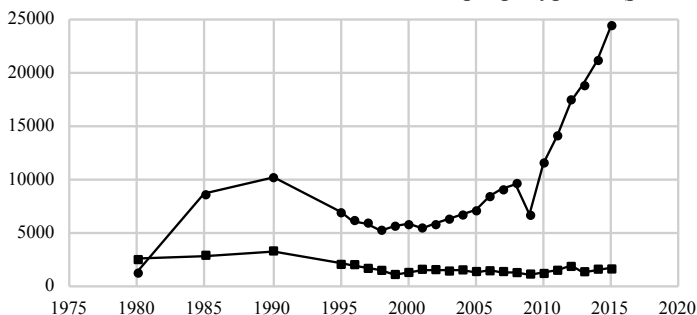
Около 40% территории (1222 тыс. км²) Республики Саха (Якутия), на которой расположены 18 из 35 административно-территориальных единиц (улусов и городских округов) и проживает около 85% населения, охвачено централизованным электроснабжением. В Западном энергорайоне это преимущественно гидрогенерация, Центральном – природный газ, Южно-Якутском – уголь. Большая часть территории республики (60%) с населением около 150 тыс. чел. относится к Северному энергорайону – зоне децентрализованного электроснабжения на базе источников электроэнергии малой мощности, преимущественно дизельных электростанций (ОАО «Сахаэнерго»). Также здесь апробируются возобновляемые источники энергии (солнечные панели, ветрогенерация) [Гаврильева, Ноговицын, 2016. С. 31].

В Институте физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова (ИФТПС) СО РАН топливно-энергетические балансы Якутии разрабатываются с 1970-х гг. Теоретические и прикладные части ретроспективных и перспективных ТЭБ [Топливо-энергетический..., 2005] стали базой для разработки

долгосрочной Энергетической стратегии региона [Энергетическая..., 2010], которая регулярно актуализируется с учетом реализации инвестиционных проектов и основных тенденций развития экономики страны, регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также отношений со странами АТР⁶.

С 1980 г. по 2015 г. в структуре ТЭБ Республики Саха отмечаются следующие структурные сдвиги:

– переориентация ТЭК региона с обеспечения внутренних потребностей на экспорт топливно-энергетических ресурсов за счет реализации крупных инвестиционных проектов по добыче и транспортировке угля, электроэнергии, нефти и газа (освоение Южно-Якутского угольного бассейна, строительство ТЭС ВСТО-1 и МГ «Сила Сибири»), что обусловило изменение сальдо ввоза/вывоза энергоресурсов (рис. 1).

Источник рис. 1–2: база данных ИФТПС СО РАН

Рис. 1. Динамика ввоза и вывоза ТЭР в РС (Я)
в 1980–2015 гг., тыс. т у.т.

Если в 1985 г. объем производства энергетических ресурсов в 1,7 раза превышал потребление первичной энергии с учетом изменения запасов, то в 2015 г. – в 3,7 раза. С 1980 г. по 2015 г. производство топливно-энергетических ресурсов увеличилось в 6,8 раза. Особенно быстрый рост отмечается с 2008 г., когда началась добыча нефти на Талаканском НГКМ;

– замещение в структуре потребления нефтепродуктов, поставляемых из-за пределов республики, добываемыми в регионе природным газом и отчасти нефтью, а также производимым газоконденсатом (рис. 2);

⁶ Постановление Правительства РС (Я) от 29.10.2009 г. № 441.

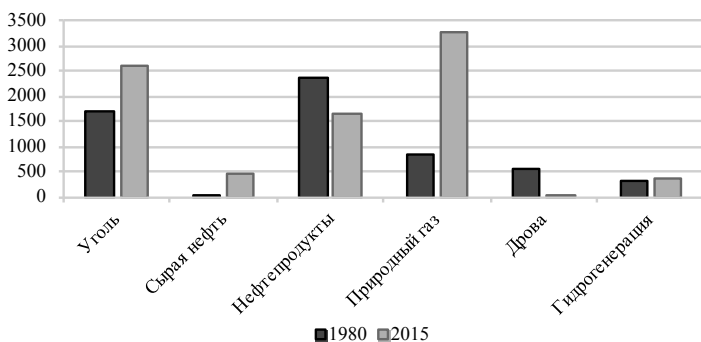

Рис. 2. Внутреннее потребление ТЭР в РС (Я) в 1980 г., 2015 г., тыс.т.у.т

– в структуре потребления топлива и ресурсов для генерации электроэнергии относительно стабильна доля угля и гидрогенерации, растет потребление природного газа, нефтепродуктов и возобновляемой энергии;

– в структуре источников генерации тепловой энергии также прослеживается снижение доли дров, угля и нефтепродуктов, компенсируемое ростом потребления природного газа. Сейчас республика полностью обеспечивает собственные потребности в котельно-печном топливе, используя более чистые с точки зрения эмиссии парниковых газов виды топлива. По данным территориального органа Росстата, в 2000–2015 гг. на фоне роста суммарной мощности на 13% число источников теплоснабжения сократилось на 27% (с 1865 до 1368), в том числе котельных, работающих на твердом и жидком топливе, – на 42% (с 1169 до 676 и с 340 до 197 соответственно), а источников на газе – выросло на 37% (с 296 до 405);

– максимум внутреннего потребления ТЭР (10306 тыс. т.у.т.) наблюдался в 1986 г., на пике советской модели освоения Крайнего Севера. Затем, в условиях экономических реформ и спада производства, началось долгосрочное падение. Наиболее сильно снизилось потребление моторного топлива: в 2015 г. по сравнению с 1990 г. – на 41%;

– обратной стороной модернизации, предусматривающей в ряде поселений перевод жилищного фонда на центральное отопление, является рост потерь при транспортировке энергии. Увеличение протяженности тепловых сетей в 2000–2015 гг.

на 7% и износ инфраструктуры привели к увеличению доли потерь тепловой энергии в общем объеме поданного в сети тепла с 13,3 до 24,9%. Согласно данным ТЭБ, соотношение между показателями «потери энергии, собственные нужды электростанций и прочие расходы» и «собственное потребление за минусом остатков на конец года» в 1980 г. составляло 2,6%, в 1990 г. – 3,2%, в 2000 г. – 6,8%, в 2010 г. – 12,4%, в 2015 г. – 14,8%. Рост потерь теплоэнергии напрямую зависит от высокого износа теплосетей. Мероприятий, заложенных в инвестиционные программы энергоснабжающих предприятий на модернизацию тепловых сетей, недостаточно для снижения износа. Доля потерь в магистральных теплосетях в 2015 г. составила 21% [Иванова и др., 2017. С. 2126]. Это свидетельствует о наличии резерва в энергосбережении, в том числе (с учетом региональных особенностей Якутии) за счет более активного внедрения технологий индивидуального тепло- и энергообеспечения.

Ретроспективная оценка эмиссии парниковых газов

Использование ТЭБ для оценки эмиссии парниковых газов достаточно хорошо апробировано в рамках Мировой энергетической модели МЭА (World Energy Model) [Мамий, Иващенко, 2015]. В России есть сложности в оценке энергоёмкости экономики, из-за неполной сопоставимости статистических данных в периоды 1996–2002 гг. и 2003–2012 гг., на что указывают ряд авторов [Любимова и др., 2010; Бузулуцков, 2013; Любимова, 2014; Ратманова, 2015].

Для оценки эмиссии парниковых газов (CO_2 -эквивалент) или углерода (C -эквивалент) необходимы данные по конечному потреблению и изменению запасов ТЭР, используемых в качестве источников генерации тепло- и электроэнергетики и моторного топлива на территории региона.

Оценка эмиссии осуществлялась по методологии Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), в соответствии с Пересмотренными руководящими принципами национальных инвентаризаций (1996 г.)⁷. Эта методология

⁷ Пересмотренные Руководящие принципы национальных инвентаризаций парниковых газов [Эл. ресурс] / МГЭИК, 1996. URL: <http://www.ipcc-nggip.iges.or.jp/public/gl/russian.html>

апробирована в рамках Национального доклада РФ о Кадастре антропогенных выбросов⁸.

Согласно методологии, расчет эмиссии CO₂ базируется на объемах потребления топлива (сжигания) и содержании в нем углерода:

$$I_{CO_2} = \sum_{i=1}^n (B_i \cdot Q_i^r \cdot k_{Ci} \cdot k_{CO_2}),$$

где I_{CO_2} – объем выбросов CO₂, т CO₂/год;

B_i – годовой расход тепла, тыс. т/год;

Q_i^r – теплота сгорания топлива, ТДж/тыс. т;

k_{Ci} – удельный коэффициент эмиссии углерода для i -го вида топлива, т С/ТДж;

$k_{CO_2} = 3,67$ – коэффициент (степень) полного окисления углерода до образования углекислого газа, т CO₂/т С;

n – количество видов сжигаемого топлива.

Относительно точная оценка эмиссии парниковых газов на основе данных ТЭБ Республики Саха доступна для 1990–2015 гг. (табл. 1, рис. 3). В данной работе не оценивалась эмиссия метана, так как она пренебрежимо мала по сравнению с объемом эмиссии CO₂. Для расчета эмиссии от сжигания угля использовались объемы его потребления в натуральном выражении по двум основным видам: каменный и бурый (без учета доли использования разных видов угля).

Согласно данным территориального органа Росстата, в структуре потребления нефтепродуктов преобладает дизельное топливо – (от 62 до 72% в разные годы), поэтому для оценки эмиссии углерода к общему потреблению нефтепродуктов был применен коэффициент эмиссии для дизельного топлива.

Как показывают наши расчеты (табл. 2, рис. 3), объем эмиссии парниковых газов в регионе сокращался вплоть до 2009 г., далее в условиях экономического роста наметился его подъем. Тем не менее, если брать за целевые показатели эмиссии принимаемые Россией в рамках реализации Парижского соглашения обязательства «...добиться к 2030 г. объема выбросов в 70–75% от уровня 1990 г.» [Кувалдин, 2016], в Якутии их можно считать

⁸ Национальный доклад России о Кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом. URL: http://downloads.igce.ru/publications/reviews/RUS-2011_voll_2011-07-13.pdf

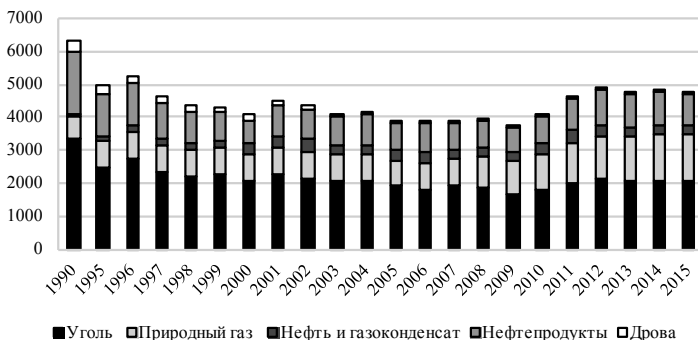
достигнутыми уже сейчас. Региону достаточно на заданном временном горизонте поддерживать выбросы на текущем уровне.

Таблица 1. Оценка эмиссии парниковых газов в РС (Я) в разрезе основных видов ТЭР, тыс. т С

Год	Уголь	Природный газ	Нефть и газоконденсат	Нефтепродукты	Дрова	Итого
1990	3335	675	92	1907	354	6363
1995	2452	838	159	1230	311	4989
1996	2743	828	180	1264	268	5282
1997	2362	793	196	1097	216	4664
1998	2220	779	198	984	199	4380
1999	2252	804	252	833	181	4323
2000	2044	814	345	727	179	4109
2001	2251	823	359	911	184	4353
2002	2162	818	344	898	177	4135
2003	2062	816	301	840	92	4095
2004	2041	838	296	903	80	4111
2005	1914	796	340	806	69	3925
2006	1804	830	333	834	57	3858
2007	1921	822	296	817	50	3907
2008	1867	917	270	819	32	3905
2009	1686	1013	284	691	26	3700
2010	1787	1127	320	781	51	4065
2011	2009	1230	394	938	60	4632
2012	2130	1321	307	1084	62	4904
2013	2057	1364	300	985	89	4795
2014	2088	1421	286	949	56	4801
2015	2069	1432	279	960	35	4774

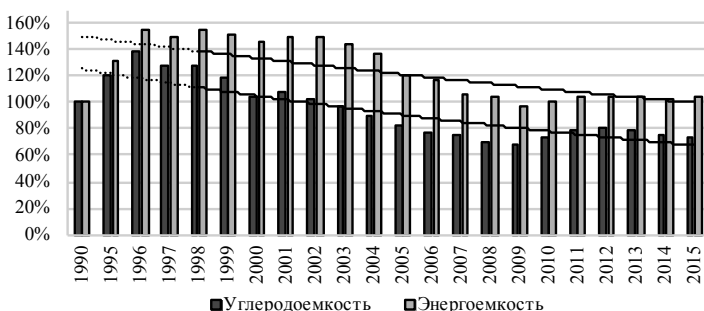
Источник: рассчитано на основе базы данных ИФТПС СО РАН.

Следует отметить прямую взаимосвязь между показателями энергоёмкости и углеродоёмкости ВРП Якутии: значение коэффициента парной корреляции для 1990–2015 гг. между динамическими рядами этих показателей составляет 0,855. В рассматриваемый период снижались оба показателя (рис. 4), но интенсивность снижения углеродоёмкости была выше, чем энергоёмкости. В 2015 г. по сравнению с 1990 г. углеродоёмкость сократилась на 26%, а энергоёмкость выросла на 5%. По нашему мнению, углеродоёмкость более чувствительна к изменению объемов и структуры потребляемых в регионе ТЭР, а энергоёмкость – к социально-экономической динамике.

Источник: рассчитано на основе базы данных ИФТПС СО РАН.

Рис. 3. Эмиссия углерода в РС (Я) в 1990–2015 гг., тыс. т С

Источник рис. 4–5: рассчитано на основе данных ТО Федеральной службы государственной статистики по РС (Я) и базы данных ИФТПС СО РАН

Рис. 4. Динамика энергоёмкости и углеродоёмкости ВРП РС (Я) в неизменных ценах, % (1990 г.=100%)

Оценка динамики эмиссии парниковых газов в расчете на генерацию 1 кВт·ч и 1 Гкал (рис. 5) показывает, что в снижение объема выбросов определенный вклад внесла и урбанизация, приводящая к все большей концентрации населения в крупных населенных пунктах, где внедрение новых технологий инвестиционно привлекательно. За 1990–2015 гг. эмиссия парниковых газов при генерации электрической энергии в Якутии сократилась на 32,3%, для тепловой энергии, учитывая более высокие потери при передаче, снижение составило 14,0%.

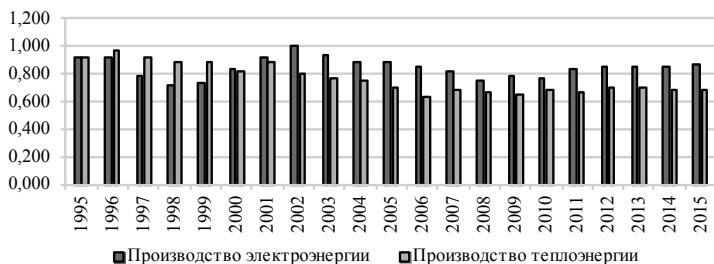

Рис. 5. Эмиссия углерода при производстве электрической и тепловой энергии в 1995–2015 гг. (1990 г. = 1)

В настоящее время эмиссия парниковых газов в Якутии в расчете на душу населения – одна из самых высоких в мире (табл. 2). Она превышает эмиссию в России в целом в 1,7 раза, в мире – в четыре раза, а в Канаде, сходной по климатическим условиям, – в 1,4 раза. Более высокие значения углеродоёмкости характерны для многих северных регионов России, так как «...обусловлены “северностью” экономики – климатическими и географическими особенностями, а также являются следствием отраслевой специализации производства» [Чайка, 2011].

Таблица 2. Эмиссия парниковых газов в CO₂-эквиваленте на душу, кг в год в 1990–2014 гг.

Страна	1990	2000	2010	2014
США	19,323	20,179	17,442	16,494
Канада	15,659	17,367	15,723	15,113
Дания	9,771	9,613	8,407	5,936
Финляндия	10,377	10,128	11,575	8,661
Норвегия	7,429	8,834	12,293	9,271
Россия	26,614	10,627	11,694	11,858
Республика Саха (Якутия)	23,271	17,353	17,240	20,439
Мир	4,191	4,036	4,830	4,972

Источник: рассчитано на основе данных Мирового банка⁹ (данные по выбросам в РС (Я) скорректированы с учетом эмиссии от сельского хозяйства).

⁹ Сайт Мирового банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 09.01.2018).

Оценка воздействия антропогенных факторов на динамику эмиссии

Эмиссия парниковых газов находится под влиянием различных социально-экономических процессов, в том числе отраслевой специализации, цикличности, смены технологического уклада и др. Некоторые авторы при исследовании энергоёмкости региональных экономик отмечают наличие прямой взаимосвязи между этим показателем и среднедушевыми денежными доходами населения, которые росли с начала 2000-х гг. [Белова, 2015]. Возможный рост выбросов может быть связан с ростом качества и уровня жизни, выражающемся в том числе в увеличении на душу населения площади жилищного фонда, числа автомобилей, бытовых приборов и техники в личной собственности граждан и т.д. В случае Якутии также имеется определенный эффект от реализации региональных программ модернизации энергетики и газификации населенных пунктов.

Кроме того, по мере роста цен на энергоносители в условиях рыночной экономики отмечаются изменения в поведении потребителей. Последние все большее значение придают вопросам модернизации и роста энергоэффективности [Долматов, Шутова, 2014. С. 5].

Для более точной оценки влияния этих процессов на динамику эмиссии углерода на основе данных государственной статистики был сформирован перечень показателей, в той или иной степени связанных с проблемой эмиссии углерода (парниковых газов). Корреляционный анализ этих данных дал ряд интересных выводов:

– тестирование тесноты взаимосвязи между эмиссией углерода и другими индикаторами в различные временные периоды показывает, что за 25 лет в части антропогенного воздействия на окружающую среду в регионе происходили качественные структурные сдвиги. При этом на более длинных временных интервалах прослеживается прямая взаимосвязь между эмиссией и численностью населения (коэффициент корреляции 1990–2015=0,788, КК 1995–2015=0,539), а также грузооборотом автомобильного транспорта (КК 1990–2015=0,768, КК 1995–2015=0,624), влияние остальных факторов несущественно. На интервале с 2000 г. по 2015 г., наоборот, влияние факторов «численность населения» (КК 2000–2015=–0,016) и «грузооборот

автомобильного транспорта» (КК 2000–2015=0,322) становится несущественным, и значимость приобретают все остальные рассматриваемые показатели;

– возможно, свой вклад в относительно слабо прослеживаемую взаимосвязь на более длинном интервале между эмиссией и факторами, влияющими на потребление энергии, внесли ценовой диспаритет (в 1990 и 1995 гг. тарифы на электроэнергию были крайне низкими и формировались на «советских» принципах ценообразования) и гиперинфляция 1990-х, осложнившая оценку динамики ВРП и реальных денежных доходов населения до 1995 г. На более коротком временном интервале (с 2000 г.) из-за относительно низкой инфляции мы наблюдаем гораздо лучшую сопоставимость статистической базы. Так, для ВРП в неизменных ценах КК 1990–2015=0,246, а КК 2000–2015=0,475;

– установлена прямая взаимосвязь между эмиссией парниковых газов и показателями качества жизни (число легковых автомобилей на 1000 человек населения (КК 2000–2015=0,720), площадь жилищного фонда (КК 2000–2015=0,621), потребление электроэнергии населением (КК 2000–2015=0,610), а также уровнем жизни населения (реальные располагаемые денежные доходы (КК 2000–2015=0,571));

– также прослеживается прямая взаимосвязь между эмиссией парниковых газов и состоянием экономики региона (динамика ВРП в сопоставимых ценах, потребление электроэнергии в регионе). Из этого ряда, начиная с 2000 г., выпадает только показатель «грузооборот автомобильного транспорта» (КК 2000–2015=0,322), который также может служить индикатором состояния экономики. Этот феномен можно объяснить тем, что, с одной стороны, грузоперевозки как экономическая деятельность существенно сократились после развала плановой модели экономики, с другой – существенный объем грузовых автомобильных перевозок осуществляется индивидуальными предпринимателями, зачастую находящимися в «серой зоне».

На основе полученных данных для Якутии была построена модель множественной нелинейной регрессии эмиссии парниковых газов (в углеродном эквиваленте, тыс. т) от производства тепловой и электрической энергии и грузооборота автомобильного транспорта (рис. 6). Полученное регрессионное уравнение выглядит следующим образом:

$$y = e^{-5,81484} \cdot x_1^{0,21495} \cdot x_2^{0,43255} \cdot x_3^{0,88513},$$

где: Y – эмиссия C , тыс. т; X_1 – грузооборот автомобильного транспорта всех видов деятельности, млн т-км; X_2 – производство электроэнергии, млн кВт·ч; X_3 – производство теплоэнергии, тыс. Гкал.

Данное уравнение хорошо согласуется с имеющейся выборкой. Достаточно высоко значение нормированного коэффициента детерминации $R^2 = 0,86623$, то есть 86,6% вариации y относительно средней объясняется изменениями переменных x . Уровень значимости F , равный $1,14 \cdot 10^{-8}$, свидетельствует о наличии значимой корреляционной зависимости y от переменных x . Значения t -статистик коэффициентов b_1 , b_2 , b_3 и b_4 ($-3,18307$, $9,60888$, $2,77896$ и $5,09915$ соответственно) при значении Стьюдента $-2,10092$, p -значения коэффициентов значимо менее 5%. Таким образом, модель достаточно корректно отражает зависимость эмиссии углерода от социально-экономической динамики.

Источник: собственные расчеты.

Рис 6. Регрессионная модель эмиссии парниковых газов от антропогенных источников в РС (Я) в 1990–2015 гг., тыс. т

Заключение

Как показали результаты исследования, для получения ретроспективной агрегированной оценки выбросов парниковых газов в качестве первого этапа разработки регионального кадастра

вполне возможно использование данных ТЭБ. Динамика выбросов в значительной степени определяется структурой конечного внутреннего потребления ТЭР. Модернизация ТЭК региона, в том числе посредством газификации, снижения доли маломощных источников генерации тепловой и электрической энергии, дает значимый эффект в виде сокращения выбросов парниковых газов, что обуславливает снижение углеродоемкости валового регионального продукта.

Показатели углеродоемкости и энергоёмкости ВРП достаточно тесно взаимосвязаны. При этом углеродоемкость более чувствительна к изменению объемов и структуры потребляемых в регионе ТЭР, а энергоёмкость – к социально-экономической динамике. Развитие национальной системы мониторинга эмиссии посредством включения данных от предприятий – крупных эмитентов парниковых газов даст возможность использовать дезагрегированные данные по отдельным отраслям экономики субъектов РФ.

Северная специфика, включая климатические условия, определяет более высокий уровень эмиссии парниковых газов в Якутии по сравнению со среднемировым. Вместе с тем у региона и России в целом есть достаточно большие резервы в снижении эмиссии, в качестве целевых показателей региональных программ могут использоваться данные других северных стран.

Ретроспективные данные позволяют проводить анализ влияния различных социально-экономических факторов на динамику выбросов посредством корреляционно-регрессионного анализа. Так, на основе данных за 1995–2015 гг. была установлена прямая взаимосвязь между антропогенными выбросами парниковых газов и экономическим ростом, а также качеством и уровнем жизни населения. В перспективе к 2025–2030 гг. накопление данных статистических наблюдений даст возможность получить более точные оценки функциональной зависимости. Статистику до 1995 г. рекомендуется использовать с осторожностью, так как в это время экономика России находилась под сильным влиянием разнонаправленных процессов, что сказывается на сопоставимости данных. Подобные исследования необходимо продолжать в части территориально-отраслевого структурирования и типологизации эмиссии с использованием топливно-энергетических балансов различного уровня агрегирования.

Литература

Белова Т.Д. Типология регионов РФ по ключевым показателям энергоэффективности // Вестник ИГЭУ. Вып. 4. 2015. С. 1–7. URL: <http://vestnik.ispu.ru/node/403> (дата обращения: 15.12.2017).

Бузулуков В.Ф. Методические и информационные аспекты анализа тенденций национального и регионального энергопотребления и энергоёмкости с использованием инструментария ОМММ-ТЭК // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Вып. 12 / Под ред. Е.А. Коломак, Л.В. Машкиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. С. 29–60.

Гаврильева Т.Н., Ноговицын А.В. Влияние программ энергоресурсосбережения на динамику эмиссии углерода в Республике Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Естественные науки. 2016. № 1 (4). С. 29–42.

Долматов И.А., Шутова М.А. Методология прогнозирования энергоёмкости ВВП и отдельных отраслей (секторов) экономики // 151 засед. открытого семинара «Экономика энергетики». Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. 30 сент. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0omkixh76v/direct/142074750> (дата обращения: 15.12.2017).

Иванова А.Е., Павлов Н.В., Петрова Т.Н. Эффективность использования топливно-энергетических ресурсов в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 11. С. 2123–2137.

Кувалдин С. Углеродная неспешность: климатическая политика России до и после Парижа // Экология и право. 2016. 15 дек. URL: <http://bellona.ru/2016/12/15/russia-paris> (дата обращения: 15.12.2017).

Любимова Е.В. Влияние методики исследования на показатели регионального производства и использования топлива и энергии // ИнтерЭкспо ГЕО-Сибирь. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-metodiki-issledovaniya-na-pokazateli-regionalnogo-proizvodstva-i-ispolzovaniya-topliva-i-energii> (дата обращения: 15.12.2017).

Любимова Е.В., Чёрная Н.В., Кондратьева Е.В. Ретроспективные топливно-энергетические балансы регионов – основных потребителей топлива и энергии Восточной Сибири // Методология и практика построения и использования региональных топливно-энергетических балансов [Текст] / [Любимова Е.В., Суслов Н.И., Мишура А.В. и др.]. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 450 с.

Мамий И.П., Иващенко М.А. Информационное обеспечение энергетической статистики: проблемы и перспективы // Презентация доклада на Всероссийской научно-практической конференции «Статистика и вызовы современности», 2015. 25–26 июня. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/konferenz/mam_iva_prez.pptx

Ратманова И.Д. Топливо-энергетический баланс – инструмент управления региональной энергетикой [Эл. ресурс]. URL: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/875> (дата обращения: 15.12.2017)

Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Муzychuk С.Ю., Муzychuk Р.И. Топливо-энергетические балансы в системе комплексного исследования развития региональных ТЭК // Известия Российской академии наук. Энергетика. 2011. № 2. С. 21–35.

Топливо-энергетический баланс Республики Саха (Якутия) / М-во экон. развития РС (Я), ИФТПС СО РАН (Науч. рук.д.т.н. Н.А. Петров). Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. Ч. I. 160 с.

Топливо-энергетический баланс Республики Саха (Якутия). Ч. II / М-во экон. развития РС (Я) (Науч. рук.д.т.н. Н. А. Петров) Якутск: Сайдам, 2006. 208 с.

Чайка Л. В. Факторы энергоёмкости экономики Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3 (15). С. 78–87.

Энергетическая стратегия Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года // Правительство Респ. Саха (Якутия). Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2010. 328 с.

Статья поступила 02.03.2018.

Summary

Gavriilyeva T. N., Institute of Engineering and Technology, North-Eastern Federal University (NEFU), Yakutsk; DRESS of Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk

Petrov N. A., Larionov Institute of the Physical-Technical Problems of the North, SB RAS, Yakutsk

Nogovitsyn A. V., Graduate School of Environmental Science, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Pavlov N. V., Larionov Institute of the Physical-Technical Problems of the North, SB RAS, Yakutsk

Greenhouse Gas Emissions in Yakutia: a Retrospective Analysis Based on Fuel and Energy Balance Data

To obtain a retrospective aggregated estimates of greenhouse gas emissions in the Russian regions, it is possible to use the Fuel and Energy Balance, which includes data on the final consumption of fuel and energy.

Retrospective assessments allow to analyze the influence of various socio-economic factors on the dynamics of emissions through correlation regression analysis. In Yakutia, there is a direct correlation between anthropogenic emissions of greenhouse gases and economic growth, as well as the quality and standard of living of the population.

It is recommended to use cautiously the Russian statistics before 1995, because at that time the economy was strongly influenced by multidirectional processes, which affects the comparability of data. The indicators of carbon intensity and energy intensity of GRP are closely interrelated. At the same time, carbon intensity is more sensitive to changes in the volumes and structure of fuel and energy resources consumed in the region, i.e. energy intensity to socio-economic dynamics.

Northern specificity and severe climate determine a higher level of greenhouse gas emissions in Yakutia compared with the world average. However, the region and Russia as a whole have quite large reserves in reducing emissions. Data from other northern countries can be used as targets of regional programs.

Monitoring; regional cadaster; greenhouse gas emissions; fuel and energy balance; carbon intensity; energy intensity; gross regional product; anthropogenic factors; Yakutia

References

Belova T.D. (2015) Typology of Russian regions by key efficiency indicators. *Vestnik IGEU [Vestnik ISPIU]*. No.4. Pp.1–7. (In Russ.). Available at: <http://vestnik.ispu.ru/ru/node/403> (accessed 15.12.2017).

Buzuluckov V.F. (2013) Metodicheskie i informacionnye aspekty analiza tendencij nacional'nogo i regional'nogo energopotrebleniya i energoemkosti s ispol'zovaniem instrumentariya OMMM-TEK. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: regional'nyj i otraslevoj aspekty. [Economic Development of Russia: Regional and Sectoral Aspects]*. No.12. Pp. 29–60 (In Russ.).

Gavrilyeva T.N., Nogovitsyn A.V. (2016) The impact of energy saving state programs on the dynamics of carbon emission in the Republic of Sakha (Yakutia). *Arktika XXI vek: Estestvennye nauki [Arctic XXI: Natural Sciences]*. No.1. Pp. 29–42 (In Russ.).

Dolmatov I.A., Shutova M.A. (2014) Metodologiya prognozirovaniya ehnergoyomkosti VVP i otdel'nyh otraslej (sektorov) ekonomiki. *151 zasedanie otkrytogo seminar "Ekonomika energetiki" [151 session of the open seminar "Energy Economics"]*. Moscow. (In Russ.). Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0omkixh76v/direct/142074750> (accessed 15.12.2017). Chajka L.V. (2011) Faktory jenergojomkosti jekonomiki Respubliki Komi. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*. Vol. 3 No. 15. Pp. 78–87 (In Russ.).

Ivanova A.E., Pavlov N.V., Petrova T.N. (2017) Effektivnost' ispol'zovaniya toplivno-energeticheskikh resursov v Respublike Saha (Yakutiya). *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. Vol. 15. No. 11. Pp. 2123–2137 (In Russ.).

Kuvaldin S. (2016) Uglerodnaya nespeshnost': klimaticeskaya politika Rossii do i posle Parizha. (In Russ.). Available at: <http://bellona.ru/2016/12/15/russia-paris> (accessed 15.12.2017).

Lyubimova E.V. (2014) Influence of research technique on indicators of regional fuel and energy production and consumption. *Interespo Geo-Sibir' [Interexpo GEO-Siberia]*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-metodiki-issledovaniya-na-pokazateli-regionalnogo-proizvodstva-i-ispolzovaniya-topliva-i-energii> (accessed 15.12.2017).

Lyubimova E.V., Chyornaya N.V., Kondrat'eva E.V. (2010) Metodologiya i praktika postroeniya i ispol'zovaniya regional'nyh toplivno-energeticheskikh balansov. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. 450 p. (In Russ.).

Mamij I.P., Ivashchenko M.A. (2015) Informacionnoe obespechenie energeticheskoy statistiki: problemy i perspektivy. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Statistika i vyzovy sovremennosti" [All-Russian Scientific and Practical Conference "Statistics and Challenges of the Present"]. Moscow. (In Russ.). Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/konferenz/mam_iva_prez.pptx (accessed 15.12.2017).

Ratmanova I.D. (2015) Toplivno-energeticheskij balans – instrument upravleniya regional'noj energetikoj. (In Russ.). Available at: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/> (accessed 15.12.2017).

Saneev B.G., Sokolov A.D., Muzychuk S. Yu., Muzychuk R.I. (2011) Toplivno-energeticheskie balansy v sisteme kompleksnogo issledovaniya razvitiya regional'nyh

ТЕК. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Energetika [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Power Engineering]*. No. 2. Pp. 21–35. (In Russ.).

Топливо-энергетический баланс Республики Саха (Якутия). Част' 1. (2005). *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RS (Ya), IFTPS SO RAN [Ministry of Economic Development of The Sakha Republic (Yakutia), IPTPN SB RAS]*. Yakutsk, Sakhapolygraphizdat Publ. 160 p. (In Russ.).

Топливо-энергетический баланс Республики Саха (Якутия). Част' 2. (2006). *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RS (Ya) [Ministry of Economic Development of The Sakha Republic (Yakutia)]*. Yakutsk, Saydam Publ. 208 p. (In Russ.).

Энергетическая стратегия Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года. (2010). *Pravitel'stvo Resp. Saha (Jakutija) [Government of the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Yakutsk, Media-holding «Yakutia». 328 p. (In Russ.).

«ЭКО»-информ

В рамках утвержденного Правительством РФ комплекса мер по подготовке к ратификации Парижского соглашения об изменении климата, весной 2017 г. в России началась работа по сбору в регионах и систематизации информации об объемах и структуре выбросов парниковых газов и реализуемых мероприятиях по их сокращению. Тогда же в Госдуму был представлен проект поправок к закону «Об охране окружающей среды», который должен закрепить определенные механизмы углеродного регулирования. С тех пор документ прошел несколько итераций, в ходе которых претерпел серьезные изменения. По данным СМИ, последняя концепция законопроекта предполагает прежде всего поддержку проектов по сокращению выбросов и инициатив в лесном секторе (увеличивающих поглощение) – через снижение налогов, налоговые кредиты и понижающие коэффициенты для амортизации оборудования. Кроме того, Минэкономики РФ предложило изменить требования к программам энергосбережения предприятий, включив в них отчетность по снижению выбросов CO₂ для регулируемых отраслей. При этом из последней версии документа исчезли формулировки о возможных «переходах к другим механизмам с ценой на углерод при выявлении такой необходимости» – создавать рынок квот на выбросы или вводить «углеродный» налог Минэкономики пока не будет.

Источники: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579808>; URL: <http://www.interfax.ru/russia/548878> (дата обращения: 24.05.2018).

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-136-152

Развитие национальной системы платежных карт в России в условиях экономических санкций

Д.А. КОЧЕРГИН, доктор экономических наук. E-mail: kda2001@gmail.ru

А.И. ЯНГИРОВА, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургр. E-mail: alsu-rf@mail.ru

Цель статьи – исследование основных этапов формирования национальной системы платежных карт (НСПК) в России в условиях экономических санкций. Авторами проанализированы ключевые факторы, характеризующие современное развитие НСПК, сделаны выводы о необходимости совершенствовать инфраструктуру приема и расчетов, активнее внедрять экономические стимулы для участников платежной системы. В долгосрочной перспективе российская НСПК сможет успешно конкурировать с международными платежными системами на российском рынке только в том случае, если будет способна внедрять инновации в сфере приема и обработки платежей, а также предлагать ценовые и функциональные конкурентные преимущества по своим продуктам.

Результаты могут быть использованы экономистами-исследователями, кредитными институтами и национальными регулирующими органами для совершенствования развития национальной системы платежных карт, повышения ее эффективности и стимулирования роста безналичных платежей в стране.

Ключевые слова: платежная система, национальная система платежных карт, безналичные платежные инструменты, платежная карта «Мир»

Создание в 2014 г. российской национальной системы платежных карт было продиктовано не столько экономическими причинами (стремлением снизить издержки, повысить скорость и безопасность проведения платежей, улучшить платежную инфраструктуру в стране), сколько политическими факторами, прежде всего, введением США и другими западными странами экономических санкций в отношении России, в результате которых резко возросли внутривосточные платежные риски.

Одной из основных задач, которые призвана решить российская национальная система платежных карт, является обеспечение суверенитета платежного пространства на территории страны.

Это предполагает установление единого набора правил и процедур для всех участников платежной инфраструктуры, а также унификацию системы управления рисками внутривосточных расчетов. Главная его цель – повышение безопасности

и эффективности проведения платежей, снижение платежно-расчетных рисков, повышение стабильности функционирования национальной платежной системы. Обязательными элементами национального платежного пространства являются национальная система платежных карт и единый расчетный центр по переводу денежных средств с использованием всех типов банковских платежных карт (в России эту роль выполняет ЦБ РФ).

Проект создания национальной системы платежных карт в России не уникален. Заслуживает внимания опыт ряда западных и восточноазиатских стран (Канада – платежная ассоциация Interac, Франция – система Cartes Bancaires, Дания – Dankort, Япония – JCB, Китай – UnionPay, Индия – RuPay, Вьетнам – BanknetVN и др.). Мы проанализируем российскую национальную систему платежных карт, чтобы выявить характерные особенности ее формирования и сделать выводы относительно перспектив ее развития.

Основные характеристики российской НСПК

Российская национальная система платежных карт была создана в июле 2014 г. в форме АО «НСПК». На сегодняшний день владельцем 100% ее акций является Банк России.

Первый этап развития НСПК в России заключался в переносе процессинга по всем транзакциям с использованием карт международных платежных систем¹ на территорию страны. В конце первого квартала 2015 г. в Россию была переведена обработка внутристрановых операций по картам VISA и MasterCard (доля которых составляла около 99% от выпущенных в России карт международных систем²). Процессинг по картам остальных международных систем, присутствовавших в России (JCB, American Express и UnionPay), был локализован в 2016 г. Это позволило исключить потенциальное влияние внешних факторов на функционирование национального платежного пространства.

¹ В соответствии с Реестром операторов платежных систем, приведенном на официальном сайте ЦБ РФ, на территории России в 2017 г. функционировало пять международных карточных платежных систем: VISA, MasterCard, JCB, American Express, UnionPay.

² По данным с «круглого стола» платежной системы «Мир» на Форуме инновационных финансовых технологий Finopolis 2017, перевод процессинга в российскую НСПК привел к увеличению расходов VISA в годовом выражении на 70 млн долл., в MasterCard – на 50 млн долл. без учета стоимости обработки транзакций через российскую НСПК. При этом в 2016 г. выручка российской НСПК за обработку транзакций международных платежных систем составила 6,2 млрд руб.

Второй этап развития НСПК в России заключался в разработке и выпуске национальной платежной карты (по результатам всероссийского конкурса карта и платежная система в целом получили название «Мир»). Эмиссия карт платежной системы «Мир» (ПС «Мир») началась 15 декабря 2015 г. Первыми национальные платежные карты выпустили Газпромбанк, МДМ Банк, Московский Индустриальный банк, РНКБ Банк, Банк «РОССИЯ», Связь-Банк и СМП Банк. В свою очередь АО «НСПК» стало оператором ПС «Мир».

С 01.07.2017 г. был начат выпуск платежных карт «Мир» для получателей бюджетных выплат при их обращении за открытием нового карт-счета. Тогда же все российские банки начали прием карт «Мир» в своих банкоматных и эквайринговых сетях. С 01.10.2017 г. их обязаны принимать все торгово-сервисные предприятия с годовым оборотом более 40 млн руб.³ Предполагается, что в 2018 г. данное требование распространится на все торговые точки в российском сегменте сети Интернет.

С 01.07.2018 г. будет начат выпуск платежных карт «Мир» для действующих получателей бюджетных выплат на счет, к которому выпущены карты других платежных систем. До 01.07.2020 г. будет осуществлен выпуск платежных карт ПС «Мир» для пенсионеров, имеющих карты других платежных систем, в рамках их планового перевыпуска⁴.

Третий этап предусматривает мероприятия по насыщению продуктовой линейки НСПК актуальными платежными продуктами и сервисами, их продвижению и развитию на территории России, а также за ее пределами.

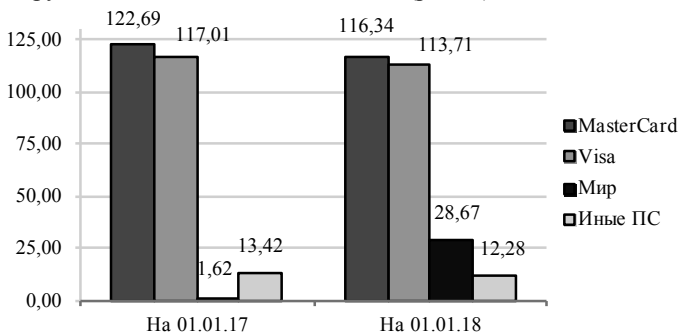
Отметим, что преимущественный выпуск карт ПС «Мир» работникам бюджетных предприятий, а также пенсионерам и студентам несет определенные риски для будущего развития НСПК. Они обусловлены, во-первых, низкими доходами данных слоев населения и, как следствие, пределом в обороте средств по таким картам. Во-вторых, работники бюджетных предприятий, а также

³ Пункт 1 статьи 16.1 федерального закона от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 18.04.2018) // СПС Консультант Плюс.

⁴ Пункт 5.3 статьи 30.5 федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изм. и доп. от 01.05.2017, вступ. в силу с 01.10.2017) // СПС Консультант Плюс.

пенсионеры в среднем значительно реже пользуются картами для платежных целей, нежели другие слои населения России.

Как показано на рисунке 1, на начало января 2017 г. было выпущено всего около 1,62 млн платежных карт ПС «Мир», а на начало января 2018 г. – уже 28,67 млн (рост более чем в 17 раз). Однако, поскольку к январю 2018 г. на территории РФ было выпущено в общей сложности более 270 млн платежных карт (кредитных и дебетовых)⁵, доля национального платежного инструмента составила всего 10,58% (рис. 2).

Источник рис. 1–3: Форма отчетности 0409250 «Сведения об операциях с использованием платежных карт и инфраструктуре, предназначенной для совершения с использованием и без использования платежных карт операций выдачи (приема) наличных денежных средств и платежей за товары (работы, услуги)», направляемой кредитными организациями в Банк России, по состоянию на 01.01.2018 г.

Рис. 1. Количество карт в России по типам платежных систем в 2016–2017 гг., млрд ед.

Как видно на рисунке 3, рынок платежных карт в регионах России развивался неравномерно. На начало января 2017 г. основная часть эмитированных карт ПС «Мир» приходилась на Южный федеральный округ. Это объясняется неразвитостью инфраструктуры по приему карт других платежных систем на территории Республики Крым и г. Севастополь. Однако к январю 2018 г. распределение карт ПС «Мир» приобрело более равномерный характер с преобладанием в наиболее густонаселенных регионах России.

⁵ Основные показатели развития национальной платежной системы // Официальный сайт ЦБ РФ [Эл. ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet001.htm&pid=psrf&sid=ITM_30245 (дата обращения: 01.02.2017).

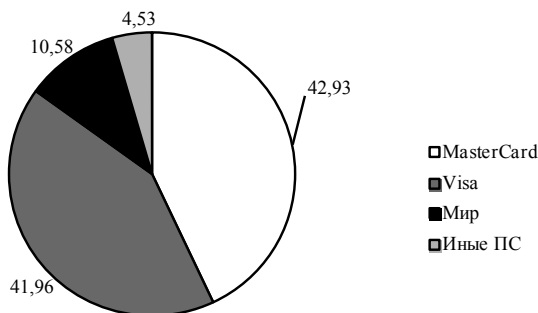

Рис. 2. Доля карт в России по типам платежных систем на 01.01.2018, %

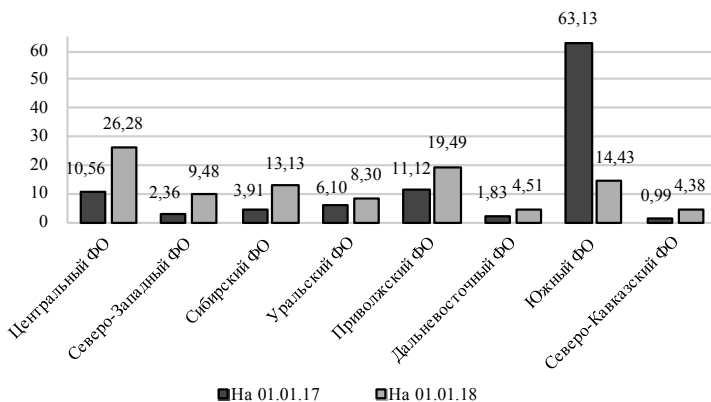

Рис. 3. Региональное распределение эмитированных карт ПС «Мир» в 2016–2017 гг., %

В преддверии 2018 г. произошел большой скачок в части эмиссии национального платежного инструмента, поэтому развитие ПС «Мир» в данный и последующие периоды представляет особый интерес для экономистов-исследователей. Так, в 2017 г. операции по картам ПС «Мир» заняли значительное место в общей доле осуществленных операций – 7,59% по сумме и 7,4% по количеству, в то время как аналогичные показатели в 2016 г. составляли всего 0,3% и 0,16% (данные за IV квартал).

Основные параметры и факторы развития российской НСПК

Развитие национальной системы платежных карт в России характеризуется следующими особенностями:

1) *создание НСПК продиктовано необходимостью защиты национального платежного пространства.* С этим связаны предельно короткие сроки эмиссии платежных карт, объединения банков-эмитентов и банков-эквайреров в единую платежно-расчетную сеть, создание инфраструктуры по приему карт на национальном уровне;

2) *для развития НСПК используются меры государственной поддержки на законодательном и административном уровнях.* К их числу относятся введение требований по эмиссии карт ПС «Мир» российскими банками, а также по приему национальных карт в существующих эквайринговых и банкоматных сетях, по переводу заработной платы и различных социальных выплат бюджетным группам населения на национальные карты и др.;

3) *развитие НСПК, несмотря на заявленный приоритет защиты национального платежного пространства, не ограничивается национальными границами.* ПС «Мир» ставит амбициозный план по выводу своих карточных продуктов на зарубежные рынки. Срок, отведенный на зарубежную экспансию карт «Мир», составляет около пяти лет – 2015–2019 гг.⁶

Наш анализ формирования и развития российской НСПК был проведен по нескольким факторам.

1. *Предпосылки создания.* Попытки создания национальной карточной платежной системы предпринимались неоднократно на протяжении 1993–2014 гг. Их инициаторами и участниками выступали коммерческие банки. Примерами могут служить система UnionCard (основана в 1993 г., объединила более 300 банков), «Золотая Корона» (основана в 1994 г., объединила более 550 банков), а также проекты ПАО Сбербанк – «Сберкарт» и «ПРО100» (1994–2016 гг.) и др. Ни один из этих проектов не дорос до общенационального масштаба из-за ограниченности средств на создание инфраструктуры и отсутствия государственной поддержки.

⁶ Например, японской платежной системе JCB, основанной в 1961 г., потребовалось 20 лет для вывода своих карт на международный уровень.

Напротив, НСПК создавалась при отсутствии явно выраженных экономических стимулов, но при этом пользовалась беспрецедентной государственной поддержкой, что было вызвано прежде всего приоритетами финансовой безопасности государства в условиях введения экономических санкций в отношении России.

Напомним, в марте 2014 г., после присоединения Россией Республики Крым, США и их союзники впервые ввели экономические санкции против отдельных российских физических лиц и организаций. Так, 21 марта 2014 г. международные платежные системы VISA и MasterCard приостановили доступ к своим платежным сервисам для банков, входящих в санкционный список (АБ «Россия», Собинбанк, СМП Банк и Инвесткапиталбанк). Далее 19 декабря 2014 г. в рамках нового пакета санкций было объявлено о прекращении выпуска и обслуживания карт VISA на территории Республики Крым и г. Севастополь, а с 26 декабря 2014 г. – и системы MasterCard.

В результате безопасность российского платежного пространства была поставлена под угрозу, несколько десятков тысяч человек оказались отрезаны от сервисов и инфраструктуры международных платежных систем. Возможным последствием введения экономических санкций против России долгое время считался также риск отключения российских банков от системы международных расчетов SWIFT⁷, которая играет важную роль в построении платежно-расчетных отношений на территории РФ [Портанский, 2014].

2. *Цели и задачи развития.* Как отмечалось, на момент создания НСПК более 90% российского рынка карточных платежей (как в количественном, так и стоимостном разрезе) приходилось на карты МПС. Реализация проекта НСПК происходила в режиме экономических санкций при низких темпах экономического роста в стране (прирост ВВП – менее 1%). Эти важные экономические детерминанты сказались на определении цели и задач развития НСПК.

Первоочередная цель заключалась в обеспечении бесперебойности операций по платежным картам, замыкании внутристрановых транзакций на одной площадке и снижении зависимости от международных платежных систем. Данная цель была выполнена путем

⁷ Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских телекоммуникаций.

создания в марте 2015 г. операционного и платежно-клирингового центра НСПК, который обеспечил перевод всех внутренних и внешних транзакций на территорию России.

Кроме того, согласно «Стратегии развития национальной системы платежных карт», целями развития НСПК являются обеспечение доступного оказания услуг по переводу денежных средств в Российской Федерации с использованием национальных и международных платежных инструментов в условиях конкуренции с существующими платежными системами, повышение доверия пользователей к безналичным расчетам⁸.

Для достижения указанных целей необходимо решение следующих основных задач: организация взаимодействия между участниками финансового рынка по осуществлению ими денежных переводов с использованием международных платежных карт и национальных платежных инструментов, обеспечение эмиссии национальных платежных инструментов, а также продвижение продуктов и сервисов НСПК на международном рынке.

Реализация данных задач осуществляется путем создания широкой инфраструктуры приема карт ПС «Мир», вступления основных игроков банковского сектора в платежную систему, заключения соглашений по совместному выпуску национального платежного инструмента со странами - участницами ЕврАзЭС, международными платежными системами.

Особенность российского платежного рынка состоит в том, что государство всегда направляло основные ресурсы на развитие платежной инфраструктуры лишь в небольшом числе крупнейших городов. Для максимального охвата населения страны сервисами и услугами ПС «Мир» эти карты были задействованы в рамках самого широкого спектра зарплатных проектов (поначалу – в бюджетных, затем – и частных предприятиях и организациях).

3. *Внутренняя структура.* Центральным эмитентом национальной системы является АО «НСПК», деятельность которого контролируется Центральным банком. На данный момент Банк России – единственный акционер общества, хотя законом допускается наличие других, включая Внешэкономбанк, иностранные и международные финансовые организации, выступающих

⁸ Стратегия развития национальной системы платежных карт, утверждена решением Наблюдательного совета АО «НСПК» 09.02.2015. С. 2 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.nspk.ru/about/investor-relations/strategy/> (дата обращения: 28.11.2017).

в качестве индивидуальных участников НСПК. У Банка России должны оставаться не менее 50% плюс одна голосующая акция.

Расчетным центром⁹ НСПК также является Банк России. Ранее расчетным центром в России для MasterCard выступал ПАО Сбербанк, а для VISA – Банк ВТБ (ПАО). Очевидно, что после перевода расчетов в ЦБ РФ прибыль ПАО Сбербанк и Банк ВТБ (ПАО) от карточных операций несколько сократилась. Однако, будучи крупнейшими клиентами ПС «Мир», они теперь аккумулируют немалые денежные средства на счетах оператора и зарабатывают на выпуске и обслуживании карт.

На начало апреля 2018 г. в ПС «Мир» вступили более 67% действующих на территории Российской Федерации банков¹⁰.

4. *Международное сотрудничество.* Несмотря на наличие очевидного конфликта между НСПК и международными платежными системами, российская система платежных карт заинтересована в международном сотрудничестве, поскольку лишь оно позволяет выйти на международные платежные рынки. На данный момент планируется выход платежной карты ПС «Мир» за пределы России путем создания единого платежного пространства со странами – участницами Евразийского экономического союза, а также за счет сотрудничества с международными системами MasterCard, JCB, AmEx, UnionPay в целях запуска кобейджинговых карт. Так, в декабре 2015 г. были выпущены первые кобейджинговые карты Мир-Maestro, в августе 2016 г. – Мир-JCB, а в июле 2017 г. – Мир-UnionPay.

Такие партнерские проекты позволяют распространять продукты и сервисы ПС «Мир» за пределами России и преодолевать неполноту функционала национальных платежных карт на начальном этапе. Однако подобное сотрудничество касается лишь ограниченных сфер взаимодействия и не обеспечивает платежный суверенитет ввиду возможного нарушения работоспособности карт при их использовании на территории других стран и создание уникальной платежной системы, способной конкурировать с мировыми.

⁹ Согласно Глоссарию терминов, используемых в платежных и расчетных системах, утвержденному Комитетом по платежным и расчетным системам, расчетным банком может являться ЦБ либо частный банк, осуществляющий денежные расчеты (Committee on Payments and Market Infrastructures. BIS, 2016. 2017. October. (Updated). P. 16).

¹⁰ Участники платежной системы «Мир». Официальный сайт АО «НСПК» [Эл.ресурс]. URL: <http://www.nspk.ru/cards-mir/uchastniki-ps-mir/> (дата обращения: 10.03.2018).

5. *Региональные проекты.* Одним из принципиальных отличий российской НСПК от международных платежных систем и, по нашему мнению, важным потенциальным конкурентным преимуществом является ее нацеленность на развитие региональных совместных проектов. На большинстве развитых и развивающихся рынков деятельность международных платежных систем ориентирована преимущественно на совмещение платежной карты и дисконт-программ различных торговых организаций.

Еще в 1998 г. в докладе Европейского центрального банка¹¹ была предложена идея создания многофункциональной карты, представляющей собой инструмент, который, в дополнение к функции хранения стоимости, может включать другие платежные возможности, например, функцию дебетовой или кредитной карты и/или неплатежные функции. Попытка реализации данной идеи была осуществлена в области здравоохранения. Так, медицинские учреждения по всему миру начали разрабатывать проекты по совмещению в одном карточном продукте платежной функции и сведения о состоянии здоровья держателя этой карты, предназначенных для использования при оказании скорой и неотложной помощи. Однако большинство проектов, даже наиболее крупные и многообещающие, такие как европейская карта CARDLINK, немецкая МРК и французская VITALE-2, оказались свернуты по причине дороговизны выпуска карты, отсутствия должной инфраструктуры и недооценки сложностей внедрения подобных карточных систем, из-за которых они не были восприняты ни врачами, ни пациентами [Быстров, 2005].

В настоящее время, сотрудничая с правительствами субъектов РФ, крупнейшими банками и частными компаниями, НСПК реализует наделение платежных карт ПС «Мир» дополнительным функционалом, что позволит повысить привлекательность карт и стимулировать более активнее их использование на территории страны. Например, у НСПК уже заключены ряд соглашений с правительствами некоторых регионов по выпуску многофункциональной смарт-карты на базе ПС «Мир».

В таблице 1 представлены основные региональные проекты, реализуемые российской НСПК в сотрудничестве с региональными банками и частными компаниями.

¹¹ Report on electronic money //European Central Bank. 1998. August. P. 40.

Таблица 1. Основные региональные проекты, реализуемые НСПК¹²

Проект	Карточный инструмент, используемый в проекте	Сроки подписания и реализации проекта	Участники
Социальная карта москвича	Многофункциональная персонализированная смарт-карта на базе платежной карты ПС «Мир», которая будет совмещать в себе следующие приложения: – платежное; – идентификационное; – электронная подпись; – социальные услуги (хранение информации о полисе ОМС, СНИЛС и др.); – транспортное	Подписание меморандума	Центральный банк Российской Федерации и Правительство Москвы
Единая карта петербуржца		Подписание меморандума на XXV МФК 30.06.2016	Центральный банк Российской Федерации и Правительство Санкт-Петербурга
Карта жителя Ростовской области		Подписание соглашения 17.06.2016 г.	АО «НСПК», Правительство Ростовской области, Банк «Центр-инвест»
Единая социальная электронная карта (Республика Мордовия)		Подписание соглашения 06.07.2016 г.	АО «НСПК», АККСБ «КС БАНК», Республика Мордовия
ЕКАРТА (Екатеринбург)	Платежная карта ПС «Мир» с региональным транспортным приложением	Международная выставка «Иннопром-2016» 11.07.2016 г.	АО «НСПК», ГПБ (АО), администрация Екатеринбурга
Платежная карта жителя республики (Карачаево-Черкесская Республика)	Многофункциональная персонализированная смарт-карта на базе платежной карты ПС «Мир», которая будет совмещать в себе следующие приложения: – платежное; – идентификационное; – электронная подпись; – социальные услуги (хранение информации о полисе ОМС, СНИЛС и т.п.); – транспортное	Подписание соглашения на XV Международном Инвестиционном форуме 30.09.2016	АО «НСПК», ПАО «Связь-Банк», Карачаево-Черкесская Республика
Карта жителя Республики Татарстан		Подписание меморандума на Форуме FINOPOLIS-2016 13.10.2016 г.	Центральный банк Российской Федерации, Правительство Республики Татарстан
Карта жителя Республики Башкортостан		Подписание соглашения 24.11.2016 г.	АО «НСПК», Правительство Республики Башкортостан, ПАО «Банк УРАЛСИБ»
Карта жителя Нижегородской области		Подписание соглашения на X Международном форуме инновационных технологий «ITFORUM2020/Цифровой мир» 12.04.2017 г.	АО «НСПК», правительство Нижегородской области

¹² По материалам «круглого стола» платежной системы «Мир» на Форуме инновационных финансовых технологий Finopolis 2017 [Эл. ресурс]. URL: http://www.nspk.ru/about/press/news_project/karty-mir-skoro-mozhno-budet-zagruzit-v-smartfon/?sphrase_id=25234 (дата обращения: 28.11.2017), а также официального сайта платежной системы «Мир» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.mironline.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

Продолжение табл. 1

Проект	Карточный инструмент, используемый в проекте	Сроки подписания и реализации проекта	Участники
Карта для учащихся высших учебных заведений	Совмещение платежного и идентификационного функционала, ключа к инфраструктуре университета и транспортного приложения	Массовый выпуск с начала 2018 г.	АО «НСПК», кредитные организации и высшие учебные заведения. Например, уже реализованы карты учащихся в МГСУ и ЮФУ

Таким образом, многофункциональная карта на базе ПС «Мир» может соединить в себе удобство пользования финансовыми и нефинансовыми инструментами, адресную социальную поддержку и прозрачность расходования бюджетных средств. Важно, что названные и иные приложения могут функционировать независимо друг от друга, что обеспечивает широкий спектр возможностей для их разработчиков и пользователей.

6. *Потенциал развития и источники финансирования.* При учреждении АО «НСПК» Банк России внес 0,5 млрд руб. в его уставный капитал. Согласно уставу АО «НСПК», общество вправе выпустить акции на 4 млрд руб. в дополнение к вложенной сумме, к чему оно и прибегло в 2015 г., после чего уставный капитал АО «НСПК» составил 4,3 млрд руб.

Для сравнения: финансирование проекта создания UnionPay в размере более 1,65 млрд юаней (240 млн долл. США) [Царенко, 2014] осуществлялось в рамках кредитной линии Всемирного банка, состоящего из двух взаимосвязанных подразделений: Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международной ассоциации развития (МАР). Также для реализации проекта UnionPay потребовалась поддержка центральных банков США, Великобритании, Японии, Германии и Швейцарии.

Очевидно, что расширение инфраструктуры, разработка и продвижение платежных продуктов и сервисов требуют больших финансовых вложений. Однако, по данным годовой финансовой отчетности АО «НСПК», уже начиная с 2016 г. все операционные и инвестиционные расходы осуществлялись обществом исключительно за счет собственных средств. Деятельность АО «НСПК» показывает стабильный рост: по итогам 2017 г. чистая прибыль составила 3,3 млрд руб., что на 27,5% превышает аналогичный показатель за 2016 г., уровень рентабельности – 36,7%. Существенное влияние на результаты прибыли

оказала выручка компании, составившая в 2017 г. 7,9 млрд руб. и увеличившаяся за год на 1,7 млрд руб.¹³

Для поддержания финансовых результатов и дальнейшего расширения деятельности АО «НСПК» необходимо привлекать максимальное количество участников в лице кредитных организаций, иностранных банков и международных финансовых организаций, которые являются посредниками между операторами и конечными потребителями карточных продуктов.

Ввиду того, что главная роль в организации раскрытия банкоматной и эквайринговой сети лежит на кредитных организациях, а на торгово-сервисные предприятия ложится основное бремя по оплате комиссии за обслуживание операций по оплате товаров и услуг по карте, одним из ключевых стимулов для привлечения большего числа участников в ПС «Мир» являются конкурентоспособные тарифы. В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа различных направлений тарифной политики международных платежных систем Visa и MasterCard и карты ПС «Мир».

Как можно видеть из таблицы, АО «НСПК» предлагает довольно привлекательные условия для кредитных организаций, желающих осуществлять прием платежной карты ПС «Мир». Банк России в настоящее время не раскрывает информацию по состоянию платежной инфраструктуры ПС «Мир». Однако, по данным АО «НСПК», на начало 2018 г. не все электронные терминалы в торгово-сервисных предприятиях были переоборудованы под их прием¹⁴. В этой связи любой гражданин в случае отказа приема карты ПС «Мир» в торговой точке может обратиться с жалобой в Роспотребнадзор.

Данные прецеденты подтверждают правильность выбора Банком России в качестве одной из своих стратегических целей увеличение доли безналичных расчетов в общем количестве платежей к 2020 г. Таким образом, несмотря на то, что закон устанавливает обязательность приема карт ПС «Мир» только для торговых точек с годовым оборотом более 40 млн руб., государственным

¹³ Годовой отчет Акционерного общества «Национальная система платежных карт» за 2015–2017 гг. [Эл. ресурс]. URL: http://www.nspk.ru/about/investor-relations/disclosure/annual_reports/ (дата обращения: 28.03.2018).

¹⁴ Принимают карту платежной системы «Мир» [Эл. ресурс]. URL: <http://mironline.ru/service/#allservice> (дата обращения: 10.03.2018).

и надзорным органам следует разработать меры стимулирования торговых сетей, годовой оборот которых меньше указанной суммы, к использованию безналичных инструментов в расчетах, например, введя в Налоговый кодекс РФ поправки, предусматривающие налоговые льготы на основании оборотов по карточным транзакциям. Таким образом, речь идет о постепенном переходе от чисто административных методов воздействия на торговые и сервисные точки к экономическим, призванным стимулировать их заинтересованность в приеме карт ПС «Мир».

Таблица 2. Сравнение тарифов платежной системы «Мир» с ведущими МПС¹⁵

Тариф	«Мир»	Visa	MasterCard
Вступительный взнос	Отсутствует	Прямой участник – до 335 тыс. долл. (20,1 млн руб.)	Прямой участник – от 30 тыс. до 150 тыс. евро (от 1,95 до 9,8 млн руб.)
За оборот по картам, минимальная плата	Отсутствует	От 15 тыс. до 30 тыс. долл. (от 900 тыс. до 1,8 млн руб. в квартал)	25 тыс. евро (1,6 млн руб. в квартал)
За оборот по картам, от объема операций	0,3%, но не более 3 руб. (дебетовая, предоплаченная карта), 0,8–2% (другие карточные продукты), только межбанковский оборот	0,01–0,05%, межбанковский и внутрибанковский оборот	0,01–0,05% межбанковский и внутрибанковский оборот
Первоначальная настройка	400–600 тыс. руб. одновременно (с 01.02.2017 по 31.01.2018 тариф не применялся)	19 тыс. долл. (1,14 млн руб.)	18 тыс. евро (1,15 млн руб.)
Предоставление идентификатора (БИН)	10 тыс. руб. одновременно	3 тыс. долл. (180 тыс. руб.)	250 евро (16 тыс. руб.)
Доступ к сети передачи данных	50 тыс. руб. ежемесячно (оплачивает только прямой или системный участник)	3 тыс. долл. (180 тыс. руб.) – прямой участник, 1,5 тыс. долл. (90 тыс. руб.) – косвенный	от 2,5 тыс. евро (160 тыс. руб.)

¹⁵ Правила и тарифы платежной системы «Мир» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.nspk.ru/cards-mir/terms-and-tariffs/> (дата обращения: 05.01.2018); правила и тарифы платежной системы Visa [Эл. ресурс]. URL: <https://www.visa.com.ru/visa-everywhere/about-visa/legislation.html> (дата обращения: 05.01.2018); правила и тарифы платежной системы MasterCard [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mastercard.ru/ru-ru/about-mastercard/what-we-do/rules-fees.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Следующие дополнительные меры могут помочь привлечь большее количество участников в НСПК (держателей карт и кредитных организаций) и повысить интенсивность развития расчетов по платежным картам в российских регионах:

1) предоставление льготных условий при осуществлении платежей в пользу бюджетов всех уровней, муниципальных, федеральных унитарных предприятий и иных государственных организаций с использованием национального платежного инструмента (например, Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах, при оплате общественного транспорта, услуг ЖКХ и пр.);

2) аккумулирование средств физических лиц, находящихся на картах кредитных организаций, и направление их на реализацию инвестиционных проектов на региональном уровне;

3) активизация финансовых потоков внутри региона посредством продвижения различных социальных программ населению на базе национального платежного инструмента.

Выводы

В результате проведенного исследования развития национальной системы платежных карт в России можно сделать следующие выводы.

Формирование российской НСПК обусловлено потенциальными рисками, связанными с угрозой потери финансовой безопасности государства, которая проявилась после введения экономических санкций со стороны США. В отличие от международных карточных платежных систем российской НСПК приходится решать задачу не столько по международному масштабированию своего бизнеса, сколько по завоеванию доли на платежном рынке России, на котором господствуют международные платежные системы.

В настоящее время российская НСПК недостаточно развита с точки зрения как количества выпущенных карт, так и интенсивности их использования: на начало 2018 г. доля национального платежного инструмента в общем количестве эмитированных карт составила всего 10,58%, а за IV квартал 2017 г. доля осуществленных операций составила 7,59% по сумме и 7,4% – по количеству. Поэтому ПС «Мир» в настоящее время следует

рассматривать как специализированную, а не универсальную платежную систему.

На нынешнем этапе развития НСПК уделяет особое внимание реализации многофункциональных платежных, транспортных и социальных проектов в разных российских регионах.

По территории страны использование карт ПС «Мир» распределяется достаточно равномерно с преобладанием в наиболее густо населенных регионах. Потенциальными пользователями национальных карт являются работники бюджетной сферы, а также пенсионеры и студенты, что предполагает наличие определенных рисков, связанных с ограничениями в размерах доходов данных слоев населения и в интенсивности использования данных карт в платежных целях.

При этом государственные меры по поддержке развития ПС «Мир» на законодательном и административном уровне можно признать оправданными лишь на начальном этапе формирования НСПК. Эти меры не должны заменять экономические стимулы по более широкому и интенсивному использованию национальных платежных карт, а также нивелировать рыночную конкуренцию на платежном рынке.

Чтобы стимулировать более интенсивное использование карт ПС «Мир» в безналичных платежах, НСПК необходимо сохранять привлекательные для участников платежной системы тарифы, кредитным организациям – совершенствовать инфраструктуру приема и расчетов по платежным картам и поддерживать развиваемую ПС «Мир» единую программу лояльности. Кроме того, необходимо повышать доверие к финансовым институтам среди населения и уровень их финансовой грамотности. Первые шаги в этом направлении осуществляет Банк России с Министерством образования России, вводя занятия по финансовой грамотности в образовательных учреждениях.

В целом российская НСПК сможет успешно конкурировать с международными системами на национальном платежном рынке лишь в том случае, если будет способна создавать более привлекательные условия для пользователей карт ПС «Мир», внедрять инновации в сфере приема и обработки платежей. Например, возможность совершать бесконтактные платежи с различных мобильных устройств и быстрые транзакции в Интернете с использованием более безопасных и надежных технологий

хранения данных, а также предлагать ценовые, структурные и функциональные преимущества по своим платежным продуктам для разных участников.

Литература

Портанский А.П. Антироссийские санкции – меры деструктивные или контрпродуктивные // Деньги и кредит. 2014. № 10. С. 8–10.

Быстров Л.В. Пластиковые карты. М.: Изд. группа «БЦД-Пресс», 2005.

Царенко И.А. Национальная платежная система – риски и перспективы // Банковское дело. 2014. № 11. С. 66–68.

Статья поступила 03.02.2018.

Summary

Kochergin D. A., Iangirova A. I., St. Petersburg State University

Development of the National Payment Card System in Russia in the Conditions of Economic Sanctions

The article deals with the establishment of the Russian National Payment Card System (NPCS), which is demands special care. The purpose of this article is studying implementation stages of the first independent payment system in Russia. The key indicators of the NPCS contemporary development have been thoroughly investigated. It is concluded that to ensure the fair competition in the market of payment cards it is vital to pay attention on improving the payment infrastructure and implementation the economic incentives for the «Mir» payment system participants. The authors consider that in the long-term period the Russian NPCS would be able to compete with international payment systems in case it got ready to implement innovations and offer price and functional advantages of the proposed products.

It is expected that the results revealed can be used by economists-researchers, credit institutes and national regulating authorities for improvement of the NSPC development in the conditions of economic sanctions and also for stimulation of cashless payments growth in the country.

Payment system; the National Payment Card System; cashless payment instruments; «Mir» payment card

References

Portansky A. (2014). Anti-Russian sanctions – destructive or counterproductive sanctions. Money and credit scientific review. No. 10. Pp. 8–10. (In Russ.)

Bystrov L. (2005). Plastic cards. Moscow, Publishing group «BCD-Press». (In Russ.)

Tsarenko I. (2014). National payment system – risks and prospects. Banking. No. 11. Pp. 66–68. (In Russ.)

Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г.

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: krass49@gmail.com

В статье предпринято переосмысление причин, целей, средств и результатов организации и проведения одного из крупнейших советских судебных политических процессов (Шахтинский, 1928 г.). Обосновывается, что процесс, по форме направленный против «спецов-вредителей», был в реальности ответом, способом выхода партийного государства из глубокого системного кризиса (падение его легитимности, рост негативизма рабочих к институтам власти, разрастание социальной напряженности). Положив в основу показательного суда модель и технологии конфликтной мобилизации («мы – они»), сталинское руководство не только пожертвовало интересами и статусом специалистов, но и прагматично использовало ресурс недовольства самих рабочих «отложенной» реализацией продекларированных для них льгот и преференций. Доказывается, что, перенацеливая протестный активизм рабочих в безопасное для себя русло «спецеедства» и поощряя настроения социального реванша «низов» в отношении интеллигенции, власть тем самым порождала и углубляла новые кризисные ситуации (деформация социально-трудовых отношений, расширение действия административных и репрессивных практик в сферах управления и экономики).

Ключевые слова: кризис легитимности власти, рабочий протест, социальная мобилизация, Шахтинский судебный процесс, «кампанейское правосудие»

В течение почти полутора месяцев (18 мая – 6 июля 1928 г.) Колонный зал Дома союзов, традиционно использовавшийся советской властью для проведения официальных и праздничных мероприятий в абсолютно позитивном контексте, оказался оперативно перепрофилирован для совершенно иного действия. Здесь разворачивался один из самых знаковых открытых судебных политических процессов раннесоветской эпохи: судили «организаторов» и «исполнителей» «экономической контрреволюции в Донбассе». Все обвиняемые (53 чел., в том числе трое немецких подданных) по своей производственной и управленческой деятельности были связаны с трестом «Донуголь», в который входили предприятия Северо-Кавказского края и Украины. Тем не менее судебный процесс стал именоваться «Шахтинским» – по названию города Шахты, где местные, а затем прибывшие

им в подкрепление ростовские чекисты и «обнаружили» первые «вредительские организации» технической интеллигенции. «Вредителям» инкриминировали акты саботажа, связи с находившимися в эмиграции бывшими хозяевами угольных шахт и другие «контрреволюционные деяния». По целям и уровню мощнейшей идеолого-пропагандистской кампании, охватившей разные слои и группы общества, к данному процессу вполне применим термин, введенный в научный оборот немецким историком Мальте Рольфом [Рольф, 2009. С. 7], изучавшим природу и формы развития массовых советских праздников – «**инсценирующая диктатура**».

Процесс, которого не могло не быть

До недавнего времени историки и юристы, изучая крупные, получавшие мировой резонанс судебные процессы в СССР 1920–1930-х гг., были в известной мере детерминированы в своих подходах и оценках. В советской историографии безоговорочно исповедовалась догма «Краткого курса» о логике «ликвидации эксплуататорских классов» с их все более опасными формами классовой борьбы и будто бы разветвленным подпольем. Новейшая постсоветская историческая традиция сформировала свою парадигму исследования и оценок: подчеркивается, что практически все показательные судебные процессы не имели под собой не только достаточной, но вообще никакой правовой основы и носили фальсифицированный характер, где «царицей доказательств» выступало собственное признание в совершенных «преступлениях», о чем открыто говорили в своих выступлениях и Н. Крыленко (государственный обвинитель), и А. Вышинский (председатель суда) [цит. по: Судебный процесс «Промпартии», 2017. С. 729].

Что же ищут современные исследователи в этих судебных постановочных действиях, коль скоро для многих историков и публицистов «и так все ясно!»? Очевидно, что необходимо рассмотреть эти события не только в аспекте изучения технологий фальсификаций (чекистских, судебных, пропагандистских), но и того, каковы глубинные причины перерастания достаточно банального «дела», каких были сотни, в масштабный процесс; каково было целеполагание того или иного процесса и в какой мере их явные или скрытые цели оказались достижимыми; насколько инициаторам процессов удалось избежать негативных

последствий, вызванных «инсценированными» публичными судами? Данная публикация содержит авторское видение ответов на поставленные вопросы и основана на изучении следственных материалов по «Шахтинскому делу», неопубликованных стенограмм процесса и делопроизводства Политбюро ЦК ВКП(б) (более двухсот единиц хранения).

Начнем с причин «Шахтинского дела», первого в ряду «Больших вредительских процессов»: далее последовали процессы «Промпартии» (1930) и «меньшевистский» (1931). Все советские, да и значительная часть современных историков, рассматривают «Шахтинское дело» в системе либо политических координат (инструмент внутриэлитной борьбы и начало наступления Сталина на «правых»), либо социальных (смена партийного курса в отношениях власти и «старых спецов»), либо экономических (углубление экономических противоречий и кризис нэпа, для которых требовалось отыскать виновных). Можно сказать, что весной 1928 г. все три причины сошлись в одной точке, а «спецы» оказались так называемой группой риска.

На укрепление этой позиции должен, казалось бы, работать и тот факт, что в это время возникла мощнейшая конфликтная ситуация по линии «город – деревня», обозначенная в советской литературе как «кулацкая хлебная стачка», а позднее – «кризис хлебозаготовок». На состоявшемся в апреле 1928 г. Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) ключевыми вопросами были названы причины хлебозаготовительного кризиса и уроки, извлеченные из него, и «Шахтинское дело» в той же постановке. Агитпроп, развернувший после Пленума обе кампании, упирал на редуцированное объяснение причин: в первом случае – «кулак регульнул», во втором – «регульнул спец-вредитель». Хотя, как самокритично считал Н. И. Бухарин, «мы сами себя регульнули» [Бухарин, 1990. С. 273].

Но если принять на веру обе причины, то возникает вполне резонный вопрос об «уроках» и мерах, предпринятых властью в ответ на эти «контрреволюционные угрозы». «Размычка» с деревней, которая была куда масштабнее и опаснее вредительства «спецов» в отдельном угольном тресте, имела ответом развертывание в феврале–мае 1928 г. репрессивных акций по привлечению к судебной ответственности «злостных держателей хлеба» (ст. 107 УК РСФСР). По предложению Сталина под эту статью,

ранее нацеленную против спекулянтов и перекупщиков зерна, «подвели» его прямых производителей – крестьянские хозяйства. Суды, носившие демонстрационный, показательный характер, все же проходили на уровне районного центра и имели прагматичную цель – «подхлестнуть» хлебозаготовки. Затем, чтобы умиротворить всколыхнувшееся крестьянство перед началом полевых работ, кампанию свернули, низовых работников обвинили в «перегибах», часть из них осудили на реальные сроки.

Уроки «Шахтинского дела» привели к иной, куда более мощной и значимой для власти мобилизационно-пропагандистской кампании, кульминацией которой стал громкий процесс 18 мая – 6 июля 1928 г. над «спецами-вредителями». В целом же, с периода следствия и послепроцессной пропаганды, «шахтинская» кампания продолжалась с марта и до конца 1928 г. и не сводилась лишь только к судебному процессу, обозначив целый спектр насущных задач: ускорение подготовки «новых кадров красных специалистов»; усиление выдвижения рабочих на административные должности; более широкое вовлечение масс в работу производственных совещаний, контрольных комиссий; устранение недостатков в работе на производстве так называемых треугольников (руководителей хозяйственных, профсоюзных и парторганизаций)¹.

1927-й год: кризис большевистской легитимности?

Как видим, «Шахтинское дело» не сводилось только к «искоренению вредительства», а являлось лишь своего рода ярким, публичным действием в ряду «хозяйственно-политических» кампаний 1928 г. Чтобы понять его более глубинные причины и основания, обратимся к событиям 1927 г. Их социально-политическая динамика определялась двумя факторами: «военная тревога» и десятилетняя годовщина Октября. Под «военной тревогой» подразумевались конфликты и проблемы в сфере межгосударственных отношений (разрыв дипломатических отношений с Англией; убийство полпреда П. Войкова в Варшаве; подавление попытки рабочего мятежа в Китае). Развернувшаяся

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1953. М., 1953. 1024 с. [385–390]

пропагандистская кампания сплочения народа перед лицом угрозы интервенции привела к неожиданным для власти результатам. Обладавшее горьким опытом выживания в экстремальных условиях население лихорадочно запасалось всем необходимым, создав коллапс на потребительском рынке. Но для власти оказалась важна не столько поведенческая паника, которая через несколько месяцев несколько улеглась, хотя в сознании обывателей «осадок остался»), сколько обнаружившееся во многих слоях населения отсутствие желания «брать винтовку». Безусловно, социологического мониторинга с выявлением доминировавших настроений с их долевыми распределениями проводиться не могло. Однако выявилась очевидная поляризация мнений, причем массовыми оказались условно «оборонческие» и даже «пораженческие» настроения. Это стало сигналом об отсутствии безоговорочной поддержки власти населением в случае военной интервенции.

Власть не мог не беспокоить и обострившийся «рабочий вопрос». Рассматривая ситуацию в сфере труда ретроспективно, за несколько предыдущих лет, нельзя не отметить, что в годы нэпа постоянно нарастала, а затем приобрела устойчивый характер напряженность в производственных коллективах, выразившаяся в стихийных, а затем и организованных волнениях (забастовках). Недовольство и протестные настроения охватывали все категории рабочих (от кадровых до малоквалифицированных); в забастовках участвовали даже члены партии и комсомольцы, а также профсоюзные низовые работники. Между тем для внутренней политики большевиков абсолютным приоритетом, предметом особой озабоченности были взаимоотношения власти с рабочими, в доктринальном смысле объявленными не просто «передовым классом», но и символом нового режима.

Если отвлечься от идеологическо-пропагандистских постулатов, формировавших в лице рабочих «правильную» (нормативную) политическую и социокультурную идентификацию, на которую призваны были равняться другие страты, и погрузиться в реалии социально-трудовых отношений на производстве, то именно здесь возникали, накапливались и вспыхивали всевозможные конфликты и нестыковки, создававшие почву для, пользуясь терминологией эпохи, «размычки» между рабочими и властью.

Рабочим позволялось многое из того, что было недоступно другим, «непролетарским» слоям и профессиям: преференции в образовательной сфере (рабфаки), в номенклатурном продвижении (выдвиженчество), при приеме в партию и любые общественные организации; рабочий статус давал определенные преимущества в суде (мягкость приговоров) и при исполнении наказания и т.д.

Однако за все это рабочим требовалось платить достаточно высокую социально-политическую цену в виде не просто выражения лояльности режиму, но активной и безоговорочной его поддержки. Рабочие являлись средой приоритетного социально-профессионального пополнения партийных и комсомольских рядов. Рабочие-партийцы, остававшиеся на производстве, обязывались в порядке партийной дисциплины поддерживать все, в том числе и самые непопулярные решения администрации, часто шедшие вразрез с насущными интересами рабочей массы. Своего рода «заложничество» рабочих-активистов создавало и усиливало двойственность их положения в трудовых коллективах.

В самой партии, начиная с середины 1920-х гг., динамика приливов (приема в партию) и отливов (выбытия по тем или иным причинам) становилась тревожной. В 1926 и 1927 гг. число вступавших в партию сокращалось, а выходы из нее увеличивались. На металлургическом комбинате «Югосталь» (Украина) из парт-организации численностью 1500 чел. летом 1927 г. вышла пятая часть ее состава, но и на оставшихся нельзя было положиться. В 1928 г. в 7,4% случаев организаторами забастовок выступали члены партии и комсомольцы [Великанова, 2017. С. 22, 117]. На производстве накапливался немалый потенциал «бывших», покинувших партию по разным причинам, но сохранявших свой активизм, проявлявшийся во время трудовых конфликтов.

Трудовые отношения на производстве оказывались главным полем, где нарастала социальная напряженность и напрямую сталкивались интересы различных групп рабочих и рабочих коллективов в целом и интересы государства «пролетарской диктатуры». Так называемые треугольники, призванные обеспечить баланс интересов управляемых и управленцев (профсоюзов, партийных организаций и хозяйственников), плохо справлялись с этой задачей. Вследствие хронических сбоев на производстве и периодически проводившихся кампаний по рационализации

(как правило, сопровождавшихся пересмотром норм выработки и снижением расценок) деятельность этих треугольников воспринималась рабочими как наступление на их трудовые права всей управленческой вертикали с падением авторитетности власти, справедливо ассоциирующей с партией. Приведенные в диаграммах динамика и структура забастовок в стране во второй половине 1920-х гг. отчетливо показывают рост рабочего протеста к 1928 г. и определенный спад после, что является сюжетом отдельного аналитического разбора (рис. 1, 2).

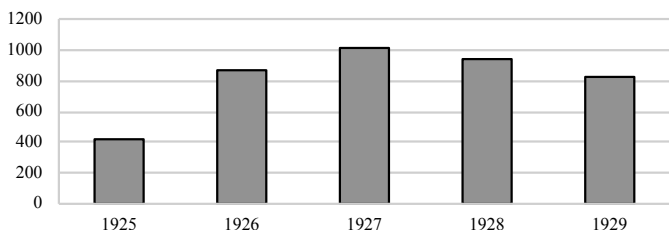

Рис. 1. Количество забастовок в России в 1925-1929 гг.

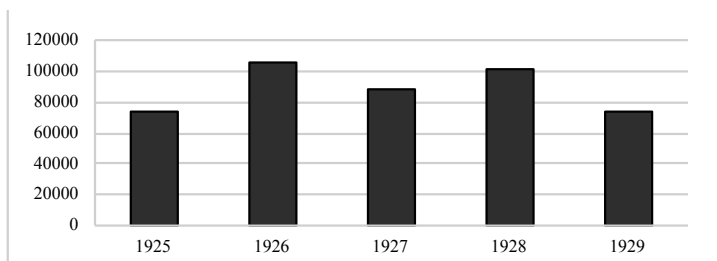

Рис. 2. Число участников забастовок в России в 1925-1929 гг., чел.

Здесь же отметим лишь, что экономический протест рабочих, становившийся устойчивым «раздражителем» для власти, покуда он не начал перерастать в более опасные формы, следовало перевести в иное русло, придав ему социально-политический характер. В этом смысле как нельзя более на руку власти оказалось распространение в широких рабочих массах так называемых антиспецовских настроений, или «спецеество».

«Большой» показательный судебный процесс над «спецами-вредителями» был жизненно необходим для власти весной

1928 г., чтобы решить задачу восстановления распадающейся «смычки» с рабочей массой. Будучи по форме судом над группой управленческо-технической интеллигенции Донбасса, Шахтинский процесс содержательно имел куда более глубокие социально-политические причины и мотивы. Он был «поставлен» большевистским руководством ради и для рабочей среды, а «спецы» являлись объектом общей социальной неприязни, сближавшей тех и других.

«Вредительство» как угроза, «спецеество» как реальность

Как и большинство социальных фобий, интеллигентофобия (и-фобия) (авторский термин – С. К.) имела свои прочные корни и основания еще в позднеимперском обществе. Согласно данной точке зрения, интеллигенция, участвуя в рабочем движении, являлась не союзником, а потенциальным противником пролетариата, на плечах которого в ходе социальной революции она придет к власти в качестве нового эксплуататорского класса. На уровне цивилизационном речь шла, безусловно, о конфликтах между работниками умственного и физического труда. В России и-фобия проявляла себя в эксцессах на производстве, когда инженеры, имевшие высокий социальный статус и включенные в систему управления производством, естественно, ассоциировались в сознании рабочих с «эксплуататорами».

Послереволюционная и-фобия, обозначенная новоязом как «спецеество», произрастала и воспроизводилась во многом на прежней основе, базируясь на социально-культурных антагонизмах, обострившихся в революционную эпоху. Положение интеллигенции в постреволюционном обществе осложнялось инерционностью социально-экономических отношений в производственной сфере. Несмотря на радикальные политические сдвиги, ролевые функции рабочих и специалистов оставались здесь прежними – на большинстве предприятий сохранялись и воспроизводились иерархические отношения между управленцами и рабочими. Возникало очевидное противоречие между декларированными политическими предпочтениями в пользу рабочих и их реальным статусом наемных работников, находившихся в зависимом положении от «буржуазных спецов», которые к тому же имели, очевидно, более высокий уровень жизни (в 1925 г. средняя

зарплата высококвалифицированных специалистов в металлургии в 5–6 раз превосходила зарплату квалифицированного рабочего и в 10 раз – чернорабочего) [Федюкин, 1972. С. 296]. Взятый руководством страны курс на форсированную индустриализацию, требовавший социальных жертв и издержек, в том числе от рабочего класса, только усилил социальную напряженность, и, соответственно, «спецеество» «снизу».

«Спецеество» «сверху» также имело свои причины и динамику. Если ядро новой правящей бюрократии составили вчерашние политические маргиналы, большинство из которых были выходцами из радикальной интеллигенции, то основная масса советских управленцев рекрутировалась из социальных слоев с невысоким культурным уровнем. Будучи маргинальной по источникам своего пополнения и социокультурным характеристикам, формирующаяся советская номенклатура не могла не прибегнуть к социально-политической мимикрии, встраиваясь в собирательную категорию «служащие», внутри которой советские переписи выделяли их в качестве особой группы «руководящий персонал». Среди последних, составлявших по переписи 1926 г. 328 тыс. чел., половина была представлена лицами в возрасте до 30 лет². Не обладая достаточным опытом для принятия и реализации управленческих решений, новая номенклатура не могла обойтись без специалистов, составлявших управленческую «периферию», но именно их необходимость формировала к ним корпоративную неприязнь со стороны новой элиты. В кризисных ситуациях, наиболее крупной из которых после окончания Гражданской войны стал системный кризис 1927–1928 гг., бюрократия без сожаления жертвовала частью своей «периферии», переводя массовое социальное недовольство «низов» в русло и-фобии.

«Рабочая линия» в «Шахтинском деле»

Установив, что в процессе против «вредителей» большевистское руководство сознательно и акцентированно использовало негативизм рабочих в отношении производственно-технической интеллигенции, покажем далее, какая роль отводилась рабочим

² Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 1930-х годов). М.: Мысль, 1979. 343 с. [С. 168, 169]

на стадии «вскрытия» «вредительства» в Шахтинском рудоуправлении. Впоследствии сами чекисты признавали, что мотивом к следственным действиям в отношении специалистов выступали систематические жалобы рабочих о допущенных нарушениях на производстве (не выходявших, впрочем, за пределы рутинных экономических претензий: низкие расценки, несвоевременные выплаты заработной платы, обшеты и т.д.).

Ситуация стала резко меняться летом – осенью 1927 г., после того как чекисты начали искать в такого рода «сигналах» политическую составляющую, которую можно было определить как «вредительство». На этой стадии следствия, которое велось силами сотрудников Шахтинского оперсектора с брошенной к ним на усиление группой сотрудников Экономического управления (ЭКУ) Ростовского ОГПУ, «рабочая линия» эксплуатировалась путем давления на арестованных посредством показаний рабочих и очных ставок с ними. Так, в следственном деле управляющего одной из шахт Н. А. Гавришенко (671 лист; арестован в июне 1927 г., покончил с собой 30 января 1928 г., выбросившись во время допроса из окна здания ОГПУ в Ростове-на-Дону) сохранились более ранние (апрель 1927 г.) заявления от ряда рабочих о невыплате им причитающихся премий. Есть документированные данные об интенсивности следственных действий (список 72 опрошенных свидетелей, протоколы 20 очных ставок с рабочими, дававшими против него показания) [Шахтинский процесс... Кн. 2, 2011. С. 1004].

Помимо производственной сферы, чекисты пошли по пути активной проработки прошлой деятельности и поведения специалистов, особенно в период революции и Гражданской войны. Политический компромат оказался результативнее производственного. В этом пространстве чекистам куда легче было выдвигать обвинения и давать оценки действиям арестованных, а последним труднее было оправдываться. В ход шли показания как рабочих, так и бывших агентов белых спецслужб³.

Другие важные и весьма символические жесты в сторону рабочих совершались уже в ходе судебных заседаний. Так, в состав суда, помимо профессиональных юристов (А. Я. Вышинский, В. П. Антонов-Саратовский и М. И. Васильев-Южин), были

³ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 42. Л. 91–91 об.

включены рабочий Н. Курченко из Горловки (крепильщик, член партии, профсоюзный активист) и С. А. Киселев от рабочих Москвы. Данное обстоятельство призвано было зафиксировать особую роль рабочих как активных участников процесса. Среди тщательно отобранных свидетелей, выступавших в судебных слушаниях, преобладающей была доля рабочих. По квотам на получение удостоверений для присутствия на суде (с периодической сменой состава аудитории) приоритет также отдавался рабочим, а за формирование списков от предприятий не только Москвы, но и других рабочих центров отвечал ВЦСПС.

Наиболее агрессивно и разнопланово «рабочая линия» проявила себя в ходе агитационно-пропагандистской кампании, развернутой вокруг «Шахтинского дела». Газетно-журнальные полосы в предпроцессный период, а также во время самого суда наполнялись публикациями и материалами о реакции рабочих коллективов на «вскрытую экономическую контрреволюцию в Донбассе» с требованиями «суровой расправы» над «вредителями». Если рассматривать результативность развязанной кампании с точки зрения воздействия на основную целевую аудиторию в лице рабочих, то нет сомнений в том, что ее главная задача оказалась реализованной: социальное недовольство рабочих было перенаправлено в нужное для власти русло, на «спецов-вредителей».

В качестве примера приведем сведения о настроениях рабочих-горняков в Луганском округе Донбасса накануне и по итогам Шахтинского процесса (из годовой сводки окротдела ГПУ за 1928 г.): «Аресты среди технического персонала всколыхнули рабочих; особенно это понятно в условиях горной промышленности, где между рабочими и техническим персоналом на почве разительной разницы в условиях быта существует легко прощупываемый антагонизм. Условия быта горняка при наличии скверных жилищных условий, тяжелых форм работы, неполадок в производстве – создают вполне естественную некоторую озлобленность рабочего, вылившуюся ... при раскрытии “Шахтинского дела” в резко выраженную неприязнь и злобу по отношению к техническому персоналу. “Давно пора взяться за техников и инженеров. За последнее время они так обнаглели, что рабочим жить нельзя”, – такое мнение являлось преобладающим среди большинства рабочих и высказывалось на всех происходящих

рабочих собраниях. Твердо укрепилось мнение, что **ВЕСЬ ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ НАСТРОЕН КОНТРРЕВОЛЮЦИОННО** (выделено в источнике – С. К.). Настроения эти имели место среди рабочих в течение продолжительного времени, причем угрожали перейти в открытую форму спецедействия. [...]

Как следствие отмеченных настроений, рабочие ожидали сурового приговора со стороны суда по отношению Шахтинских вредителей. Решение суда не удовлетворило рабочих, которые считали, что Советская власть слишком мягко отнеслась к вредителям. Большинство мнений сводилось к тому, что 2/3 вредителей надо расстрелять и тогда это явилось бы хорошим уроком для всех остальных» [Шахтинский процесс... Кн. 2, 2011. С. 985–986].

Для «сцены» должен быть «сценарий». Следствие и 53 подсудимых

Поскольку данный открытый процесс имел целеполагание как постановочное действие, в котором всем участникам отводились предписанные роли, следует задаться вопросом – насколько удачным был сам «сценарий» и успешной «постановка». Рассмотрим, в каких компонентах процесс, с точки зрения его создателей, достиг предписанных результатов, а в чем итоги не совпали с ожиданиями.

«Сценарий» того, что в угольной промышленности Донбасса сложилась разветвленная «вредительская организация из числа старых спецов, связанных со своими прежними дореволюционными шахтовладельцами и получавшими на вредительскую деятельность средства от них, а также ряда зарубежных правительственных структур», первоначально принадлежал полпреду ОГПУ по Северному Кавказу Е. Г. Евдокимову. После того как ему удалось убедить Сталина в наличии такой организации, следствие распространилось на украинскую территорию Донецкого бассейна, где арестами и дознанием в Харькове (в правлении треста «Донуголь») занимались украинские чекисты. На завершающей стадии аресты «московского Центра» производились уже чекистами из центрального аппарата ЭКУ ОГПУ.

Первые девять человек были арестованы еще летом–осенью 1927 г., и затем шахтинско-ростовский этап следствия забуксовал: «признательные показания» удалось получить лишь

у отдельных арестованных только в январе–феврале 1928 г. Причем ключевую роль сыграли «показания» зав. шахтой Н. А. Гавришенко и техника А. Б. Башкина, которые в результате массированных допросов находились уже в пограничном состоянии. Гавришенко еще до самоубийства предпринимал попытку суицида в тюрьме, а последний прижизненный протокол его «показаний» содержал взаимоисключающие ответы на задаваемые вопросы. Башкин еще до своего ареста находился несколько лет под наблюдением врача-психиатра, а после интенсивных допросов (с 21 января по 23 марта он допрашивался 48 раз) был отправлен в клинику на лечение, после чего допросы возобновились. «Ценность» Башкина для следствия состояла в том, что он имел переписку с братом-эмигрантом, проживавшим в Германии, и периодически получал от него небольшие посылки с одеждой и предметами «ширпотреба». В итоге Башкин дал «показания» о том, что через него осуществлялась «связь с границей».

Из сказанного становится понятным, почему первоначально собранная ростовскими чекистами «доказательная база» не встретила поддержки ни у Г. И. Ломова (пред. правления треста «Донуголь», известного большевика), ни у В. Р. Менжинского (пред. ОГПУ) и А. И. Рыкова (пред. СНК СССР). Затем число скептиков пополнил В. В. Куйбышев (пред. ВСНХ СССР), считавший, что следствие надо осторожно продолжать, не заявлять о «раскрытии вредительской организации» и готовить открытый процесс. Да и позднее, когда политическое решение о подготовке процесса с санкции Сталина было публично оглашено в печати (10 марта в газете «Правда»), синдром того, что «Шахтинское дело» имело своим спусковым механизмом показания двух очевидно нездоровых людей, продолжал проявлять себя в руководящих кругах страны.

В частности, становятся понятными фразы из обмена записками 29 марта 1928 г. между К. Е. Ворошиловым и М. П. Томским, вернувшимся после двухнедельной поездки по Донбассу. Ворошилов: «Миша, скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытом суде в шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?». Томский: «По шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности

нет, ибо картина ясная. Главные персонажи в сознании» (подчеркнуто в тексте М. Томским – С. К.)⁴.

Второй этап массовых арестов по «Шахтинскому делу» совпал с политическим решением о процессе, принимавшимся в недрах Политбюро. Тогда харьковские чекисты с 3 по 10 марта 1928 г. взяли под стражу 19 работников центрального аппарата треста «Донуголь», из числа которых по преимуществу и был «сконструирован» «харьковский Центр», до 15 апреля 1928 г. в тюрьме оказалось еще 20 чел. (на базе этих арестов создавались «московский Центр» и своего рода «периферия» заговора).

Три волны арестов специалистов дали в совокупности 53 подсудимых для процесса в Колонном зале Дома союзов, хотя арестная кампания только в аппарате и рудоуправлениях треста «Донуголь» затронула 160 чел. из почти 200 «старых инженеров». Аресты, проводившиеся ростовскими, украинскими и московскими чекистами, которые часто руководствовались корпоративными интересами, привели в итоге на скамью подсудимых крайне пеструю группу «вредителей». Это сказалося как на качестве предварительного следствия, так и на поведении подсудимых в ходе процесса, который с позиций строго юридических норм и процессуальной судебной практики был крайне уязвим. Еще более абсурдистской эту картину делал «немецкий след», представленный тремя подданными Германии, работавшими по контрактам в СССР и арестованными также за «вредительство».

Интенсивность чекистского дознания, нараставшая по мере приближения даты процесса, приходила в очевидное противоречие с достигнутыми результатами. Из 53 подсудимых к началу процесса полностью виновными в предъявленных им обвинениях признали себя 20 чел., 10 чел. вину признали «частично» и 23 чел. отрицали выдвинутые против них обвинения. Такого рода позиционного размежевания среди подсудимых не было ни до, ни после Шахтинского процесса.

Если рассматривать динамику соотношения этих групп внутри трех «арестных волн», увидим, что в первой из них (шахтинско-ростовской) доля признавшихся составляла 50%, а «отказчиков» – 35%, во второй волне (харьковской) доли этих групп были равны

⁴ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 1. М.: МФД, 2000. 495 с. [С. 30].

(по 40%), а в третьей (условно московской) – доля признавшихся (25%) была вдвое меньше «отказчиков» (50%). Впрочем, для государственного обвинителя Н. В. Крыленко такое количество «нераскаявшихся» лишь послужило поводом для обоснования тезиса о многоликом и укоренившемся «вредительстве», противопоставления этих групп друг другу и поддерживания иллюзии борьбы на процессе (в 1930 г. в ходе суда над членами мифической «Промпартии» он выскажет сожаление об исчезновении подобной «интриги»). **Следует отметить, что в просмотренном нами следственном делопроизводстве по Шахтинскому процессу (почти полторы сотни дел) не оказалось ни одного вещественного доказательства связей арестованных с иностранными предпринимателями или посольствами и фирмами, документов «организации» (переписка, наличие крупных сумм, изъятых при арестах и т.д.).**

Однако в 1928 г. Крыленко не просто давал высокую оценку чекистскому дознанию, но и полагал, что признательные показания арестованных являются весомым подтверждением их вины, отбрасывая фактор безусловно имевших место самооговоров и оговоров одних другими.

Цена «признательных показаний»

Протоколы следствия по «Шахтинскому делу», как правило, не дают возможности зафиксировать те «доверительные» соглашения обвиняемых со следствием, которые обеспечивали чекистам нужные для них показания. Более достоверны протоколы допросов тех, кто противостоял следствию либо аргументированно доказывал свою невиновность, отказываясь отвечать на вопросы. В таких случаях следователи обычно сворачивали допросы, понимая, что на то, чтобы сломать этих людей, могут потребоваться недели или месяцы, в то время как сроки поджимали, а число сотрудничавших со следствием считалось вполне достаточным (20 чел. из 53 обвиняемых).

Тем более ценным оказалось письмо, найденное в личном фонде знаменитого адвоката Н. К. Муравьева, считавшегося одним из лучших защитников на еще дореволюционных политических процессах. За неделю до Шахтинского процесса он встретился в Бутырской тюрьме с Ю. Н. Матовым и С. П. Братановским, которые оказались в числе основных обвиняемых,

поскольку занимали до ареста ключевые должности в тресте «Донуголь». Оба признали себя в ходе следствия виновными.

Уже при первой встрече Н.К. Муравьева «поразило их крайне легкомысленное отношение к своему положению»: будучи обвиненными сразу по двум статьям (58–3 «контакты с иностранным государством в контрреволюционных целях» и 58–7 «вредительство», что в совокупности грозило смертной казнью – С. К.), «на мой вопрос, какого результата процесса они ждут для себя, один из обвиняемых (Матов) ответил, что ему, вероятно, придется посидеть несколько месяцев, прежде чем вернется «на производство». Приблизительно в том же роде были предположения и другого обвиняемого. [...] Но со второго или третьего свидания они оба, весьма взволнованные, в особенности Матов, открылись мне, что их показания на дознании, подтвержденные – без опроса их по существу – следователю, не соответствуют действительности, что они их дали сперва вследствие того тяжелого морального и физического состояния, в котором они находились, а потом – вследствие того, что они пришли к убеждению, что так именно нужно, чтобы они показывали, что этого от них требуют и ждут люди, которые лучше их знают, что нужно, и что в случае исполнения этого требования и удовлетворения этого ожидания они могут быть спокойны за свою судьбу и скоро будут возвращены на “производство”. Они подробно рассказывали, как они сперва относились равнодушно к тому, что подписывали, а потом стремились пойти навстречу следователям, выведать от следователей то, что показывали другие обвиняемые... стремились давать детали, лишь бы быть отнесенными “к первой категории” по легкости наказания, то есть к тем лицам, которых ждет возвращение на производство».

Поняв, что происходило в ходе следствия с обвиняемыми, Н.К. Муравьев решил выяснить у других защитников, были ли самооговоры и оговоры сделаны другими заключенными. «Сведения были единодушны. Почти все сознавшиеся обвиняемые признались своим защитникам, что они ложно оговорили себя и других; что почти все они боятся сказать правду, так как опасаются, что этой правде суд не поверит; что один из обвиняемых, не признавший себя виновным, добивался у защитника ответа, не нужно ли ему оговорить себя и других, чтобы получить снисхождение,

как другие»⁵. В связи с этим Н.К. Муравьев принял тяжелое решение – отказаться от участия в защите Матова и Братановского, о чем и написал в объяснительном письме на имя председателя президиума Московской коллегии защитников В.Ф. Белякова, благодаря этому в распоряжении у историков оказалось уникальное по своей значимости документальное свидетельство тотальной фальсифицированности чекистского следствия по «Шахтинскому делу».

Приговор подсудимым: что оказалось не так

Формула приговора для знаковых судебных процессов политического характера в СССР определялась отнюдь не в совещательной комнате Верховного суда, а в обстановке сверхсекретности на самом «высшем уровне». Для надзора и контроля за «правильным» развитием событий была создана комиссия по «Шахтинскому делу» под председательством А.И. Рыкова, включавшая ряд членов Политбюро с привлечением «профильных» наркомов. Функционально комиссия занималась синхронизацией действий различных ведомств, вовлеченных в обеспечение процесса (ОГПУ, Наркомюст, НКВД и др.). Она же контролировала ход и направления агитационно-пропагандистской кампании и санкционировала текст обвинительного заключения. На основании сохранившихся документов комиссии и ее переписки с Политбюро можно с точностью утверждать, что еще до завершения процесса дипломаты в лице Г.В. Чичерина и Н.Н. Крестинского обосновали необходимость оправдательного приговора в отношении трех немецких подданных, привлеченных к суду, что в итоге и произошло. Один из них, В. Бадштибер, был осужден условно сроком на 1 год, но смог уехать на родину сразу после суда.

Ключевым был вопрос, как его мрачно окрестил один из защитников М.А. Оцеп, «о головах». Н.К. Муравьев еще до суда подметил, что из общего числа подсудимых по формальным основаниям выделялась группа из десяти человек, обвиняемых по «расстрельным статьям». Государственный обвинитель Крыленко требовал больше «голов», но решением суда к смертной казни суд приговорил 11 чел. Далее 8 июля Президиум ЦИК

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1652. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–9.

СССР в отношении шестерых осужденных эту меру заменил 10 годами лишения свободы. Согласно сообщению газеты «Правда», 9 июля пятеро осужденных были расстреляны⁶.

Из документов Политбюро следует, что вопрос «о головах» был предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро с участием членов ЦК и ЦКК ВКП(б) 3 июля 1928 г. К сожалению, резолюции в архиве Политбюро мы не обнаружили (такое крайне редко, но случалось, когда решение принималось, но не документировалось). Впрочем, историки могут опираться в этом вопросе на свидетельство одного из ключевых участников данного события, Н.И. Бухарина, который 11 июля в ходе встречи с опальным Л.Б. Каменевым обмолвился о поразившем всех «правых» поведении Сталина на этом заседании: «Он предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против)...»⁷.

Между тем официальная информация в печати о том, что 9 июля 1928 г. «приговор в отношении осужденных к расстрелу Горлецкого, Кржижановского, Юсевича, Будного и Бояринова приведен в исполнение»⁸, оказалась не вполне достоверной. В ходе исследования другого крупного «вредительского» процесса над так называемой Промпартией (1930 г.) удалось выяснить, что Н.К. Кржижановский и Н.А. Бояринов смертной казни избежали.

Осенью 1931 г. Президиум ВСНХ СССР направил в Комиссию по частной амнистии (Комча) при ЦИК СССР ходатайство «об освобождении или изменении меры социальной защиты в отношении 21 осужденного Верховным судом специалиста». Экономическое управление ОГПУ поддержало это предложение, сочтя «возможным применить к последним амнистию, с использованием их по специальности в промышленности»⁹. В приложенном списке специалистов под № 3 значился Николай Константинович Кржижановский с пометкой: для его использования на Урале, в Соликамске, калийном объединении, а под № 10 – Николай Антонович Бояринов для его использования

⁶ Правда. 1928. 11 июля.

⁷ Социалистический вестник, Берлин. 1929. 22 марта.

⁸ Правда. 1928. 11 июля.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1205. Л. 3.

в тресте «Средазуголь»¹⁰. Следует констатировать, что это, вероятно, единственный в истории советских судебных политических процессов случай, когда объявленный в печати исполненным смертный приговор в отношении двух «смертников» не состоялся. Тем самым необходимо внести соответствующие коррективы во все справочные издания, энциклопедические, прежде всего, где говорится о пяти расстрелянных «шахтинцах».

Итоги процесса: что оказалось не так

Необходимо иметь в виду, что полуторамесячный судебный процесс являлся лишь «надводной частью» громадного и многоаспектного социального, политического, экономического и культурного «айсберга» под названием «Шахтинское дело», которое длилось не менее года. Если рассматривать его результаты и последствия (текущие и долговременные) в соотношении с целями, которые ставило перед собой высшее руководство страны, то они оказались в одних случаях реализованными, а в других – послужили источниками новых кризисов и негативных явлений. Главная целевая установка, как уже отмечалось, оказалась реализованной – негативизм рабочих в отношении партии и партийного государства удалось перенацелить на «спецов-вредителей», сыграв на массовых антагонизмах между рабочими и производственной интеллигенцией.

Другая же задача, возможно, даже более значимая для укрепления власти – направить рабочий активизм в позитивное русло развития экономики (участие в массовых производственных организациях и движениях в целях рационализации, роста производительности труда; вовлечение в низовые управленческие структуры (выдвиженчество) и т.д.) оказалась в большей степени нереализованной. И здесь, помимо главной, глубинной причины (недостаточный социокультурный и профессиональный уровень основной массы рабочих), свою дестабилизирующую роль сыграло разрушение в ходе борьбы против «вредительства» тонкой ткани социально-трудовых отношений. Распространение «спецеества», падение трудовой дисциплины негативно сказались на производственных показателях, прежде всего,

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1205. Л. 4.

в горнодобывающей промышленности, а также в других секторах экономики. Специалисты, дезорганизованные не столько репрессиями, сколько угрозой их применения и атмосферой недоверия и негативизма со стороны рабочей массы, стремились покинуть «опасное» производство, переходя в управленческие структуры.

На совещании Политбюро в конце 1928 г. по ситуации в Донбассе (ощутимое снижение угледобычи вместо ожидавшегося роста) многое из порожденного «Шахтинским делом» негативизма на производстве озвучил руководитель треста «Донуголь» Г.И. Ломов, его дополнили фактами другие выступавшие. Все они были единодушны в том, что «Шахтинское дело» стало первопричиной проявившегося с весны 1928 г. системного «сбоя» на производстве, поскольку на этой основе резко выросла напряженность и участились конфликты в сфере социально-трудовых отношений, произошло нарастание «спецедействия». Ломов привел, в частности, сведения ГПУ Артемовского округа о том, что только за ноябрь 1928 г. по округу было зафиксировано «28 случаев резких эксцессов против технического персонала»¹¹.

Фактически многие казавшиеся правильными расчеты оборачивались в итоге просчетами и ошибками, поскольку директивное воплощение их в практику вело к противоположным результатам. Изъятие путем репрессий «спецов-вредителей» и замена их выдвинутыми из среды рабочих привели к дезорганизации производства. Г.И. Ломов признавал, что замена руководящего состава «чрезвычайно часта и вредно отражается на производстве». На рудниках Шахтинского района в течение трех месяцев с начала кампании административно-технический персонал всех уровней обновился на 80%: «часть [...] выбыла вследствие ареста, часть в порядке устранения с работы после ареста, несмотря на освобождение, часть в порядке замещения вновь выдвинутыми работниками»¹².

Принципиальное значение имело выступление на совещании И.В. Сталина, давшего свое видение «уроков шахтинского дела»: «Конечно, результаты шахтинского процесса не могли не нанести удар по хозяйственникам в смысле замены старых спецов

¹¹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг. В 3 т. Т. 3: 1928–1938 М., РОССПЭН, 2007. 672 с. [С. 28].

¹² Там же. С. 29.

новыми. Спецы нужны. Ясно, что одни коммунисты не могут управлять Донбассом... Шахтинский процесс, кроме того, что он внес очищающую атмосферу в Донбасс, вместе с тем имел и свои минусы. ...Мы должны знать, что ежели спецы предавали, а рабочие это чутьем видели, а мы молчали, это не могло не отразиться на усилении недоверия рабочих к власти. Это безусловно. Если этот минус вычеркнуть, то общий баланс от шахтинского процесса, безусловно, положительный»¹³.

Логика сталинских оценок итогов, уроков и последствий Шахтинского процесса имела под собой вполне очевидные политические основания. Именно в этом контексте – с точки зрения интересов и приоритетов власти – и был выполнен сталинский анализ, и именно как политик он усматривал главный минус в падении авторитета власти в рабочей среде. Однако и положительный баланс от процесса, о котором сказал Сталин на совещании, оказался не очевиден.

Режимом были осознаны и просчеты в организации показательного процесса – слишком большой и разнообразный состав подсудимых, включая иностранных подданных; наличие значительной группы обвиняемых, полностью или частично не признавших свою вину; умелая профессиональная деятельность защиты, вскрывавшей просчеты предварительного и судебного следствия; очевидная декоративность группы рабочих, привлеченных в качестве членов суда, и т.д. Последующие «вредительские» процессы носили уже полностью постановочный, а потому и квазисудебный характер.

Литература

Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука, 1990. 494 с.

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн.2. М.: РОССПЭН, 2017. 1055 с.

Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 472 с.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн.1. М.: РОССПЭН, 2010. 975 с.

¹³ Стенограммы заседаний Политбюро. С 70.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн.2. М.: РОССПЭН, 2011. 1087 с.

Статья поступила 04.03.2018.

Summary

Krasilnikov S. A., Institute of History, SB RAS, Novosibirsk state university, Novosibirsk

Staged by Dictatorship. 90 Years Since the Shakhty Trial, 1928

Historical conceptualizations of one of the biggest Soviet trials (Shakhty, 1928) transitioned from “well founded” to “fabricated”, which demands careful rethinking of its reasons, purposes, means and results. Shakhty trial formally was stacked against “specialists-wreckers” but in reality it was a way out of deep systemic crisis: legitimacy decline, growth of negativity towards the government institutions, social unrest. Taking the model of conflict mobilization («us – they») as a basis for show trials, Stalin government not only sacrificed interests and status of the engineers, but also pragmatically used disaffection of the working class with the «delay» of privileges promised for them. Retargeting remonstrative energy of workers towards “spetsyedstvo” (bashing non-party engineers) and encouraging public mood of social revenge of «lower classes» against intelligentsia, the regime evoked new crisis situations (deformation of social and labor relations, extending repressive measures over management and economy).

Legitimacy crisis of the regime; workers' protest; social mobilization; Shakhty trial; «campaign justice»

References

- Bukharin N. I. (1990) Put' k sotsializmu. Izbrannyye proizvedeniya. Novosibirsk, Nauka Publ. 494 p. (In Russ.)
- Velikanova O. V. (2017) Razocharovannyye mechtateli. Sovetskoye obshchestvo 1920-kh gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 295 p. (In Russ.)
- Rol'f M. (2009) Sovetskiye massovyie prazdniki. Moscow, ROSSPEN Publ., 439 p. (In Russ.)
- Fedyukin S. A. (1972) Velikiy Oktyabr' i intelligentsiya. Moscow, Nauka Publ., 472 p. (In Russ.)
- Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedeniye, itogi (2010). v 2 kn. Kn.1. Moscow, ROSSPEN Publ. 975 p. (In Russ.)
- Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedeniye, itogi. (2011). v 2 kn. Kn.2. M., ROSSPEN Publ. 1087 p. (In Russ.)
- Sudebnyy protsess «Prompartii» 1930 g.: podgotovka, provedeniye, itogi (2017): v 2 kn. Kn.2. Moscow, ROSSPEN Publ., 1055 p. (In Russ.)

Архаические рассуждения об иерархии и власти (о книге А. П. Ермилова «Власть и экономические отношения: деятельностный подход»)

П. Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный университет.
E-mail: teslia.pavel@gmail.com

Обсуждается концепция системы социально-экономических отношений, выведенных из отношений власти (господства – подчинения). Автор рецензируемой книги развивает систему категорий политической экономии, опираясь на методологию К. Маркса, привнося в нее ряд новых элементов и изымая из нее те элементы, которые, по его оценке, не существенны. Критическое рассмотрение рецензируемой книги показывает ее сильные и слабые стороны. Концепция автора оценена с точки зрения требований методологической корректности, а также путем сравнения с альтернативными подходами. Положенный в основу рассмотрения изучаемых вопросов деятельностный подход приводит автора к оригинальным результатам, отличным от общепризнанных. В рецензии обсуждаются объясняющая сила предложенной автором концепции, ее полнота и непротиворечивость.

Ключевые слова: производственные отношения, господство – подчинение, иерархии, власть, институты, политическая экономия, мейн-стрим, поведенческая и экспериментальная экономика

Книга А. П. Ермилова [Ермилов, 2017; здесь и далее ссылки на нее будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием страниц] написана по канонам уже почти исчезнувшего жанра исторического материализма. Автор назвал одной из своих целей реабилитацию политической экономии как истинной науки в противовес мейнстрим-экономике, занимающейся, как считает автор, не свойственными для экономической теории вопросами.

Ключевая идея книги сводится к следующему: все общественные отношения, в том числе экономические, порождаются отношениями господства и подчинения одних людей другими. Люди совершают свою деятельность на основе мотивации, индуцированной их местом в иерархии власти и навязанной властителями. Именно властью и мотивацией должна заниматься экономическая теория, а политической экономии принадлежит главная роль в этих исследованиях.

Автору явно близка методология классической марксистской политической экономии. Об этом свидетельствуют и термины, которыми он оперирует, и способ изложения, типичный для марксистов.

Следует отметить ярко выраженный индивидуальный авторский стиль. К сожалению, он нелегок, и читателю приходится прилагать много усилий к тому, чтобы постичь суть сказанного. Цитируя Н.В. Гоголя, можно сказать, что у А.П. Ермилова «все было без пошатки, располагалось в каком-то крепком и неуклюжем порядке», «прочно, неуклюже в высочайшей степени». Стилистические и терминологические дебри становятся серьезным препятствием тому, чтобы книгу прочитало много людей. А книга между тем достаточно примечательна и заслуживает того, чтобы с ней познакомились хотя бы потому, что она относится к научной дисциплине философии экономики, сравнительно новой для российских студентов и ученых.

Обсуждение книги, автора которой в дальнейшем рецензент для краткости (а не от неуважения) будет называть А.Е., организовано следующим образом: сначала – о том, что в книге есть, затем – о том, чего нет, но должно быть, и наконец – почему эта книга полезна.

Что в книге есть

В первой главе А.Е. тщательно описывает методологический прием, который будет использоваться на протяжении всей книги. Чтобы показать свое точное место в академическом сообществе, А.Е. прибегает к обильному цитированию. Доля цитат в объеме первой главы превышает 50%. Ссылаясь на авторитеты, А.Е. подробно описывает так называемый деятельностный подход. Суть его в том, что деятельность является основным объяснительным принципом исследования общества. Почему работа с деятельностью так важна как методический прием? А.Е. отвечает, цитируя очень многих. Рецензенту более всего понравилась цитата классика австрийской школы экономической мысли Людвиг фон Мизеса: «Человеческая деятельность – это одно из средств осуществления изменений, она – элемент космической активности и становления. Поэтому она является законным объектом научного исследования. Так как ее невозможно (по крайней мере, в современных условиях) свести к своим

причинам, она должна рассматриваться как конечная данность и изучаться как таковая». Вместе с тем, как говорит другой признаваемый и цитируемый А.Е. экономический философ Э.Г. Юдин, «кажется сомнительным, чтобы объяснительная схема какой-то конкретной научной дисциплины могла быть целиком сведена к одному-единственному понятию, пусть даже внутренне богатому и расчлененному»¹.

К сожалению, в этой главе А.Е. не обращает внимания на то, что деятельностный подход, популярный среди российских экономических философов, очень сильно коррелирует, если не совпадает, с так называемым бихевиоризмом. В этом нет ничего зазорного, однако, отметив близость с бихевиоризмом и обсудив его, А.Е. удалось бы избежать вопросов относительно методической обоснованности ссылок на актуальную деятельность. Дело в том, что узкая трактовка бихевиоризма исключительно как концепции непосредственной, живой деятельности, является ошибочной предпосылкой при рассмотрении вопросов экономических отношений². А между тем именно последние являются главным предметом рассматриваемой книги.

Поясним. Согласно А.Е., получается, что экономическое отношение – это всегда некое сознательное действие, деятельность, однако экономическое отношение в реальности не всегда приводит к деятельности и не всегда в нем выражается. В частности, отношение к властям может быть пассивным, бездеятельным. Смирение часто оказывается вынужденным либо внушенным состоянием. Однако часто за смирением скрываются нарастающее противоречие, фрустрация, конфликт и потенциальный бунт; если теория этого не учтет, то она лишится предсказательной силы.

Во второй главе А.Е. увлечен цитированием в меньшей степени, чем в первой, здесь только 30% текста принадлежат другим авторам. Начинает эту главу А.Е. со ссылки на якобы доказанный факт, что «совместность (социальность) деятельности является универсальным феноменом животного мира». Второе сильное утверждение: «важнейшим атрибутом животного мира является

¹ Это высказывание вполне может быть обращено в упрек самому автору, ведь его подход реализует именно этот принцип – выведение всей системы общественных отношений из отношений власти и подчинения.

² Этот момент подробно обсуждается в первой главе одной из работ, приведенных в списке литературы в рецензируемой книге [Льюкс, 2010].

иерархия, стремление к доминированию или подчинению в стаде и в обществе» (С. 59).

А.Е. поясняет близость человеческого общества к животному миру следующим образом: «Превращение первобытного стада в первобытное общество как раз и означало преобразование основанных на инстинктах животных (природных) механизмов социальности в механизмы общественные, основанные на использовании развивающегося общественного сознания» (С. 60). Что является объединяющей социализирующей основой животного мира, в который, как полагает А.Е., входит составным элементом и человеческое общество? Ответ: иерархия, система господства и подчинения. Любое сообщество, в животном ли мире или в человеческом обществе, строится по принципу пирамиды: верхние слои управляют нижними, и чем ближе к вершине, тем меньше становится господствующих и сильнее их власть.

Надо заметить, что приводимые А.Е. цитаты не всегда содержат непротиворечивые взгляды на обсуждаемый вопрос и не все согласуются с его позицией. Вот, например, две цитаты про иерархии и координацию из биолога В. А. Энгельгардта (С. 65).

1. «Ведущими началами в биологических иерархиях выступают элементы координирования и кооперации, а не доминирование и подчиненность».

2. «В области социальных структур, откуда по существу и заимствовано понятие об иерархии, в средневековом строе, с его королем, князьями, полководцами, рыцарями, воинами, ремесленниками, сельскими тружениками, на первое место выступали элементы власти, прав, повеления, господства, направленные всегда однозначно от высших членов иерархии к низшим, то есть главенство было началом подчиненности».

Как это понимать? В человеческом обществе меньше ценят сотрудничество (товарищество, братство) и больше полагаются на подавление, подчинение слабого сильным? Животный мир более гуманен, чем человеческий? Невольно вспоминаешь ходячую фразу, которую приписывают то Чехову, то Гейне, то Шанель: «Чем лучше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». К вопросу об альтруизме в животном мире и роли координации и кооперации в человеческой экономике мы обратимся еще раз во втором разделе этой рецензии.

Что является источником власти? А.Е. отвечает: неравенство в распределении ресурсов. Сильный принудит слабого, умный обманет, уговорит или сагитирует глупого, владелец ценного и редкого ресурса (земли и капитала) допустит к нему невладельца за плату.

Власть господ распространяется не только на материальную, но и на духовную сферу. Господа не только принуждают, побуждают, понуждают, но и мотивируют своих слуг. Господа формируют у слуг универсальные ценности и цели и с выгодой играют на этом.

Центральный вид экономических отношений, отношения собственности, возникают в результате действия отношений господства и подчинения. Отношения собственности, в свою очередь, являются предпосылками возникновения у членов общества того или иного статуса. А поскольку статусы образуют иерархию, то те, кто находится на более высоких ступенях статусной пирамиды, берут на себя функции управления социальной деятельностью данного общества. Если по какой-то причине в узловых позициях вертикали властной пирамиды не оказываются адекватных властителей (альфа-особей. – *П.Т.*), то общество становится неустойчивым: оно либо не сформировывается (так у автора. – *П.Т.*) либо разваливается (С. 95).

Поскольку власть – это центральная тема книги, А.Е. затрачивает довольно много усилий на то, чтобы определить методы (способы, средства) осуществления власти: жесткие и мягкие, принуждение, понуждение, побуждение, насилие, командование, убеждение, манипуляции, авторитет.

Третья глава называется «Две стороны деятельности и два вида социальных отношений». Она самая скучная и схоластическая, однако, она важна для понимания открытой А.Е. двойственности производственных отношений. Здесь он рассказывает нам, что «каждая деятельность является формой взаимодействия человека с природой» (С. 118), что «общество выступает причиной, генератором, создателем общественных отношений, и одновременно оно же является следствием, результатом их функционирования» (С. 121), что «нет общественных отношений – нет деятельности» (С. 125).

Принципиальный момент третьей главы таков: вводятся разграничения между технологическими и общественными

отношениями. Технологические отношения – это когда люди, как лишенные мотивации живые механизмы, взаимодействуют друг с другом в технологическом процессе, исполняя отдельные трудовые операции, соблюдая технические регламенты. Общественные же отношения – это отношения господства – подчинения, они находятся под воздействием мотивов (в некоторых местах А.Е. отождествляет мотивы и общественные отношения). Эти два типа отношений, технические и общественные, А.Е. считает взаимосвязанными.

Чтобы читателю стало понятно, о чем речь, А.Е. приводит пример охоты на мамонта в первобытной общине, единственный, кстати, который сквозным образом проходит через несколько разделов книги (других связей излагаемого материала с реальностью, хотя бы воображаемой, А.Е. на протяжении всей книги почти полностью избегает). «Члены общины владеют навыками исполнения необходимых в процессе охоты действий, то есть понимают, каковы должны быть естественные (технологические) отношения между ними в процессе этой деятельности. Таким образом, община имеет потенциальную возможность осуществления деятельности. Когда же эта возможность превращается в реальность? Тогда, когда в общине имеются специальные механизмы, а именно, действующая система господства и подчинения, благодаря которой отдельные члены общины имеют право приказывать другим приступить к осуществлению определенных действий, а эти последние принимают на себя обязанность данные приказы исполнять» (С. 137).

Технологические отношения у А.Е. не являются ни экономическими, ни тем более производственными. Мотивация же, по мнению А.Е., – это феномен не технологических, а экономических отношений. Как только человек вступит в технологический процесс, мотивы замирают. Технологические отношения – это обработка природы людьми, общественные – это обработка людей людьми (С. 142).

В четвертой главе А.Е. систематизирует и классифицирует хозяйственные отношения, при этом не поясняя, являются они экономическими или технологическими, или и теми и другими.

Для целей классификации хозяйственных отношений он вводит три группы категорий. Первая – это виды деятельности, вторая – сферы деятельности и третья – процессы. Наполнение всех

этих категориальных групп одно и то же, а именно: 1) собственно производство; 2) обмен и 3) потребление. Так, производство – это и вид деятельности, и сфера деятельности, и процесс. Аналогично – и все остальное. Обращаем внимание, что в каждую из этих трех групп попадает только по три категории, а не по четыре.

Что же побудило А.Е. ввести эти классификации? По всей вероятности, это сделано для того, чтобы внести вклад, точнее, изъятие из марксистской политической экономии. Те, кто читал «Введение в критику политической экономии» Маркса и его «Экономические рукописи 1857–1859 гг.», должны помнить определение, которое классик дал производству, распределению, обмену и потреблению. В частности, сказано, что производство как таковое образует основу для существования общества. Маркс подробно обсуждает тот факт, что производство дает продукт, который подлежит распределению в виде вознаграждения участников процесса производства; этот продукт поступает в сферу обмена, где он обращается между участниками процесса производства и, наконец, потребляется в сфере потребления. Далее Маркс рассуждает о том, что производство одновременно является и распределением факторов производства между видами деятельности, и обменом деятельностью между участниками процесса производства, и потреблением факторов производства, в результате которого последние уничтожаются, но это приводит к созданию продукта. Наконец – что и распределение является одновременно производством, обменом и потреблением, и потребление – также тождественно производству, поскольку суть потребления – это воспроизводство человека как фактора производства.

А.Е. пересказом или цитированием приведенных диалектических рассуждений Маркса не занимается, он делает другое – упраздняет сферу распределения. Причина, как он считает, в том, что «в хозяйстве общества... отсутствуют такого рода “распределительные” хозяйственные ячейки» (С. 159). Подразумевается, что распределение как фаза широко трактуемого производства в понимании Карла Маркса осуществляется в рамках системы, сконструированной А.Е., как бы само собой. Неясно, правда, поскольку нет «распределительных ячеек», существуют ли в такой системе отношения распределения как таковые? А если нет, то на каком основании построены взаимоотношения властителей

и их подчиненных. Вспомним, что, согласно построениям А.Е., экономической основой власти является неравномерное распределение ресурсов, в особенности – собственности на материальные факторы производства.

Обозревая построенный усилиями А.Е. категоричный аппарат, опять вспоминаешь Н.В. Гоголя: «Было заметно, что при постройке его хозяин беспрестанно боролся со вкусом зодчего. Хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три».

В пятой главе А.Е. берется за детальное рассмотрение технологических и производственных отношений. Здесь он вводит понятие производственной ячейки. По-видимому, это аналог того, что в экономической литературе принято называть фирмой. «Производственная ячейка представляет собой совокупность факторов производства и работников (рабочая сила)... В составе трудовой деятельности выделяются две технологические роли: (1) управляющих – руководителей и организаторов процесса труда, (2) непосредственных производителей, носителей живого труда» (С. 198–199).

Отношения между управляющими и управляемыми в процессе производства А.Е. определяет как разновидность господства и подчинения. Здесь у читателя возникает вопрос: каким образом в чисто технологической сфере, то есть там, где, согласно утверждению А.Е., отсутствуют общественные отношения, все-таки существуют отношения власти?

Что мотивирует участников производственного процесса? У подчиненных это страх перед бедностью, у хозяев – осуществление производственного процесса (С. 206). В этом месте мы вновь наблюдаем довольно сильное расхождение между представлениями А.Е. и Маркса. По Марксу, производство само по себе и капиталистов, и их агентов, то есть управляющих, интересует лишь постольку, поскольку в результате кругооборота капитала создаются стоимость и прибавочная стоимость. Именно последняя и интересует, то есть мотивирует и капиталистов, и управляющих, согласно концепции Маркса.

Участники процесса производства различаются по признаку владения или невладения собственностью. Кроме того, они могут быть лично свободными или несвободными. Введя это признаки, А.Е. формирует четыре возможные комбинации

свобод и несвобод: 1) личная свобода, основанная на вещной свободе, 2) личная свобода, основанная на вещной зависимости, 3) личная зависимость, основанная на вещной свободе и 4) личная зависимость, основанная на вещной зависимости. На базе этих комбинаций А.Е. в дальнейшем производит классификации крупных исторических эпох. Какой-то из комбинаций соответствует эпоха рабовладения, какой-то – феодализм, какой-то – капитализм и т.д.

А.Е. пишет: разновидностью власти являются отношения собственности. Господа, пользуясь властью, создают формы собственности. Собственность – это причина власти. В эпоху племенной собственности право устанавливать отношения собственности возникало как следствие места племенной знати в системе отношений господства и подчинения (С. 220–221).

В последующие эпохи происходило примерно то же самое. Согласно А.Е., те, кто наделен властью по праву преемства или в результате ее завоевания или захвата, определяют правила игры, то есть отношения собственности, которые, в свою очередь, являются отношениями власти.

Логический круг в исполнении А.Е. выглядит так: те, кто обладает собственностью, обладают тем самым и властью. Власть используется для того, чтобы определять отношение собственности и тем самым назначать властителей. Собственность возникает в результате обладания властью, а власть опирается на владение собственностью.

Далее следует центральный тезис книги: «...отношения власти и собственности имеют универсальный характер, они проявляются во всех сферах человеческой деятельности. Их действия в сфере производства формируют мотивации его участников, то есть производственные отношения. Других механизмов формирования таковых мотиваций в обществе нет, а, следовательно, нет и других источников производственных отношений» (С. 232).

Обозревая состояние экономических исследований, А.Е. обращает внимание на фундаментальный методологический порок современной российской экономической науки. Он пишет: «Как очевидно, “недостаточность” модернизации в настоящий момент является следствием предшествующей слабости мотиваций субъектов, ее определяющих. Необходимо выделить этих субъектов (это могут быть госчиновники, олигархи, мелкие капиталисты,

технократы и т.п.), оценить их роль в формировании модернизации (кто и в чем себя проявил), установить мотивации их участия в производственном процессе и причины игнорирования ими процессов модернизации. Далее следует заняться поиском путей усиления мотиваций ведущих субъектов по осуществлению процессов модернизации и введением в систему новых субъектов с высокой мотивацией» (С. 239).

Что имеет в виду А.Е., понять затруднительно; возможно, он предлагает производить ротацию – назначать одних олигархов и чиновников взамен других? А как переменить мотивации? Приучать волков к вегетарианской пище? А.Е. видит решение проблемы модернизации экономики в изменении производственных отношений. Получается, что производственные отношения поддаются манипуляции. Эта позиция также далека от марксистской доктрины.

В шестой, заключительной главе, А.Е. осуществляет разработку теории способов производства применительно к эпохе советской экономики в 1960–1980-х годах. Для этой цели он создает типологические таблицы, напоминающие периодическую таблицу химических элементов Менделеева.

Чтобы определиться с вопросом о типе советской экономики, А.Е. делает обзор классификаций, которые можно найти в российской литературе. Спектр найденных им оценок довольно широк, начиная от государственного социализма до государственного капитализма. Сам он склоняется к последнему определению (С. 270–273).

Определив советскую экономическую систему как государственный капитализм, А.Е. испытывает некоторое неудобство. Как он сам пишет, важнейшей характеристикой капиталистического способа производства и родственного ему государственного капитализма является высокая способность к массовому использованию достижений научно-технического прогресса. Однако советская экономическая система как раз продемонстрировала свою низкую эффективность в этой сфере деятельности. Чем это объяснить?

А.Е. объясняет это так: причины неэффективности советского государственного капитализма состоят в том, что имело место несоответствие сущности и формы советской экономической системы. В результате этого несоответствия были утеряны или

ослаблены принципиально важные внутренние капиталистические институты. Вместо этого были приобретены внешние псевдосоциалистические качества.

Более подробного или ясного объяснения в книге мы не найдем.

Чего в книге нет

Часто бывает так, что отсутствие чего-то проясняет ситуацию лучше всего. С обсуждаемой книгой, похоже, дело обстоит именно так. Подбор «правильных» источников и/или подходящих цитат – вот основной прием данной книги. Серьезная дискуссия отсутствует. И это плохо.

Однако прежде чем перейти к обсуждению литературных источников и самой парадигмы, которой придерживается А.Е., рассмотрим выбор объекта и метода исследования. Объектом исследований А.Е. являются одни слова, а результатом их обработки – другие слова. Этот прием был типичен для ортодоксальной советской политической экономии. Реальной экономики для таких исследований не существовало. В книге можно обнаружить единственный вид деятельности, описание которого используется для иллюстрации неких тезисов, – охота на мамонта. Возможно, А.Е. и первоклассный охотник, но уж на мамонта он точно не охотился. Не делал этого и никто из ныне живущих людей. Описаний этой деятельности также не существует, если не считать нескольких наскальных росписей. Следовательно, приведенные доказательства проверке не подлежат.

Значит ли это, что развиваемые в книге рассуждения теоретическими (то есть фальсифицируемыми³) не являются? Нет, несмотря на обильное цитирование, А.Е. все же занимался не чистой схоластикой. Его теорию можно протестировать путем не только внутренней проверки на непротиворечивость, на отсутствие подмены понятий и ошибок наподобие порочных логических кругов (когда в исходные посылки тайком закладывается тот тезис, который подлежит доказательству). Ее можно

³ Здесь мы подразумеваем критерий К. Поппера. Теория удовлетворяет этому критерию (является фальсифицируемой и, соответственно, научной) в том случае, если существует методологическая возможность её опровержения путём постановки того или иного эксперимента, даже если такой эксперимент ещё не был поставлен.

сопоставить, во-первых, с базовой теорией, от которой А.Е. отталкивался, и, во-вторых, с конкурирующими гипотезами.

Теория А. Е. отталкивается от экономической доктрины К. Маркса. Из марксистской модели были изъяты анализ отношений распределения, трудовая теория стоимости, устранены концепции рабочей силы и ее эксплуатации, капитала, а также механизма его расширенного воспроизводства.

В модель Маркса привнесен универсальный объясняющий принцип стремления людей к господству над слабыми и их готовности к подчинению более сильным, а также несколько более мелких деталей, как, например, принцип двойственности отношений производства, различие отношений общественных и отношений социальных и т.п. В теории А.Е. присутствует также и солидарность общественных групп, определенная исключительно как единство целей, которое якобы и объединяет людей в соответствующие группы.

Рамки рецензии не позволяют развернуто и аргументированно провести сравнение двух теорий – А.Е. и Маркса. Приведем только вывод; он состоит в следующем: произведенные А.Е. модификации исходного научного материала объясняющей силы не добавили. Модель Маркса оказалась логически и исторически корректнее и сильнее модели А.Е.

Теперь обратимся к обсуждению парадигмы универсальной объясняющей силы принципа стремления людей к господству и готовности их к подчинению и встраиванию в пирамиды власти. А.Е. опирается на якобы доказанный факт биологической природы этого принципа. При этом в книге, сильно перегруженной цитатами, нашлось место только для одного высказывания биолога, а именно, В. А. Энгельгардта (см. выше). Примечательно, что в этой цитате, явно иронической, человечество принижено сравнительно с прочими представителями животного мира, а это явно подозрительно, что мы и поспешили заметить.

В эволюционной генетике получила гораздо более полное развитие другая, противоположная парадигма. В популярной статье, опубликованной раньше, чем статья В. А. Энгельгардта, выдающийся советский биолог В. П. Эфроимсон демонстрирует принципиальную важность базового инстинкта нехищнического поведения животных и людей. Выживание и прогресс человечества опираются не на волю к господству и подчинению,

а на альтруизм, готовность жертвовать собой не только для защиты и блага потомства, но и для неродственных особей. «Уже у стадных животных этот тип альтруизма распространяется за пределы семьи, охватывает стаю, стадо – отсутствие чувства взаимопомощи у членов этого сообщества обрекает его на быстрое вымирание. Ведь у многих видов животных только стая, а не пара родителей способна одновременно осуществлять сигнализацию об опасности, защиту детенышей и добывание для них пищи» [Эфроимсон, 1971]. В той же статье мы находим цитату из классика теории естественного отбора Ч. Дарвина (из книги «Происхождение человека и половой отбор»): «Так как человек не может обладать добродетелями, необходимыми для блага племени, без самоотвержения, самообладания и умения терпеть, то эти качества во все времена ценились высоко и вполне справедливо». Альтруисты не были фриками.

Более современные эволюционные биологи утверждают, что нехищнические инстинкты поведения у человека еще более развиты, чем у животных. Одним из доказательств этого служит анатомическая особенность людей сравнительно с другими приматами, а именно: сильно развитые лобные доли мозга. Оказывается, лобные доли предназначены не для того, чтобы думать, они обеспечивают способность делиться благами с неродственными особями и заботиться о них.

Сказанное не должно восприниматься как отрицание факта иерархичности структур общественных отношений и стремления людей к власти и к тем благам, которые она дает. Мы всего лишь обращаем внимание на наличие более фундаментальных инстинктов, которые определяют судьбу человечества в долгосрочной перспективе. Эти инстинкты А.Е. молча отрицает, не приводя соответствующую контраргументацию и не цитируя соответствующие публикации.

Следующий не приведенный А.Е. источник – книга классика и признанного родоначальника институциональной экономической теории Т. Веблена [Веблен, 1984]⁴, впервые опубликованная ровно 119 лет назад. Покажем, что взгляд Т. Веблена существенно

⁴ Заметим попутно, что к институционализму отношение у А.Е. в целом одобрительное. Тем не менее в 148 источниках, использованных в его книге, институциональные исследования представлены только в шести.

расходится с представлениями А.Е., хотя оба, и Т. Веблен, и А.Е., занимались очень и очень сходными вопросами.

Предмет исследования Т. Веблена в «Теории праздного класса» – влияние хищнических инстинктов стремления к господству на развитие общества и экономики. Для Т. Веблена было важно установить происхождение и выявить проявления склонностей людей к доблестному соперничеству, стремлению к первенству и того, как это приводит к появлению хищнических форм поведения: демонстративных видов праздности и потребления, возникновению специфических вычурных особенностей моды, формированию подставной функции женщин и т.п.

Принципиально важной особенностью концепции Т. Веблена является то, что он не считает хищнические инстинкты базовыми. По его мнению, «хищничество не может стать источником средств какой-либо группы или какого-либо класса до тех пор, пока способ производства не достигнет такой степени эффективности, чтобы сверх поддержания жизни тех, кто занят добычей средств к существованию, оставлять запас, стоящий того чтобы его отвоевывать»⁵ [Веблен, 1984. С. 71].

Какой человеческий инстинкт, согласно Т. Веблену, является базовым? Вот его рассуждения на этот счет: «Будучи объектом неизбежного отбора, человек является агентом деятельности. Он в его собственном понимании есть центр развертывающейся под действием побуждений деятельности – “телеологической” деятельности. Он – агент, стремящийся во всяком действии к достижению какой-либо конкретной, объективной безличной цели. В силу того, что он является таким агентом, он наделен склонностью к работе, приносящей результаты, и испытывает неприязнь к напрасным усилиям... Эту склонность или предрасположение к эффективным действиям можно назвать “инстинктом мастерства”» [Веблен, 1984. С. 68].

Данное высказывание говорит о том, что деятельностный подход приводит к выводам, противоположным тем, которые развивает в своей книге А. Е. Неудивительно отсутствие «Теории праздного класса» в списке использованной литературы.

⁵ Отметим сходство этих рассуждений Т. Веблена с анализом Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», который А.Е. также ни разу не упоминал.

В завершение перечисления того, чего в книге нет, обратимся к остро критикуемому А.Е. так называемому мэйнстриму. Принято считать мэйнстримом классическую «экономикс». Эту квазинауку, устаревший архаический артефакт, и на самом деле традиционно используют в качестве учебного материала на младших курсах периферийных вузов⁶. Критиковать ее легко, но это все равно, что современному астроному высказываться о геоцентрической системе. Полезнее было бы поговорить о тех исследованиях, которые ведутся серьезными учеными, или хотя бы об учебниках, используемых в серьезных вузах. В качестве примера можно взять «Микроэкономику. Поведение, институты и эволюция» С. Боулза [Боулз, 2010].

Вот некоторые названия глав этого не слишком-то нового учебника (в оригинале издание состоялось в 2004 г.):

- Социальные взаимодействия и институциональный дизайн
- Провалы координации и институциональные изменения
- Обмен: контракты, нормы и власть
- Институциональная и индивидуальная эволюция

Как видим, вузовский учебник излагает те вопросы, в равнодушии к которым А.Е. несправедливо обвинил современную науку. Конечно, подходы и базовые принципы (парадигмы) в современной экономической науке и в книге А.Е. заметно различаются. В отличие от А.Е., современные экономисты занимаются поисками механизмов координации и сотрудничества, изучают причины сбоев тех или иных институциональных дизайнов, пытаются найти такие институциональные модели, которые наилучшим образом соответствуют эффективному развитию социально-экономических систем. Даже подходы в частных вопросах у современных исследователей не похожи на то, что мы видели в книге А.Е. Например, в то время как А.Е. утверждает, что при исполнении контрактных обязательств (т.е. в процессе труда, когда действия работника, согласно убеждению А.Е., становятся голой функцией) мотивация исчезает, современные

⁶ Более того, есть серьезные основания для того чтобы считать, что эту «науку» навязывают обществу правящие классы. Есть исследования, которые показывают, что «экономикс» никогда не использовалась в качестве основы при разработке экономической политики успешных государств. «Экономикс» – это продукт, предназначенный исключительно на экспорт, это – «троянский конь», зловердный интеллектуальный вирус из арсенала экономических убийц.

экономисты видят мощные потенциальные поведенческие эффекты, продиктованные специфическими стимулами. Например, при неполноте информации о ходе исполнения производственных обязанностей трудовая деятельность может оказаться неэффективной. Контрактные обязательства будут нарушаться, если контракт сконструирован без учета существенных эффектов. Например, эффекта оппортунизма. Если за человеком не наблюдают, а труд оплачивается повременно, в действие вступит мотивация к ослаблению качества и количества трудовых усилий. Чтобы устранить трудовой оппортунизм, контракт могут перестроить, например, поменять оплату труда с повременной на сдельную или так, чтобы работник стал собственником бизнеса, частичным или полным (пример – таксисты, работающие в компаниях, часто являются собственниками эксплуатируемых автомобилей).

Информационные эффекты могут радикально менять отношения власти. В книге А.Е. оставлена без внимания проблема «агент – принципал». Эта проблема в экономической науке возникла достаточно давно. Когда агент обладает информацией, квалификацией или навыками, от которых существенно зависит судьба бизнеса, он становится его фактическим владельцем, хотя формально и является наемным работником. Эту тему развивали выдающиеся американские институционалисты А. Берли, Г. Минз, Дж.К. Гэлбрейт и не менее выдающийся советский экономист С.М. Меншиков. Как нетрудно догадаться, и их труды А.Е. в своей книге не использует.

Ну и, наконец, можно отметить, что для А.Е. не существует такого направления современной экономической мысли, как поведенческая и экспериментальная экономика [Тесля, 2017]. Там, в частности, исследуется проблематика отношения людей к власти и собственности. Эксперименты показывают, что чувство справедливости или сочувствия к партнеру, начальнику или подчиненному часто играет существенную роль, порой настолько сильную, что для описания поведения людей в определенных ситуациях требуется особая объяснительная модель. Отношения власти – подчинения часто работают плохо или не работают совсем. Современный менеджмент чутко реагирует на это.

Одно из новых направлений менеджмента – отказ от иерархических пирамид власти, переход к «плоским» структурам. Успешная во многих отношениях всемирно известная компания

Facebook практикует именно такую организацию для решения проектных задач. Администрация в Facebook в основном занята тем, чтобы на рабочих местах находились подходящие люди (а тех, кто набран, – постоянно обучают за счет компании), чтобы у них было все, что нужно для работы, а проектные задачи решали команды⁷, состоящие только из тех, кто нужен для успеха. На территории Facebook действует идеальный кибуц. Власть хозяев и начальников, господство и подчинение там не ощущаются. Вероятно, это одна из главных причин успеха компании М. Цукерберга.

Почему эта книга полезна?

Польза обсуждаемой книги происходит от того, что она является образцом построения теоретической конструкции из моноисточника, на основе одной-единственной базовой идеи. Таких трудов, насколько известно рецензенту, в литературе очень мало⁸. Студентам и специалистам обсуждаемая книга может быть полезна как некий эталон, с которым можно сравнивать альтернативные подходы. Ее можно рекомендовать как учебный кейс для разбора на практических занятиях по философии экономики, менеджменту и микроэкономике.

Как уже отмечалось, «Власть и экономические отношения» напоминает о «Теории праздного класса», которую Т. Веблен написал с целью изучения извращенных форм социального поведения, возникающих под воздействием присущих людям хищнических инстинктов, в первую очередь – стремления к власти, первенству и господству. Т. Веблен позднее написал другую книгу, «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства». Любопытно будет посмотреть, удастся ли А. П. Ермилову написать книгу, в которой хищнические инстинкты объясняют социально-экономический прогресс.

⁷ Состав команд в Facebook быстро и бесппроблемно меняется. Не фиксированы даже рабочие места у людей. Шкафы и столы у работников снабжены колесиками, и при переходе в другую команду они буквально переезжают с одного места на другое.

⁸ На память приходят только книги типа «Что такое собственность» П. Прудона, с его знаменитым «собственность – это кража»; этот автор тоже почему-то обойден при цитировании в обсуждаемой книге.

Литература

Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция/ Самуэль Боулз; [пер. с англ. Букина К. А., Демидовой А. В., Карабежян Д. С., Карпова А. В., Шиловой Н. В.]. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 576 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Ермилов А. П. Власть и экономические отношения: деятельностный подход. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 312 с.

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 239 с.

Тесля П. Н. Экспериментальная экономика – быстро растущая ветвь экономической науки // ЭКО. 2017. № 5. С. 107–124.

Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10.

Статья поступила 03.05.2018.

Summary

Teslya P.N. Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk State University
Archaic Reasoning about Hierarchy and Power

(on the book by A. P. Ermilov «Power and economic relations: an activity approach»)

The paper discusses the concept of the system of socio-economic relations derived from the relations of power (domination – subordination). The author of the reviewed book develops a system of categories of political economy, based on the methodology of Marx, bringing in a number of new elements and removing from it those elements that, in his assessment, are not significant. Critical review of the book shows its strengths and weaknesses. The author's concept is evaluated from the point of view of correctness of methodological requirements, as well as by comparison with alternative approaches. The activity approach, which is the basis of the study, leads the author to original results, different from the generally recognized ones. The review discusses the explanatory power of the concept proposed by the author, its completeness and consistency.

Industrial relations; domination-subordination; hierarchies; power; institutions; political economy; mainstream; behavioral and experimental Economics

References

Boulz S. (2010) Mikroekonomika. Povedenie, instituty i evolyutsiya. Moscow. Delo ANH Publ. 576 p. (In Russ.)

Veblen T. (1984) Teoriya prazdnogo klassa. Moscow. Progress Publ. 367 p. (In Russ.)

Ermilov A. P. (2017) Vlast i ekonomicheskie otnosheniya: deyatel'nostnyy podhod. Novosibirsk: IEOPP SO RAN Publ. 312 p. (In Russ.)

Lyuks S. (2010) Vlast: Radikalnyy vzglyad. Moscow. Izdatelskii dom GU VShE Publ. 239 p. (In Russ.)

Teslya P.N. (2017) Eksperimental'naya ekonomika – bystro rastuschaya vetv eko-nomicheskoy nauki. *ECO [ECO]*. No. 5. Pp. 107–124. (In Russ.)

Efroimson V.P. (1971) Rodoslovnaya altruizma (Etika s pozitsiy evolyutsionnoy genetiki cheloveka). *Novyy mir [New world magazine]*. No.10. (In Russ.)

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Урбанизация Сибири

- Урбанизация Западной Сибири – взгляд историка
- Динамика национального состава населения Сибири и Дальнего Востока в советский период
- Агломерации Западной Сибири: проблемы и перспективы

А также:

- Прогноз научно-технического развития РФ: реальный или виртуальный инструмент стратегического планирования?
- Паровые машины, револьверы и индустриальный капитализм: генезис и основания спорта
- Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям
- Нюансы образовательного процесса и их значение для реформы высшего образования
- Экономические последствия изменения возрастной структуры населения России
- Электроэнергетика вновь перед выбором
- Криптовалюты и блокчейн: потенциальное применение в государстве и бизнесе
- Эффективность энергетических плантаций
- Проблема организации общественного труда в СССР в годы Второй мировой войны
- Линия развития наукограда Кольцово: участвуем во всех федеральных программах

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2018. № 6. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2018. Выход в свет 30.06.18
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 600. Заказ 124.

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2